

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

СБОРНИК
НАУЧНЫХ
ТРУДОВ

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ
РУССКОЙ
И СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Министерство культуры РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА имени М.Е.САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сборник научных трудов

Ленинград
1989

ББК Ш 5(2=1), I

Научный редактор: В.Н.Сажин

Редактор: Н.А.Ефимова

Сборник содержит статьи, исследующие письменные источники, которые хранятся в фондах Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина. В подавляющем большинстве случаев это не вводившиеся до сих пор в научный оборот автографы выдающихся отечественных писателей: Н.Г.Чернышевского, Л.Н.Толстого, К.А.Федина, Б.Л.Пастернака, Д.И.Хармса и других. Статьи отражают разнообразие литературной и политической борьбы в России XIX-XX вв., раскрывают творческую историю литературных произведений и биографии их создателей.

Сборник предназначен для историков литературы и общественного движения в России, а также широкого круга читателей, интересующихся отечественной культурой.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета ГПБ

Н/К

Ш-1969. Поз. № 4.

М- 24373 Подписано к печати 6.12.89. Формат 60x84/16 Бум. писчая
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,69. Усл. кр.-отт. 12,69. Уч. изд. л. 11,94
Тираж 600 экз. Заказ № 186 Цена I р. 80 коп.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
Редакционно-издательский отдел, Ш. 191069, Ленинград, Садовая ул., 18.

Государственная Публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1969 г.

Список сокращений	4
Предисловие	5
Л.И.Бучина. Неизвестный автограф Н.Г.Чернышевского	7
О.И.Колтугия. Новое об "Исповеди" Л.Н.Толстого	17
Т.А.Богданова. Новые материалы к биографии В.В.Розанова (из переписки В.В.Розанова и Н.Н.Глубоковского)	25
Т.П.Воронова. Раиса Блох - русская поэтесса и историк западного средневековья (из переписки с О.А.Добиаш-Рожественской)	54
Н.А.Зубкова. В кругу друзей (письма советских писателей к М.А.Сергееву)	86
Л.А.Ильюнина. "Создатель русской науки о символизме" (материалы из архива Д.Е.Максимова)	145
А.А.Кобринский. Психологизм, алогизм и абсурдизм в прозе Даниила Хармса (о перспективных направлениях изучения архивного фонда Я.С.Друскина)	167
Н.И.Крайнева, В.Н.Сажин. Из поэтической переписки А.А.Ахматовой	191
Коротко об авторах	203

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БДП - Библиотека Дома Плеханова
ГПБ - Государственная Публичная библиотека им.М.Е.Салтыкова-Щедрина
ИРЛИ - Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
МДА - Московская духовная академия
ОР - отдел рукописей
СПДА - Санкт-Петербургская духовная академия
ЦГАЛИ - Центральный государственный архив литературы и искусства СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных трудов продолжает традиционное и, вероятно, наиболее продуктивное направление научной деятельности коллектива Отдела рукописей ИИБ – источниковедческое исследование материалов, хранящихся в его неисчерпаемых фондах.

При общем традиционном характере сборника имеются существенные отличия его от предшествующих, которые придают ему своеобразие и, смеем надеяться, выделяют его в лучшую сторону. Отличия эти суть следующие.

Сборник объединен тематикой составляющих его работ: все они посвящены источниковедческому исследованию разнообразных аспектов истории отечественной литературы. Здесь материалы, относящиеся к истории демократической журналистики 1850–60-х гг. (работа Л.И.Бучиной); актуальным проблемам литературно-общественного движения 1900-х гг. (работа Т.А.Богдановой); литературному развитию 1920–50-х гг. (работа Н.А.Зубковой) и др.

Следующей отличительной особенностью настоящего сборника является максимальная приближенность публикуемых трудов к первоисточникам. Причем, в основе практически всех работ сборника – не просто неизвестные прежде автографы творческих рукописей или переписки отечественных писателей, но эти материалы представлены именами крупнейших деятелей отечественной литературы: Н.Г.Чернышевского, Л.Н.Толстого, В.В.Розанова, К.И.Чуковского, Б.Л.Пастернака...

Наконец, третья особенность настоящего сборника, на которую хотелось бы обратить внимание: благодаря демонтажу "умственных плотин" появилась возможность расширения границ научных исследований за счет введения в их круг новых источников. Вследствие этих обстоятельств в сборнике представлены труды, в основе которых автобиографические писма оригинального русского мыслителя, публициста, литературного критика В.В.Розанова; самобытной поэтессы и переводчицы Р.Блох, с 1920-гг. оказавшейся за границей; признанного мировой культурной общест-венностью (что нашло подтверждение в присуждении Нобелевской премии по литературе) русского поэта и переводчика И.А.Бродского.

Авторы сборника надеются, что при всей разности подходов к анализу источников, читатели оценят объединявшее их всех стремление: расширить представление о подлинно значительных явлениях отечест-

венной словесности за счет введения в научный оборот новых и первоисточников.

Отзывы и замечания просим направлять по адресу: 191069 Ленинград, Садовая ул., 18. Государственная Публичная библиотека имени М.Е.Салтыкова-Щедрина. Заместителю директора по научной работе.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Жизни и деятельности Николая Гавриловича Чернышевского посвящено большое число исследований историков и литературоведов, поэтому расширение круга источников по этой теме — дело сложное, но необходимое. Фронтальный просмотр личных фондов лиц из близкого окружения Чернышевского является надежным средством пополнения источниковедческой базы.

Среди таких фондов ОР ИЦБ один из самых интересных — фонд Петра Петровича Пекарского (1827—1872), историка, литературоведа академика, известного специалиста по истории русской культуры петровской эпохи, сотрудника "Современника".

После окончания в 1847 г. юридического факультета Казанского университета Пекарский несколько лет служил в удельной конторе в Самаре. К концу 1848 г. относится начало его знакомства с Н. В. Шелгуновым, будущим известным революционным демократом и соратником Чернышевского, служившим в той же конторе в эти годы. В 1851 г. Пекарский добился перевода в Петербург в канцелярию министра финансов, куда он переезжает вместе с Н. В. и Л. П. Шелгуновыми. В Петербурге они поселяются вместе, и дом Шелгуновых становится своеобразным центром для переловой молодежи Петербурга. Друг Пекарского по Уфе, поэт, переводчик, сотрудник "Современника" Михаил Илларионович Михайлов, стал еще одним звеном, связывавшим Пекарского с "Современником" и с широким кругом представителей революционно-демократического направления 1860-х гг.

Точную дату знакомства Чернышевского и Пекарского установить не удалось. М. В. Машкова называет 1853 г.¹, но не указывает источников, которые дают ей основание так датировать их встречу. В "Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского" знакомство их датируется мартом 1855 г.² Есть достаточно оснований отнести их первую встречу к 1853 г., так как трудно представить, что Михайлов,

¹ Машкова М. В. П. П. Пекарский (1827—1872): Крат. очерк жизни и деятельности. М., 1957. С. 8.

² Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953. С. 105.

как уже указывалось, друг Пекарского еще по Уфе, не познакомил его с Чернышевским сразу же по возвращении последнего в Петербург в 1853 г. Появление в апрельском номере "Современника" за 1855 г. серьезной работы Пекарского, отредактированной А.Н.Пыпиным, также ставит под сомнение столь позднюю дату их знакомства, как март 1855 г. Первая встреча могла состояться и у Михайлова, и у Пыпина, но постоянно они должны были встречаться в Публичной библиотеке. Н.В.Шелгунов вспоминает: "Занявшись изучением петровской старины, Пекарский ушел в нее о руками, ногами и головой, но к Петру Великому он относился не особенно почтительно и возмущался его деспотизмом и жестокостью. Бывало, выищет какой-нибудь резкий факт, не вытерпит, бросит чтение, подойдет (я тоже работал в Публичной библиотеке) и начинает рассказывать, возмущаясь и волнуясь, точно это случилось вчера. В это же время работал в Публичной библиотеке А.Н.Пыпин.

Раз Пекарский со своим обыкновенным таинственным видом говорит мне вполголоса, что познакомился с Н.Г.Чернышевским. Пекарский говорил мне о нем, пожалуй, с большим одушевлением, чем он обыкновенно говорил о профессоре Мейере"³, восторженным поклонником и учеником которого он был.

В это время Чернышевский продолжал работу над "Опытом словаря из Ипатьевской летописи", а Пекарский трудился над исследованием "Русские мемуары XVIII века", имеяшим первоначально заглавие "Записки русских людей XVIII столетия, как материал для истории языка".

С октября 1846 г. Публичная библиотека была местом постоянных занятий Чернышевского, а в рукописном отделе он со студенческих лет вел серьезную научную работу. По рекомендации И.И.Срезневского Чернышевский работал над Лаврентьевской летописью. По этому поводу в Архиве ПИБ сохранилось письмо Срезневского М.А.Корфу. Известно прошение Чернышевского Корфу от 21 сентября 1853 г. о работе с рукописными источниками житий Феклы и Кондрата⁴. Документальные подтверждения работы Чернышевского над списками Ипатьевской летописи,

---

³ Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. I: Воспоминания Н.В.Шелгунова. С.70-71.

⁴ Корель И.И. Н.Г.Чернышевский и Публичная библиотека // Тр. ПИБ. 1957. Т.3(6). С.92-93.

хранящимися в ОР Публичной библиотеки, отсутствуют, но предположить, что он обращался к ним, возможно, так как имел разрешения на работу с Лаврентьевской летописью, Чернышевский мог обратиться и к другим рукописным текстам летописей.

Осень 1853 г. и 1854 г. - время напряженной работы Пекарского над рукописными источниками петровской эпохи. "Русские мемуары XVIII века", опубликованные в трех номерах "Современника" за 1855 г., содержат анализ значительного рукописного материала, привлеченного в обстоятельно проанализированного автором. Наглядное этому свидетельство - многочисленные осылки на рукописи современного Основного собрания рукописной книги ОР ГПБ.

Проблемы истории языка, интересовавшие в эти годы и Пекарского, и Чернышевского, являлись постоянным толчком к общению, обмену мнениями, чему несомненно опосредствовали и регулярные занятия над рукописными материалами в Публичной библиотеке. О влиянии Чернышевского на характер и направление научной работы Пекарского сохранилось свидетельство самого Пекарского в неопубликованных его воспоминаниях "Учено-литературная Москва в конце 1866 и начале 1867 годов", где он пишет: «Бартенев только один из москвичей решился меня спросить о том, о чем все мои московские новые знакомцы конечно помышляют не без некоторого содрогания: "Вы были другом Чернышевского?" - Другом не был, отвечал я со всею искренностью, но в первое время моего знакомства о нем, признаюсь даже теперь, находился под его влиянием. Оно выразилось у меня тем, что по его совету я, вместо жиденького каталога à la Геннади петровских книг, составил подробное им описание; по его же настоянию у меня составила и I-я часть⁵, которой я никогда не предполагал обработать. "Если уже начали делать, так надо делать не кое-как, а прочно". Послушавшись его, я с каждым годом более входил в мою работу, оставил прежние знакомства, и редко стал бывать и у Чернышевского. Увидчившие занятия были причиной, что мы стали холоднее друг к другу, и последние бурные три года его жизни для меня уже не были известны. Он скривился передо мною, но так ловко, что я уже об этом узнал, когда в публичке оделались известны главные пункты обвинений против него...»⁶.

⁵ Наука и литература в России при Петре Великом: Исследование: В 2 т. СПб., 1862. Удостоено от Академии наук полной Демидовской премии.

⁶ ОР ГПБ. Ф. 568, № 86. Л.8об.-9.

В фонде Пекарского нами обнаружен ранее неизвестный автограф Чернышевского, относящийся к концу 1854-го - началу 1855-го гг., наличие которого уже само по себе является свидетельством их тесного научного сотрудничества. Рукопись представляет собой писарскую копию журнала Степана Петровича Хметевского, веденного им во время архипелагской экспедиции русского флота 1770-1774 гг. Готовил рукопись к публикации в "Современнике" Чернышевский. Текст Хметевского ползвргся значительной обработке. Многие страницы порочеркнуты карандашом, а на нижних, иногда на боковых полях рукописи Чернышевский пишет изложение содержания сокращенных частей журнала. Значительное по объему сочинение было опубликовано в двух номерах "Современника"⁷. Чернышевский же написал и предисловие к публикации, но оно в рукописи отсутствует. На первой странице журнала имеется его помета карандашом: "Это набирайте, пожалуйста. И пришлю вступление, которое должно быть впереди"⁸.

Писарская копия журнала Хметевского значительна по объему - 107 листов, формат в лист; на каждом листе есть автографы Чернышевского: от одного слова - указания наборщику, каким шрифтом набирать текст, до целой страницы - с изложением содержания первой части публикации.

Отсутствие вступления к журналу Хметевского в Собрании сочинений Чернышевского объясняется тем, что в "Современнике" оно опубликовано без авторской подписи и шло от редакции. Предположение об авторстве Чернышевского было высказано В.Э. Боградом⁹ уже после выхода XVI тома Собрания сочинений, и обнаружение автографа Чернышевского подтверждает эту атрибуцию. Основанием для утверждения Бограда явилось следующее указание Пыпина, сделанное к неопубликованной работе Пекарского "Материалы к словарю русских писателей XVII-XIX веков": "Приготовление к изданию "Журнала Хметевского" в "Современнике" [1855, № 1 и 2]"¹⁰.

⁷ Журнал Степана Петрова сына Хметевского о военных действиях русского флота в архипелаге и у берегов Малой Азии в 1770-1774 годах // Современник. 1855. Т.49, № 1. С.37-62 (pag.2-я); № 2. С.111-170) (pag.2-я).

⁸ ОР ИРЛИ. Ф.568, № 463. Л.1.

⁹ Боград В.Э. Журнал "Современник", 1847-1856: Указ. содерж. М.; Л., 1959. С.581.

¹⁰ ИРЛИ. Ф.88, № 164. Л.21.

Выявлено ранее неизвестного автографа Чернышевского заставляет по-новому взглянуть на предисловие к журналу Хметевского, в котором Чернышевский сформулировал свои принципы публикации исторического источника и особенности журнальной публикации. В предисловии он дает краткий историографический обзор литературы о действиях русского флота в Средиземном море в 1770—1774 гг. Определяет место публикуемого источника в имеющейся литературе по этому вопросу, высоко оценивает его достоверность и профессионализм автора, приводит подробную текстологическую характеристику журнала, правда, не указывая места хранения рукописи. Несмотря на ценность журнала Хметевского как исторического источника, Чернышевский считает невозможным давать в журнале полный текст рукописи. "Мы опускаем, — пишет он, — эти ни к чему не ведущие мелочи, думая, что журнал обязан печатать статьи не иначе, как в таком виде, в котором они могли бы быть прочитаны. Быть может найдутся люди, которые захотят сказать, что они недовольны изданием исторических материалов не вполне; но мы уверены, что наши читатели одобряют наше понятие об условиях, единственно при соблюдении которых журнал имеет право давать своим читателям важный и любопытный исторический материал; эти условия: сохранение всего, что в издаваемом материале сколько-нибудь интересно для читателей или важно для истории: опущение того, что утомительно и с тем вместе не имеет никакой исторической важности"¹¹. Публикация документа полностью, добавляет Чернышевский, "несравненно легче и спокойнее", поскольку избавляет "от кропотливого и утомительного труда пересматривать одну страницу по нескольку раз, сличать каждое вычеркиваемое место с предыдущим и последующим..."¹².

Все значительные пропуски текста Чернышевский восполняет кратким пересказом их содержания, приводимым при издании в "Современнике" в скобках. Это правило, всегда соблюдаемое Чернышевским, дает возможность представить, как выглядит обнаруженная нами рукопись: все, что в "Современнике" напечатано в скобках, в рукописи — автограф Чернышевского. Для удобства читателя издатель применяет

¹¹ Современник. 1835. Т.49, № 1. С.41 (паг. 2-я).

¹² Там же.

набор текста двумя шрифтами: крупным шрифтом напечатаны места "имеющие существенную важность и заслуживающие внимания читателей; мелким напечатаны мелочные подробности, нужные только или для соображения тем читателям, которые захотят серьезнее вникнуть в журнал, или для связи между существенно важными местами, или для сохранения характера дневника"¹³. Рукопись из фонда Пекарского сохранила для исследователей все следы этой тщательной работы Чернышевского по подготовке к изданию журнала Хметевского.

Следует однако отметить, что Чернышевскому не удалось до конца быть последовательным. Сокращения отдельных выражений, частей предложения он, конечно, не отмечал, хотя они могут представлять интерес для читателя. Так, замечания Хметевского о месте захоронения в Петербурге его отца, сведения о других родственниках для историков города могут оказаться не менее интересны, чем детали морских сражений. Приведем некоторые из сокращенных, но не отмеченных как пропущенные, мест: "... и погребен отец на Выборгской стороне, у церкви Самсония - странноприимца"¹⁴. Еще одно такое сокращение: "Дядя Степан Григорьевич Мягков, будучи болен водяною болезнью, в декабре месяце в Петербурге умер, а погребен у церкви, называемой Посадской на Выборгской стороне"¹⁵.

Для Чернышевского ценность записок Хметевского в освещении малоизвестных страниц славной истории русского флота, документальных источников которой практически нет в распоряжении ни исследователей, ни читателей - любителей русской истории. И сокращения в рукописи он делает, руководствуясь именно этой, главной для него ценностью журнала.

Пекаровский, занятый подготовкой исследования, посвященного в значительной степени проблемам языка ХУШ в., использовал оказавшийся в его распоряжении источник по-другому. В работах Пекарского удалось обнаружить единственное упоминание журнала Хметевского. В номере четвертом журнала "Современник" за 1855 г. помещена его

---

¹³ Современник. 1855. Т.49, № 1. С.42 (пар. 2-я).

¹⁴ ОР ГИБ. Ф.568, № 463. Л.10б.

¹⁵ Там же. Л.2.

статья "Русские мемуары XVIII века". На последней странице автор отмечает любопытную особенность языка XVIII в. — длительное бытование архаичных слов, связанных с воспитанием. Он пишет: «Но не только обычаи, приемы, даже самые технические названия, издревле употреблявшиеся при воспитании, удерживались у нас очень долго: еще в XV столетии грамотные люди, занимавшиеся обучением детей, одели у нас под названием мастеров и мастериц. Они были и в XVI веке, а из журнала Хметевского видно, что под тем же названием эти лица существовали и в сороковых годах прошлого столетия. Каковы были эти мастера и мастерицы, сообщает нам тот же Хметевский, который "учился у многих мастеров и мастериц, которые сами мало грамоте знали, в своем доме и в людях"»¹⁶. Пекарский ссылается на публикацию журнала Хметевского в "Современнике" и добавляет: "Хметевский был моряк, и дневник его касается всего более происшествий из турецкой кампании 1770-1774 годов"¹⁷.

Пекарский использует в своей статье журнал Хметевского только один раз в то время, как все другие записки он подвергает подробному анализу, характеризуя и автора записок, и их язык. Можно сделать предположение, что Пекарский впервые увидел записки Хметевского в январском номере "Современника" за 1855 г., т. е. уже завершая свое сочинение, предназначенное для апрельского номера; но имел возможности изучить журнал основательно и вполне мог попросить у Чернышевского наборную рукопись, знал, что она полнее журнального варианта и тем ценнее для него как исследователя языка. Такова одна из возможных версий, объясняющих присутствие этого автографа Чернышевского в фонде Пекарокого.

Мы не ставили себе целью детальное изучение обнаруженного автографа Чернышевского, изложенных им принципов публикации источника и претворения этих принципов в издании журнала Хметевского. Это может быть самостоятельным исследованием. Наша задача — ввести данный автограф в научный оборот, т. е. ответить на ряд нерешенных вопросов, и, наоборот, определить те, которые заново ставит обнаруженная рукопись.

---

¹⁶ Современник. 1855. Т. 50, № 4. С. 90 (паг. 2-я).

¹⁷ Там же.

Наличие автографа несомненно свидетельствует, что Чернышевский — автор предисловия к журналу Хметевского и в новом его собрании сочинений оно должно бы быть. Вероятно, как-то должна бы отразиться в таком издании, хотя оделать это, конечно, не просто, и сложная работа Чернышевского непосредственно над текстом журнала.

В связи с тем фактом, что Чернышевский бесспорно автор предисловия к журналу Хметевского, возникает необходимость вновь вернуться к вопросу, являлся ли он автором всех статей из раздела "Журналистика" в "Отечественных записках" 1854—1855 гг., которые вошли в дополнительный, XVI том Собрания сочинений Чернышевского. Среди статей Чернышевского из раздела "Журналистика", помещенных в "Отечественных записках", одна под названием "Географические статьи Библиотеки для чтения" и журнал Хметевского... содержит следующий отзыв об этой публикации: "Говоря серьезно, неужели можно подобные материалы печатать в журнале, старающемся о легкости и занимательности? В кратком и сухом журнале Хметевского о пребывании его корабля на архипелажских водах во время войны 1770—1774 годов, может быть, найдется пять или шесть кратких указаний, не бесполезных для соображения будущему историку этой войны; но возможно ли занимать страницы не специального журнала сухим перечнем... Особо странно это в "Современнике", который так любит гордиться своим стремлением к легкости, так строго осуждает в других журналах статьи, кажущиеся ему скучными или тяжелыми. Если уж непременно хотелось "Современнику" напечатать что-нибудь о турецкой войне 1770—1774 годов, он мог бы, выпустив все перечни о нем ведущем ни к чему передвижению судов, напечатать в виде отрывков те места из "Дневника" Хметевского, где говорится о каких-нибудь важных мерах и о военных действиях: тогда первая статья вместо тридцати восьми страниц, заняла бы осьмнадцать; но и в них разве восемь нашел бы сколько-нибудь нужными для себя будущий историк или интересными читатель, знакомый хотя посредственно о русской историей; потому что самые описания сражений, в которых участвовал Хметевский, чрезвычайно сухи, бледны и кратки и не сообщают почти ничего нового"¹⁸.

Трудно предположить, что Чернышевский мог опубликовать в

---

¹⁸ Чернышевский И.Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т.16 (доп.). С.84.

"Отечественных записках" такой отрицательный отзыв на собственную работу, увидевшую свет в двух номерах "Современника", причем, работу очень трудоемкую, потребовавшую от него, по собственному признанию во вступлении, значительных усилий. Не насторожило Бограла и замечание Пыпина, уточняющее опаски работ Чернышевского, вернее, конец его: "Приготовление к изданию "Журн. Хметевского" в "Современнике" 1855, № 1 и 2, который обруган в "Отеч. записках", 1855, № 2 в "Журналистике"¹⁹. Едва ли можно допустить, что Пыпин в таких выражениях дополнит двумя работами список трудов Чернышевского; логичнее считать, что речь идет об одной работе и отрицательном отзыве на нее в другом издании и другого автора.

Нуждается в пересмотре доказательства Бограла о принадлежности Чернышевскому "ученой" части отдела "Журналистика" в № 1 "Отечественных записок".

Основой этого доказательства были следующие строки Чернышевского в письме к отцу от 1 февраля 1855 г.: "...сосчитав из любопытства, сколько было помещено написанного моей рукой (если не головою, которая не во всем участвует)²⁰ в ниварских книжках "Отеч/ественных/ зап/исок/" и "Современника", открыл я, что всего набирается 156 страниц — т.е. 9³/₄ печатных листов большого формата"²¹. При подсчете количества страниц, написанных Чернышевским для этих номеров журнала, общая сумма в 156 страниц набиралась только при учете 4 страниц "ученой" части отдела "Журналистика" в № 1 "Оте-

---

¹⁹ ИРЛИ. Ф.88, № 164. Л.21.

²⁰ Эти строки Чернышевского нуждаются в пояснении. Он не однажды (см. письмо к отцу от 10 октября 1854 г. — Полн. собр. соч. Т.16. С.271) в полумутливой форме делит свои сочинения на те, которые написаны "моею рукой" или "если не мною, то моим почерком", и на другие, в создании которых участвует и "голова". Необходимость писать разное по достоинству произведения огорчала Чернышевского: "У меня почти не остается времени для подобных работ (имеются в виду диссертационные занятия А.Н.Пыпина. — Л.Б.), и статьи, мною помещаемые решительно не заслуживают внимания, потому что они пишутся так поспешно, как только способна писать рука" (Там же, Т.14. С.271).

²¹ Там же. С.286.

чественных записок", что и явилось обоснованием для включения в XVI том Собрания сочинений заметок под названием «Географический словарь "Библиотека для чтения" и ее критика. - "Вестник естественных наук. - Газета "Кавказ"»²². Находка неизвестного автографа Чернышевского увеличивает на несколько страниц объем предполагаемых ранее его работ в "Современнике", добавляется еще одно слагаемое, и простая арифметика ставит под сомнение все данное построение доказательства и правомерность столь простого арифметического приема. Возникает необходимость вновь обратиться к атрибуции "ученого" раздела "Журналистика" в "Отечественных записках" 1854-1855 гг., во всяком случае в № 1 и 2 журнала за 1855 г.

В настоящей статье мы остановились только на одном новом сюжете в отношениях Чернышевского и Пекарского, который пришелся на начало их знакомства. Содержание же фонда Пекарского в этом плане далеко не исчерпано. Публицистическая деятельность Пекарского в годы революционной ситуации 1859-1861 гг., влияние на нее Чернышевского и всей революционно-демократической мысли тех лет - следующая, самостоятельная страница в исследовании рукописного наследия Пекарского.

---

²² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т.16. С.79-83.

НОВОЕ ОБ "ИСПОВЕДИ" Л.Н. ТОЛСТОГО

В 1910—1911 гг. в различных партийных (большевистских) изданиях появились статьи Г.В. Плеханова о Л.Н. Толстом: "Заметки пуляциста" ("Откуда и досюда")¹, "Смещение представлений" (Учение Л.Н. Толстого)², "Карл Маркс и Лев Толстой"³, "Еще о Толстом"⁴. Все они сыграли большую роль в борьбе, которая велась марксистской губ-лицистикой за Толстого и против толстовства в дни после смерти писателя⁵. Еще до создания этой серии Плехановым были написаны две статьи о Толстом ("Симптоматическая ошибка" и "Толстой и природа"). По свидетельству Р.М. Плехановой, еще в середине 1890-х гг., "в разгар увлечения толстовским учением русской молодежи и общества", Плеханов выступал на собраниях женеvской политической эмиграции и студенчества против восхваления "философских взглядов Толстого и его положения о "непротиивлении злу"⁶. Об отрицательном отношении Плеханова к толстовству говорят и многие его высказывания о Толстом в статьях 1890-х гг.: (так, в одной из них он указывает на "уродливое" решение автором "Исповеди" ряда общественных вопросов)⁷. Особый интерес Плеханова вызывали философско-религиозные трактаты

---

¹ Звезда. 1911. 16/29 дек., № 1.

² Мысль. 1910. Дек., № 1; 1911. Янв., № 2.

³ Социал-демократ. 1911. 13/26 янв., № 19/20.

⁴ Звезда. 1911. 26 февр., № 11; 5 марта, № 12; 12 марта, № 13; 19 марта, № 14.

⁵ Прочитав статью Г.В. Плеханова "Карл Маркс и Лев Толстой", В.И. Ленин в письме к А.М. Горькому от 3 января 1911 г. писал: "Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и хитропством перед Толстым, и мы тут сошлись" (Собр. соч. Т. 48. С. 11).

⁶ Группа "Освобождение труда". М.; Л., 1926. Сб. 4. С. 295.

⁷ Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Л., 1925. Т. 10. С. 95.

Толстого ("Исповедь", "В чем моя вера?", "Не могу молчать")⁸: "Лучшие страницы в сочинениях того периода деятельности Толстого, который можно назвать религиозным периодом, посвящены изображению и разоблачению многочисленных физических и нравственных зол, порожденных ответственностью, основанной на эксплуатации одного общественно-го класса другим. И несомненно, что эти лучшие страницы привлекли к нему горячее сочувствие многих и многих читателей. Пролетариат читает в Толстом, едва ли не главным образом, автора этих замечательных страниц"⁹.

Из немногочисленных материалов о Толстом, хранящихся в архиве Плеханова, представляют интерес два неопубликованных до настоящего времени документа: текст "Исповеди" Толстого о его автографом и черновик ответа Плеханова "Толстовскому обществу". Подробнее остановимся на первом из них.

Это литографированное издание первой части большого религиозно-философского трактата Толстого "Вступление к ненапечатанному сочинению графа Л.Н. Толстого", впоследствии, в первой его редакции, получившему название "Исповеди"¹⁰. Часть листов утрачена. В тексте подчеркивания простым и синим карандашом. На первом листе литографированного текста - дарственная надпись чернилами: "Александрю Васильевичу Верещагину. Лев Толстой". У это произведения путь к читателям оказался сложным. В 1881 г. Толстой решил опубликовать "Исповедь" в журнала "Русская мысль". Ее текст был набран и напечатан, но уже 26 июня 1882 г. последовало определение Московского цензурного комитета: "Сообщить г. старшему инспектору, что статья

⁸ По воспоминаниям В.Д. Бонч-Бруевича, "Плеханов собирался посвятить этому трактату ("Исповеди" - О.К.) Толстого особое исследование и, когда читал лекции об искусстве в Лозанне, Женеве и Цюрихе, всегда разбирая это произведение Льва Николаевича (На лит. посту. 1928. № 1. С.2).

⁹ Плеханов Г.В. Литература и эстетика. М., 1958. Т.2. С.394-395.

¹⁰ Этот религиозно-философский трактат состоял из 4 частей: 1) "Исповедь"; 2) "Исследование догматического богословия"; 3) "Соединение и перевод четырех Евангелий"; 4) "В чем моя вера?"

гр. Толстого, как недозвоненная к печати, должна быть, по исключе-
нии ее из майской книги журнала, уничтожена; о вышеизложенном до-
вести до сведения Главного управления по делам печати"¹¹. Газета
"Голос" 24 июля 1882 г. (№ 198) сообщала, что статья Толстого "по
передаче ее инспекторам типографий в распоряжение полиции, полици-
ей на днях уничтожена". Это было не совсем так: из майского номера
"Русской мысли" (по словам Н.Н.Бахметьева) "Исповедь" пришлось выре-
зать и препроводить в Главное управление по делам печати, но оно бы-
ло вынуждено выдать несколько оттисков некоторым высокопоставленным
лицам, в просьбе которых управление не могло отказать. У Бахметьева
лично, а также в редакции журнала "Русская мысль" осталось несколь-
ко корректурных оттисков "Исповеди" в верстаных листах и гранках,
некоторые даже с поправками автора. С них в свое время снимались
многочисленные копии, которые затем в гектографированном или лито-
графированном виде расходились по всей России. В Петербурге суще-
ствовал кружок студентов, специально занимавшихся таким издатель-
ством. По три рубля за один экземпляр в Петербурге, Москва и других
городах можно было иметь сколько угодно оттисков "Исповеди". Толсто-
также получил несколько оттисков своей статьи, которые быстро ра-
зошлись по рукам. Один из таких оттисков и получил, вероятно,
А.В.Верещагин, ибо к этому времени относится его первая встреча с
Толстым. В материалах к биографии Л.Н.Толстого, подготовленных
Н.Н.Гусевым, нет упоминаний о встрече Толстого с Верещагиным¹². В
Собрании сочинений Толстого, где опубликованы биографические данные
Верещагина и письма Толстого к Стасову и Верещагину, сделано приме-
чание: "О его <Верещагина> знакомстве с Толстым сведений не имеет-
ся". Таким образом, автограф из архива Плеханова, позволяет не
только дополнить хронику жизни Толстого знакомством с одним из при-
мечательных людей того времени, но и найти интересные воспоми-
нания самого Верещагина о встречах с великим писателем.

Александр Васильевич Верещагин, брат художника В.В.Верещаги-
на, родился 10 мая 1850 г. в Череповецком уезде Новгородской гу-

---

¹¹ Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии
с 1881 по 1885 гг. М., 1970. С.165.

¹² Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии
с 1870 по 1881 гг. М., 1963. (Н.Н.Гусев был секретарем Толстого).

бврнии. Был участником Турецкой кампании. Служил ординарцем у генерала Скобелева. В 1900—1902 гг. служил на Дальнем Востоке. Умер 28 января 1909 г. в чине генерал-майора. Из его произведений извостни: "Дома и на войне, 1853—1881 ; Воспоминания и рассказы" (Спб., 1886), "У болгар и за границей, 1881—1883; Воспоминания и рассказы" (Спб., 1890), "Новые рассказы (1885—1895)" (Спб., 1900).

В 1881 г., после Текинской экспедиции Верещагин со Скобелевым поехал в Париж, где и остался, чтобы помочь брату в устройстве художественных выставок¹³. В это время он пишет перья главы воспоминаний своего детства и военные рассказы, которые посылает в Петербург Владимиру Васильевичу Стасову. "Отлично, прекрасно, великолепно. Выйдет тузовая вещь!"¹⁴ Так оценил их Стасов, который и в последующие годы оставался для Верещагина самым верным и самым строгим критиком его работ. Именно ему и принадлежала идея прочесть рассказы Верещагина Толстому. Вот как это описывает в своих воспоминаниях Александр Васильевич: "Однажды сижу я у него в квартире и читаю ему свои записки. Только вдруг он откидывается своим могучим туловищем на спинку стула и возбужденно говорит мне: "Знаете что! Поезжайте-ка Вы ко Льву Толстому. Он теперь в Москве. Живет в Хамовниках в своем доме"¹⁵. Право, поезжайте. Пускай-ко он Вас послушает, а я напишу ему об Вас"¹⁶.

---

¹³ Подробно об организации выставок по всей Европе Верещагин сообщал в своих письмах Стасову (ОР ГИБ. Арх. В.В.Стасова. Ф.738, № 119).

¹⁴ Верещагин А.В. Новые рассказы (1885—1895). Спб., 1900. С.188.

¹⁵ К 8 октября 1883 г. работы по ремонту дома, купленного у И.А.Арнаутова в Долго-Хамовническом переулке, были закончены и семья Толстого переехала из Ясной Поляны в Москву.

¹⁶ Письмо Стасова к Толстому неизвестно, однако уже 7 декабря 1883 г. Толстой в ответном письме к нему пишет: "Вы не ошиблись в Верещагине. Это именно тот художественный историк войны, которого/орого/ не было — поэтический и правдивый. Очень бы желал, чтобы книга (очевидно, рукопись книги Верещагина "Дома и на войне". — О.К.) эта была напечатана. Си мне очень, очень понравился. Это не художник, а лучше, — трезвый, умный и правдивый человек, который много пережил и умеет рассказать хорошо то, и только то, что он видел и чувствовал. А это ужасно редко. — Благодарю Вас за Тимофееву и за Верещагина, Ваш Л.Толстой" (Полн. собр. соч. М.; Л., 1934, Т.62. С.473. Об этой книге есть упоминания и в дальнейших письмах Толстого к Стасову).

На первом чтении рассказов Верещагина присутствовали только Толстой и проф. /М.М. 7/Ковалевский. Были прочитаны отрывки из военных рассказов, "Ловчинский бой" и из воспоминаний детства. Рассказы Толстому понравились:

"Знаете, я ранее был предубежден против ваших рассказов. Мне казалось, что там должны быть выдумки. И тогда я ни за что не стал бы больше слушать. Но тут все правда". При этом же чтении Л.Н.Толстой спросил А.В.Верещагина:

"А что, вы не откажетесь, ежели я попрошу вас приехать завтра вечерком прочитать нам еще что-нибудь? Я пригласю кой-кого из знакомых"¹⁷. На следующий день Верещагин снова читал у Толстого. На этот раз на чтении было человек 15, члены семьи, граф Олсуфьев, проф.Ковалевский и др. Во время этой встречи Толстой вспомнил о его неудачной попытке знакомства с братом Верещагина, художником Василием Верещагиным¹⁸. В дальнейшем у Верещагина было еще несколько встреч с Толстым - в январе 1893 г., когда вышла первая книга его воспоминаний. Больше они никогда не встречались, однако в переписке Толстого с друзьями имя Верещагина упоминается и в последующем. Так, в августе 1899 г. Стасов пишет Толстому: "А между тем Александр

---

¹⁷ Верещагин А.В. Полные рассказы (1855-1895). СПб., 1900. С.191; В ИРЛИ хранится записка Толстого Верещагину от 7 декабря 1883 г.: "Если вам все равно, приходите, пожалуйста, - пятницу вечером. Можно позвать кое-кого - таких, которые понимают. Если согласны на то и другое, не отвечайте, а приходите. Если несогласны, напишите. Толстой". На полях записки рукой Стасова помечено: "(чтение "Записок" Верещагина)". См.: Толстой Л.Н. Указ. соч. Т.63. С.143-144.

¹⁸ 21 января 1880 г. Толстой был в Петербурге, и во время его посещения Публичной библиотеки Стасов сообщил ему о желании художника Верещагина познакомиться с ним. Толстой просил Верещагина прийти на другой день в определенный час в Публичную библиотеку. Напрасно прождав Толстого несколько часов, художник послал ему довольно резкое письмо. Не зная ни адреса, ни имени отца Верещагина, Толстой написал Стасову: "Скажите ему /Верещагину/, пожалуйста, что на меня сердиться нельзя, потому что у меня теперь одно желание в жизни - это никого не огорчить, не оскорбить, никому - палачу, ростовщику - не сделать неприятного, а постараться полюбить их и заставить себя любить, а что его я люблю без усилия и потому не мог сделать ему неприятного. Но видно я отрицательно нечаянно сделал ему больно тем, что не пришел и не написал, в прошу его простить меня не на словах только, а так, чтобы и не иметь ко мне никакого неприязненного чувства" (Там же. С.10).

Васильевич Верещагин (который теперь состоит чиновником по особым поручениям при министре и действует превосходно), рассказывает министру настоящую самую правду о том, где что найдет, куда его министр посылает исследовать, между тем как прежние посланцы привозили всё только фальшь и ложь"¹⁹.

Трудно сейчас сказать, каким образом эта рукопись попала в фонд Плеханова. Ни в его переписке, ни в воспоминаниях Р.М. Плехановой и членов группы "Освобождение труда" нет об этом никаких упоминаний. Возможно, что ее передал Георгию Валентиновичу М.К. Эллидин. После неудачной попытки Толстого издать "Исповедь" в России, ее пришлось напечатать за границей, где она и появилась в издательстве Эллидина в Женеве²⁰. Это было первое произведение Толстого, вышедшее нелегальным путем. Плеханов долгое время поддерживал знакомство о Эллидиным. В Швейцарии Плеханов почти ни о ком не встречался, кроме Эллидина и еще двух-трех человек²¹. Эллидин активно поддерживал издания группы "Освобождение труда", распространял их через свою библиотеку. Плеханов часто пользовался библиотекой Эллидина для работы. В библиотеке Плеханова есть произведения Толстого, изданные Эллидиным. Это наиболее ранние печатные издания его работ (с 1890 по 1899 гг.)²². Среди изданий Эллидина нет "Исповеди". вполне вероятно, что рукопись "Исповеди" могла быть Эллидина, поскольку на своих изданиях произведений Толстого он часто указывал, что оно печатается "по исправленной рукописи".

В дальнейшие годы библиотека Плеханова пополнялась произведениями Толстого в издании "Свободного слова"²³ под редакцией Черт-

---

¹⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1933. Т.72. С.148.

²⁰ М.К. Эллидин (1835-1906) - первый зарубежный русскоязычный издатель произведений Чернышевского и Толстого, основатель книжной лавки и библиотеки революционной нелегальной литературы.

²¹ См.: Группа "Освобождения труда". М., 1924. Сб. № 2. С.166.

²² 5 изданий.

²³ 23 издания.

кова²⁴. Эти издания были присланы Плеханову Бонч-Бруевичем. Из письма последнего к Плеханову:

"Дорогой Георгий Валентинович, вместе с этим письмом посылаю Вам все издания Черткова. И теперь, как видите, живу в Англии... Чертковы — мои большие личные друзья. Вы знаете наверное, что их выслали из России за противоправительственную пропаганду. В Англии он занялся издательской деятельностью. Он располагает громадным интересным материалом... Если бы Вы видели, какие есть здесь ценнейшие документы! У Черткова хорошая типография, хорошие средства и связи"²⁵. Возможно, что литография "Исповеди" была прислана также Бонч-Бруевичем, который в 1898-1899 гг. работал с Чертковым в его издательстве.

При написании своих статей Плеханов тщательно прорабатывал весь имеющийся у него материал по этой теме: делал выписки из книг, которых не было в его библиотеке²⁶, делал замечания и отчеркивания на полях своих изданий. Места и отчеркнутые текстовые пометы в его книгах личного собрания библиотеки были как-бы черновиком его будущей работы, часто они использовались без изменения в окончательном варианте. Из двух изданий "Исповеди" Толстого²⁷ — следы чтения — карандашные отчеркивания и пометы Плеханова есть только на издании Парамонова²⁸. Это издание Плеханов цитирует в своей

---

²⁴ Чертков в 1880-1890-х гг. основал издательство "Посредник", которое печатало книжки для народа, в том числе и рассказы, специально написанные Толстым для этого издательства. Высланный в 1897 г. за границу за протест против гонения на духоборов, Чертков создал в Англии издательство, печатавшее на русском и английском языках запрещенные в России произведения Толстого и хронику толстовского и сектантского движения в России. После смерти Толстого, Чертков, согласно воле писателя, приступил к подготовке к печати всех его неизданных произведений.

²⁵ Проблемы истории философии, этики и общественной мысли. М., 1974. Т.3. С.223. (Филос.-лит. наследие Г.В.Плеханова).

²⁶ В записных книжках Плеханова (их около 200) только в 14 встречаются упоминания о Толстом, в основном это замечания типа "Ср. Толстого", "См. у Толстого", и ни одной выписки из произведений Толстого. Таким образом, для написания своих статей Плеханов использовал материалы из своей библиотеки.

²⁷ Толстой Л.Н. Исповедь. Ростов н/Д: Изд. Е.Н.Парамонова "Дон-речь", Б.г. 62 с.; Исповедь графа Л.Н.Толстого. Берлин: Изд. И.Редв, Б.г. 98 с.

²⁸ Ом.: БДІ, шифр кн. Д 17113.

статье "Заметки публициста ("Отсюда и досюда")"²⁹. При сравнении характера пометок на литографическом тексте и тексте издания Парамонова было замечено совпадение многих карандашных пометок, однако в первой рукописи они многочисленнее³⁰. Вероятно, что первоначально для своей работы Шлеханов имел на руках только литографированный экземпляр произведения Толстого, а уже потом, при чтении печатного текста "Исповеди", он отметил только некоторые, особо важные, по его мнению, части текста. Многие из отмеченных мест он цитирует в своей статье о Толстом.

---

²⁹ Впервые эта статья опубликована в "Звезде" (1910. 16 дек., № 1). Она была сопровождена редакционным примечанием: "Редакция предполагает посвятить несколько статей вопросу об общественном значении деятельности Толстого, которая несомненно требует разностороннего освещения".

³⁰ Для сравнения были взяты л. 65-84 рукописи (л. 25-64 - отсутствуют) и соответствующие им с. 44-60 - издания Парамонова: л. 65 - с. 45; л. 68 - с. 47; л. 70 - с. 48; л. 71 - с. 49; л. 72 - с. 50; л. 73 - с. 51; л. 74-75 - с. 52-53; л. 78 - с. 55. Страницы - 47-49, 55 - Шлеханов цитирует в своей статье.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ В. В. РОЗАНОВА

(из переписки В. В. Розанова и Н. Н. Глубоковского)

При одном упоминании имен Розанова и Глубоковского вместе возникает вопрос – что могло объединять этих людей, столь разных по общественному положению и мировоззрению. Публициста "Нового времени", писателя-мистика с антицерковными и "антихристианскими" тенденциями¹ и профессора Санкт-Петербургской духовной академии, ученого-богослова о мировым именем? Как возникла эта удивительная переписка, с годами переросшая в дружбу? "Спасибо за память, – писал Розанов в 1909 г. (?) – А мне-то Вас как забыть. Сколько интереснейших писем! /757, л. 78/ и в другом письме замечал: "В церкви, как и государстве есть свои "римляне". Вы – из них" /Там же, л. 61/.

Яркая и крайне противоречивая фигура публициста, философа, литературного критика, историка культуры и религии В. В. Розанова (1856–1919) вызывала у современников совершенно полные отклики. Сам он тому немало способствовал, намеренно эпатируя публику, чем, вероятно, может быть обличен о некоторыми антибуржуазными явлениями в культуре 1900–1910-х гг. Сходство обнаруживается в категорическом неприятии всяческих – общекультурных, политических, религиозных и иных – догм и принятых в обществе нравов и приличий. Сходство сказывалось и в том, что в реакции на работы Розанова отчетливо выявлялись позиции разных групп общества не только по отношению к искусству, литературе, религии, но и к самой судьбе России, ее политическому будущему.

Публикуемые письма Розанова носят преимущественно автобиографический характер. Понятно, что будучи адресованы богослову, они

¹ "Но не антихрист ли он?" – спрашивал Глубоковского А. П. Лебедев (учитель Глубоковского, профессор МДА) и ответ на просьбу выслать Розанову книгу о царственной надписью (ОР ГПБ. Ф. 194, Глубоковский Н. Н., оп. 1, ед. хр. 569. Л. 12. В дальнейшем ссылки на материалы архивного фонда 194 даются в тексте в прямых скобках с указанием номера влици хранения и листов). Книгу Лебедев все-таки выслал. Подобное мнение разделяли и некоторые другие корреспонденты Глубоковского.

касаются всерьез вопросов специфического отношения Розанова к церкви, которая, по его словам, представляет собой "панацея или скорее безнадежный корабль" - убеждения, за которых Розанов был едва не отлучен от церкви. Наряду с этим публикуемые письма Розанова содержат предельно искреннее, без рисовки и свойственного ему в литературном творчестве зпатажи, описание житейской и, главное, духовной эволюции, в результате которой и сложилось мировоззрение Розанова - врага догматизма в литературе, религии или политике.

Приведем по возможности подробные сведения об адресате писем Розанова - Глубоковском и их взаимоотношениях.

Николай Никанорович Глубоковский (1863-1937) родился в селе Кичменгский Городок Вологодской губ., в семье священника (был седьмым ребенком). После окончания Вологодской семинарии учился в МДА, в 1891 г. приглашен в Петербург, через три года становится экстраординарным профессором по кафедре Св. Писания Нового Завета, которую занимал вплоть до 1918 г. (после революции в 1919-1921 гг. преподавал в Первом Петроградском университете, затем Петроградском богословском институте). Он являлся почетным членом Киевской, Казанской, Московской духовных академий, Московского и Петроградского археологических институтов, действительным членом Общества истории и древностей российских, Палестинского общества и ряда других русских и иностранных научных обществ, в частности, Библейского общества в Лондоне, был вице-председателем Содружества между Англиканской и Восточной церквями в Лондоне. В 1909 г. избран чл.-кор. Российской Академии наук, в 1929 г. - чл.-кор. Болгарской Академии наук. (Глубоковский покинул Россию в августе 1921 г. из-за невозможности найти работу. Два года он провел в Финляндии, Чехословакии, с 1923 г. заведывал кафедрой Св. Писания Нового Завета на Богословском факультете Софийского университета.)

В молодости Глубоковский увлекался философией. Будучи студентом МДА, опубликовал несколько статей: "Свобода и необходимость (против детерминистов)", "Разбор учения Гартмана об Абсолютном начале, как бессознательном", о теософии и пр. С 1904 г. он редактировал Православную богословскую энциклопедию. Список научных трудов Глубоковского включает свыше 120 названий. Это статьи по текстологии, экзегетике Нового Завета, церковной истории, в том числе несколько капитальных монографий. Его главный труд "Благовестие св.

апостола Павла по его происхождению и существу" (1-й том вышел в 1905 г., 2-й и 3-й в 1910 и 1912 гг., в целом около 3000 с.) - предмет постоянного обсуждения в переписке с Розановым. Один из завершающих его трудов "Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии" (Петроград, 1918; Варшава, 1928). Кроме этого, как публицист-богослов он активно сотрудничал в русской и иностранной печати по церковно-общественным и экуменическим вопросам, был редактором "Церковного вестника" и "Христианского чтения". Его статьи в разное время печатались в "Странники", "Богословском вестнике", "Православном обозрении", журнале "Вера и разум", в "Чтениях в Московском обществе любителей духовного просвещения" и пр.

В 1905 г. Глубоковский был избран членом епархиальной комиссии для участия в работе по подготовке Поместного Собора (в дальнейшем вплоть до созыва Собора в 1917 г. он участвовал в работе различных комиссий и совещаний, создаваемых при Св. Синоде по разработке реформы духовной школы и органов церковного управления). С 1911 г. был членом Училищного Совета при Св. Синоде².

При знакомстве с материалами архива поражает не только широта научной и церковно-общественной деятельности Глубоковского. Ведя интенсивную научную, преподавательскую, редакторскую работу, он поддерживал огромную переписку (более 800 корреспондентов). Впоследствии Розанов поражался осведомленности Глубоковского "решительно о всех и всем" и часто наводил справки или просто спрашивал его мнение (полностью ему доверяя) о тех или иных преподавателях духовной школы, деятелях церковной иерархии и т.д.

Начало их переписки, завязавшейся по инициативе Глубоковского, относится к марту 1905 г. Получив первое письмо, Розанов был очень удивлен стоявшей под ним подписью (о Глубоковском ходила слухи как о "гордом и замкнутом" кабинетном ученом). В архиве Глубоковского сохранилось четыре его письма Розанову, относящиеся к марту-апрелю 1905 г. (тогда же возвращенные Розановым по просьбе

---

² Более подробно о Н.Н.Глубоковском см. : Игнатъев А. Памяти проф. Н.Н.Глубоковского // Журн. Моск. патриархии. 1966. № 8. С. 57-73.

Глубоковского). Первое из сохранившихся писем датировано 26 марта, последнее 27 апреля. Началу переписки предшествовала личная встреча, состоявшаяся, по-видимому, в марте 1905 г. на собрании религиозно-философского общества (за всю историю знакомства Розанов и Глубоковский, судя по переписке, встречались всего несколько раз. Вторая встреча состоялась лишь в феврале 1915 г. во время болезни Розанова).

26 марта в "Новом времени" появилась статья Розанова о духовной цензуре и о готовящейся реформе церковного управления (введение автономного патриаршества). Статья содержала ряд сведений, полученных от Глубоковского. Прочитав статью, Глубоковский в тот же день писал Розанову: "Нельзя не пожалеть, что в этом вопросе "Новое время" встало на неверную (гвер. ложную) дорогу и по недоразумению защищает всжделения верных возднханцев" /278, I-Юб./ (так Глубоковский называл часть черного духовенства во главе с Антонием Храповицким, которого считал главным вдохновителем готовящейся реформы). Глубоковский подробно разъяснял Розанову несостоятельность идеи о введении патриаршества с исторической и богословской точки зрения ("чистейший папизм" и т.д.) и доказывал, что она вызвана стремлением монашества к бесконтрольной власти. По мнению Глубоковского, засилье монашества и без того является основой: источником бедственного положения церкви, духовной школы, цензурн. "Разве нормально, — писал он, — что везде в церкви выдвигаются вперед не люди за свои достоинства, но балахоны известного (черного) цвета <...> Духовная школа сверху донизу развращена монахами. И свет знания едва мерцает..." /Там же, 3-Зоб./.

В письме содержались характеристики и проводились факты из жизни высших церковных иерархов. Глубоковский переслал Розанову также частные письма профессоров и преподавателей духовных академий и семинарий Москвы, Одессы, Киева, в которых критика готовящейся реформы дополнялась характеристикой ее идеологов и т.д. Пересылая эти документы, он замечал, что нужно "писать и писать энергичнее и скорее, чем грозит монашеская автономия" /Там же, 903./.

Сам Глубоковский и его корреспонденты стояли за управление академий и за выведение высшей духовной школы из-под контроля церковной иерархии, за создание богословских факультетов при университетах с целью обеспечить возможность свободного развития духовного образования. Глубо-

ковский предлагал Розанову через "Новое время" опросить общественное мнение, главным образом служителей внешней духовной иерархии, о проекте превращения духовных академий в богословские факультеты при университетах, для того, чтобы по ответам узнать о "помышлениях сердечных этих святителей и учителей" /278, л.6/. В конце письма он просил Розанова, в случае косвенного использования или прямого цитирования писем и пересланных документов, не называть источник информации и "ни в коем случае не упоминать даже и того, что это сообщил академический профессор" /Там же, л.16/, а также вообще не раскрывать его имени как корреспондента Розанова.

Только 8 апреля Розанов ответил на это письмо: "... такое это свинство, - писал он, - получить столь обширное письмо и не ответить на него. Но, увы, уже много лет, кроме самых простых строк и самых нужных случаев я не пишу писем и самым горячо любимым родным" /756, л.3/. Разделяя отношение Глубоковского к монашеству, он замечал: "Несчастное наше духовное сословие. И несчастная церковь <...> Но тут все же виновато духовенство. Как не справиться, не выпрямиться. Выпрямились же "шелкоперы" (писатели). Терпели, сидели в крепостных - и все же заставили себя и убоятся, и уважать <...> Россия вообще не гениальна, а уж духовный мир ... И между тем дико нам много даровано в духовенстве! Но все куда-то проваливается ..." /Там же, л.3об.-4/. При этом Розанов обвинял духовенство в потере "общеисторических горизонтов" и отсутствии политического такта, что обрекало готовящиеся церковные реформы на неудачу. По цензурным условиям Розанов не смог тогда воспользоваться присланными материалами. Однако с разрешения Глубоковского он сделал с них подробнейшие выписки "для утилизации в будущем", надеясь спрятать их куда-нибудь в документы, скрыв лица и имена. В середине мая 1905 г. он писал Глубоковскому: "Если что важное будет у Вас в Комиссиях и Вы найдете нужным "довести до сведения публики" - на всякий случай пишете мне; я переложу и вообще постараюсь" /Там же, л.6/. Через месяц Розанов снова вспоминает о материалах Глубоковского и сообщает о своем намерении сделать "статью-компиляцию". (В июне 1906 г. Розанов все-таки напечатал в своей статье часть одного из писем к нему Глубоковского (анонимно), о чем сообщил *rost factum* и спрашивая, не обидел ли этим Глубоковского. В одном из писем Розанов также упоминал, что сделал в своей статье поправки, указан-

ние Глубоковским.) В дальнейшем характер переписки меняется. Она обращается, в основном, вокруг церковных и богословских вопросов и принимает все более личный характер. (Результатом делового сотрудничества явилось помеченное в 1913-1916 гг. в "Новом времени" ежегодных обзоров русского богословия, сделанных Глубоковским по предложению Розанова, которые печатались в первых январских номерах газеты. В свою очередь Розанов не раз обращался к Глубоковскому с вопросом, нельзя ли поместить его статьи в религиозных журналах, например "Страннике".)

Одним из главных вопросов, поднимавшихся в переписке, было отношение к русской церкви, к христианству. И здесь при всей парадоксальности высказываемых Розановым суждений, можно проследить определенную эволюцию в его взглядах, которая состояла в приближении, во все большей, с годами увеличивающейся тяге (не тождественно примирению) к церкви, что происходило не без влияния Глубоковского. В июне 1905 г. Розанов писал: "меня вот многие обвиняют в антихристианстве: конечно - этого нет по простоте и искренности моей" ("мученик" - интеллигент); но в самом деле я потерял все концы суждения о христианстве, добре, зле, проялдя длинный путь церковно-религиозной убежденности" /750, л.8об./ (и спрашивал Глубоковского, как тот определяет свое положение в христианстве). "но я убежден, - продолжал Розанов в том же письме, - что и вообще человеку с совестью невозможно сохранить "хорошее состояние духа" в наши дни, при набедавших тучах вопросов" /Там же, л.9/. ("И чувю что-то апокалиптическое в ближайших временах и почти днях", - писал Розанов в мае 1905 г.)

В другом письме (декабрь 1905 г.) Розанов замечал: "может быть я поступаю резко и грубо; весьма возможно, что чего-то сам не замечаю, не принял во внимание и прочее. Но за вычетом всех этих ошибок, мне думается правильна моя мысль: что что-то не так во всем христианстве, что оно есть что-то совсем не то, за что мы его принимаем. Это просто крик сердца, мне самому дорого стоивший <...> Я вообще думаю, что в христианстве открывается какая-то страшная и печальная тайна, которая разрешится через 1000 или 500 лет. Мы теперь ничего в нем не понимаем. Самое лицо Христа - конечно центр всего" /Там же, л.11об.-12об./. Розанов считал, что вопрос о самом лице Иисуса вообще "томит" русских и "пошатывает фундамент" трех

(католической, протестанской, православной) церкви. <...> Что такое это лицо? Всего вероятнее - не светлов, но Страшно-Могучее-величие. После Христа все до-христово стало неинтересно, не нужно, похолодело. Христос был/ сильнее всего мира: с этим я согласен". /75С, л.12об./. В этом же письме Розанов делает следующее признание: "мне ужасно печально думать и я пишу Вам с последнею горечью, что иногда мне кажется, в Христе величайшее обольщение, сохлкнув человечество с наипрних и наименееинтересных древних путей и открывшее им бездну дерзостного и обаятельного, но именно бездну и даже Бездну: в которую все повалилось как в некое психическое смирение (реформации, революции). Не знаю. Не знаю. Ничего бы я не пожелал, чтобы умереть "п гере отцов", и слова литургии: о "христианской кончине живота нашего" - редко не выдают слезу из моих глаз. Но передо мной, вот лет 6, все смутилось. Началось почти с "пошлости": брак, семья, развод, консистория, незаконные дети. <...> Словом, во мне взбунтовался мещанин против аристократа, магната, герцога с обширных поместий, даже мещанишко малый, необразованный, но "со своими неотъемлемыми правами" - против страшного ума и силы, взбунтовалась Вандея против "победоносного" Парижа, принесшего "новый свет человекам". Все это мне очень грустно думать, но я думаю, что я прав. Когда я думаю: ну, а как на небе? куда я пойду "там": то утешаю себя мыслью: неужели Господь захочет меня казнить вечно мукою только за то, что я не могу иначе думать? И все силы употребляю, чтобы в жизни сохранить не блестящие добродетели, но быть тем тихим и непритязательным существом, о коих Христос же сказал: "их есть Царство Небесное". Мне кажется ад не для "мещан". Он - для гордых, непокоряющихся: а я если и не покорюсь, то до последней степени смиренно, - только потому, что "не в могути иначе". Поэтому со своими тяжелейшими сомнениями я живу спокойно, хотя иногда недостаток "христианские кончины живота моего" мне очень/ тяжал: и будь я год - я бы завтра повесился. Но славу Богу - Бог дал мне смирения, ту серость и сиротство, на которых для казни "руки не поднимаются". Это - благодаря моему бедному происхождению, бедным родителям" /Там же, л.13-14/. Спустя полгода он вновь пишет: "И все в Церкви для меня темно. А ведь по природе я "добрый мальчик" с большими задатками к послушанию (ей-ей). Никто не знает, что по нигилистическим, моральнейшим (да! да!) побуждениям у меня возник-

да та часть бунта, какая есть /756, л.23об./ . А еще чуть позже: "<...> Все утешение от Церкви<...> И мне так нужна эта вера <...> Э-богословие... Разве в нем дело? Это - крендели. Дело - в страданиях, и это "иногo утешения не имаи". И мирисься со всеми, даже "пьянми". Все-таки они сохранили традицию, сохранили "тайну из века" /Там же, л.81-81об./ .

Розанов очень дорожил отношениями с Глубоковским. Спустя полгода после начала переписки он писал: "<...> Всякий вид интимности, дружелюбия и даже просто поверия меня трогает и привязывает. В моих глазах способность к ней людей, то есть способность другому дать дружбу - есть измеритель нравственного достоинства людей, куда выше соблюдения "УП", то есть пресловутого "не прелюбод/ейотвуй/" /Там же, л.15/. " ... Любите меня, - обращался он к Глубоковскому в другом письме, - как я Вас люблю; на безтактности мои плюньте: братство не жемчужина ли, которой надо всегда искать " /Там же, л.23об./ и замечал при этом: "Я так прыжк к Вашему доброму и милomu отношению, что готов зубами его вытaдить из всякой беды (размолки)" /Там же, л.22-23/ .

Розанов не переставал удивляться начитанности Глубоковского: "Чего Вы только не знаете, не читаете, - писал он. - Какой это дар, столько читать; да, - дар! Как я его чувствую, увь, вот лет 8 огромно мало читающих (удивительное психологическое переутомление к слову: я газеты читаю почти весь день до обеда - ползу" /Там же, л.23об./ . Он был "поражен-восхищен стилем" работ Глубоковского, его языковой техникой. "Блеск, точность, щегольство, красивость - мысли, слова и пр. Из них самое прелеотное качество - точность: печать Ваша копия Вашего ума, как интеллект Ваш - копия фамилии" /Там же, л.62/ .

Великодушие, щедрость, доброта, широта взглядов на различные вопросы духовной, общественной и личной жизни в сочетании со строгой дисциплиной ума, духовностью и одновременно какая-то теплота, интимность мировоззрения Глубоковского привлекала в нем Розанова. Он писал, что у Глубоковского под "экстра-ученостью" скрывается "простая православная душа" и это было главным для Розанова: "Без учености еще обойтись можно, обходилась "толикoе пространство лет" Русь; а без "прост/ой/ прав/ославной/ души" просто замерзла бы, да и с ума бы сошла. Как подумаешь об этом - "со всем помирисься", -

о всем скажешь: "что делать" (30.XII 1910) /756, л.39-39об./ . В феврале 1915 г. после встречи с Глубоковским Розанов писал ему: "Спасибо, дор/огой/ Н/иколай/ Никан/орович/ за посещения. Они так согрели меня (ей-ей). <...> Во 2-ое посещение рассмотрел и то, чего в Вас не подозревал: нежную и мягкую человеческую доброту, "наше житейское". Понял лучше и физиологичнее, отчего Вы так хлопочите около больных и родных. Все слава Богу, То есть слава Богу, что Он дал нам доброту. Не "умы" наши важны, а важно, что мы иногда бываем просто хорошие люди" /Там же, л.51/.

Это "наше житейское" сближало особенно. В их личной жизни был схожий и очень важный момент - брак, не признанный церковью. (Розанов об этом рассказывает в одном из публикуемых писем.) Вероятно, он не случайно доверил Глубоковскому свои сомнения и после отправления письма (от 12.IX 1910) спрашивал, получил ли тот его "довольно ценное (субъективно)" письмо. Розанов мог слышать, или Глубоковский сам поведал о долголетней связи, начавшейся еще в годы его студенчества в Москве с женой своего учителя А.И.Лебедева - Анной Васильевной Лебедевой, которую считал своей женой (Лебедев скончался в 1908 г., но брак Глубоковского и Лебедевой был зарегистрирован только после революции).

Последнее письмо из имеющихся в фонде датировано 15 ноября 1916 г. Затем они вероятно потеряли друг друга из виду. После революции Глубоковский интересовался судьбой Розанова у П.А.Флоренского³.

В письме от 20 октября 1917 г. Флоренский сообщал Глубоковскому, что Розанов с семьей "спаслись в Посаде (Сергиевом под Москвой. - Т.Б.) и живут здесь". "Вас/илий/ Вас/ильевич/, - добавлял Флоренский, - часто вспоминает Вас и почему-то питает к Вам исключительную нежность и уважение - делая для Вас едва ли не единственное исключение из всей духовной школы. При свидании о нем не

³ Розанов очень высоко отзывался о Флоренском, с которым был знаком и состоял в переписке. "По интересу личности, - писал он Глубоковскому в августе 1909 г., - представьте я во Флоренском встретил почти чудо: отшельник, монах (по жизни), философ (платоник) и вместе безгранично чувствующий природу, нашу "серую северную природу". То, что он в письмах мне писал, лишь на 1/2 я понимаю, постигаю; но что постигаю - в высочайшей степени любопытно" /757, л.62об./ . Флоренский был редактором последней книги Розанова "Апокалипсис".

премину передать ему Ваш привет, который будет ему приятен" /89I, л.2об./ . От Флоренского Глубоковский узнал и подробности смерти и похорон Розанова. 13 марта 1919 г. Флоренский писал Глубоковскому, что Розанов "скончался мирно и благочестиво, за время болезни несколько раз приобщался и соборовался. От своих убеждений он не отрекался, но как-то совместил в себе радость благодати - ибо он тайственно был крещен за время болезни - свои думы о важности рождения. Погребение его было бедное, чтобы не сказать убогое: взяли его на розовальных. Но все было благолепно и светло - так искренне и красиво" /Там же, л.3/.

Письма публикуются впервые по автографам из З.194 (Н.Н.Глубоковского), оп. I, ад. хр. 756; № I (л.1-2об.); № 2 (л.24-27); № 3 (л.28-32); № 4 (л.34-36об.); № 5 (л.44-45об.); № 6 (л.46-46об.); № 7 (л.53-54); № 8 (л.57-58 об.); № 9 (л.59-60об.). В прямых скобках перед письмами приводятся собственноручные пометы Н.Н.Глубоковского о дате получения письма. В конце публикации приводятся постраничные комментарии и примечания к письмам.

№ I

/Получено в конце апреля 1905 г. Н.Глубоковский/

Глубокоуважаемый Николай Никанорович!

Касательно лично моего отношения к Церкви, о чем Вы спрашиваете, скажу Вам, что я много лет уже начал считать весь этот "корабль" ненадежным или скорее безнадежным. Поражало меня что, когда я в Италии об этом заговаривал с падрами как "странствующий иностранец" (они ничего обо мне не знали), они с полу-слова меня понимали и кивали головой. Лично я еще в патриарха (т.е. что он будет) верю, а в Собор не верю: под патриаршеством лежит злой мотив: похоть власти. Ну, она рванет - и патриарх будет. А собор? Вель для этого надобен идеализм. А где он? У нищих на паперти? Да и те "двоеручничают". Церкви (т.е. idea) нет, осталось несколько благочестивых добрых, милых, умных, ученых людей: таковых знаю очень много из духовенства и профессоров. Изумляюсь, трогаясь, но понимаю, что не в этом дело. Благодати тут, Бога нет (т.е. в Церкви) - вот в чем дело. А "без Бога" и "religio" невозможна. Ну, напр/имер/ "по любви узнают, что вы - мои ученики". Но 3 церкви ненавидят друг друга.

И прочее. Из азбуки видно, что Бога нет.

Но "аз есмь добро думный человек", и не веря вовсе в будущее Церкви — хочу в мелочах помогать "тому, что есть" и "кто есть". Мэру Митр/ополиита/ Антония⁴ и я знаю; да ее ведь все знают, доста-точно раз видеть, говорить. Мне пришли и сказали (из "Слова")⁵, что ему грозит высылка на Кавказ; я написал статью. Дело в том, что обер-прокуратура, великое необходимое значение кою я знаю, — тем не менее просто взятием всех дел себе в карман и угрозой всеми лицам — действительно свела к дулю церковь; в частности после Фи-ларета⁶ она уже не пустила в столицу ни единого таланта (напр/и-мер/ бы Ильянора⁷ Одесского, да и мало ли!). Таким образом, не Антоний в этом виноват, а все же Кон/стантин/ Пет/рович/⁸, коюго лично очень люблю и уважаю, хотя всю его подделку (по /нрзб./) считаю ошибочной. Он замечательно привлекательный человек и ко-нечно ему по-пояс и даже менее все иерархи. Вот разъяснение мое-го отношения к "мелочам церковной жизни", к "текущему": ибо ма-лейшее соотношение начал религии так сказать *sub specie coeli* * мне представляется неизмеримо важнее патриархов и соборов. О них постоянно думаю. Самую "иерархию" я мысленно приравниваю и не ставлю выше "христов" у хлыстов: мужицкая и народная форма одного явления. Лично мне конечно ни "христа", ни "митрополита" не нуж-но, и я на них оглядываюсь только, как на "пугало" в огороде. Пус-кый воробья летят, зачем человеку бедать? Из духовн/их/, я счи-таю даровитым (очень) только Антонина⁹ (я его близко знаю), но он отравлен властью. Прочив — или добряки с "хитрецей" (еп. Сергей¹⁰) или совсем проходимцы (арх. Сергей¹¹, с семинарии) или совсем лапотники. Из проф/ессоров/ Моск/овской/ Дух/овной/ Акад/е-мии/ (как и нашей) и я некоторых знаю: изумительные по красоте ду-шевной люди, я думаю — лучшие, нежели профессора университетов. Но в дух/овной/ сфере, около этой красоты, есть прямо людца (Ак-вилонов¹², Элзевский¹³) и как они в "профессора" могла попасть — меня изумляет.

Преданный Вам В.Розанов .

---

* С точки зрения неба (лат.).

Дорогой Николай Никанорович! Горячо благодарю за присылку "И/ерковниого/ В/естника/"¹⁴ и письмо и память. Без лести: до чего изящен у Вас печатный стиль (в письмах – наоборот, рыхл, расплывчат – конечно от усталости). Я, читая, смеялся: "это Фру-Фру бежит (в "Ан/не/ Кар/ениной/", лошадь Вронского): а у нее "ноги тонкие, сухие, породистые". Сам я от усталости скверно пишу: но сохранил вкус к хорошему письму. Вся Ваша речь – чудная и с удивительной теплотой сказанная. В других местах – ученость; а тут – и сердце. Это удивительно: ну, а Киреев, Гринянин, Горчаков?¹⁵ И Вы же меня спрашиваете: "для чего, начиная брань, уклоняться от благословения церкви?" Да ведь Вы I и случаи, а Горчаковых – тьма, и это – закон, норма в церкви. "Собор/ы/" ... да ведь они были из Илиодоров и Горчаковых, просто – черносотенные сонмища невежд, злых прежде всего. Так вот и "уклоняться от благослов/ения/ церкви" надо, чтобы с Гриняниным-Горчаковым не иметь дела, не иметь разговоров с ними и вообще со всем этим "покончить". Я ужасно раздражен прочтя все это, и в сотый раз сформулировал: "нет, вначале надо бойкотировать, объявить бойкот и венчающим попам и повенчавшимся у них мирянам и начать разорять храмы (пресвитеры), в которых совершили венчание". Ибо сирены у них всегда найдутся (тут и изящными речами Вашими воспользуются, улачивая: "вот как говорит христианин", и прикрывая на время Гринянина и Горчакова), всегда они найдут простодушных, которые пойдут к ним "благословиться", и затем – ад, жестокость, сатанинская гордость "канона" и на конце всего – детоубийство, мужеубийство, женоубийство в "канонически правильных" и безлюбных браках. Замечательно и истинно: предсобор/ое/ присутствие даже не закнулось о любви в браке, как единственном собственно "каноническом" основании брака. Просто и ее не существует. "Такая мелочь". "Важны – мы, попы". Фу, гадость.

И если углубляться, батенька, то куда мы придем. Плачу и продолжаю (а Вы "кляните"): не Ап. ли Павел уже сказал: "не надо обрезания", т.е. всепорочного завета о Боге, поставил "Я" свое выше Бога, божия. Вот где корень-то: что клоня голову низко, низко, как бы лобзая человека, он на самом деле поднял ее высоко-высоко, выше "облака ходячего" и солнца и луны. Вот где горе: в гордости. Не

не может не быть у церкви, ибо она была уже у Апостола и Апостолов. Грустно все это. И еще страшнее, когда я думаю, а где и этого начало, то нахожу его в: "дайте - ноги нам омой". Так и Ап. Павел: "омывал ноги" ближнему, Тимофею, Титу, нищенкам, а уже - низверг весь Иерусалим, отрекся "закон и пророков". "И ноги нам омой": ну как же не броситься к такому сердолобю. И кинулишь: и поднялись над силами прочих, глупых, плечущих боги и "скорпионы" - да что "скорпионы" /нрзб./: костры католичества и земляника коюды - тюрьмы православия.

Все "в одном стиле": то-то и ужасно, что один стиль ведь, у церкви, апостолов, в Евангелии: "дай, омой ноги, дай - вырежу из спины ремень", "кротко клоню голову - голова повыше облаков".

Не знаю куда и деться, с моими сомнениями. Грустно жить. Жена у меня очень верующая; 3 раза была в операции, и "без веры в Бога как бы я жила". И поразительно: чем жена моя больше привязана к церкви - тем я больше ненавижу все церковное, ибо воочию и вот тут у себя дома вижу: на такую вару человеческую церковь ответила... Горчаковыми, Киреевыми, "соборами", ап. Павлом, Евангелием, чем-то ловким, искусным, обольстительным и сухим безжалостным внутри себя. Не кланите; но и у ап. Павла - все "слова" олчи, а никого и ничего он не любил кроме себя, своей личной биографии и своего слова: "влек за власы" христиан, а потом "жилов", но вообще кого-нибудь но только непременно "за власы". Да и в Евангелии: "будете гореть в геене", "отделю солому от пшена", "покайтесь", "Ангела искать на лоне брата своего". Ну и "буду гореть в огне", и "пусть отделают меня в солому", а просто на хочу быть со всем этим жестокосердием, черствостью, бездушием.

Ничего не было более бездушного в истории - как христианство.
Это моя аксиома!!

Что-то ужасное (какой-то кошмар!)

Влюбленность в себя! Когда даже жгли "ближнего".

Простите, я взволновался - опять-же чтением ("Церковного Вестника/"): но помня из детства пугавшую меня картинку ада: сидит сатана - держит у груди Иуду-предателя: то сколько раз, читая что-нибудь "церковное", "каноническое" я думал: "это сатана прижимает к груди свое/и/ церковь" и как пол мира "прижмет", так выскочит "церковное слово" на 2000 лет значения.

Отчего да я, не политик, кричу: "социализм!" Для меня та прелесть в нем, что в нем со всем этим кончено и крепко. Даже коряков не осталось: а коряжки-то и ядовиты. "Ядовиты" эти привязанности, эти вздохи. Ядовита моя собственная иногда тоска по церкви. Люблю "вечерний звон" и проч/ее/. Лампаду перед образом люблю. Люблю подробности, старье, милые; но центр дела - ненавижу.

И у меня все это не теории, а практика "рот-вот из дома", из крови, из бита. Ничего придуманного.

Ну, не очень осуждайте. Очень грустно мне. А знаете, что раз лично меня "посетил Бог" (страхом): года $I\frac{1}{2}$ назад сидит у нас Вася Успенский (В.Л.), болтает, и я как-то неосторожно сказал: "да от того, что в этих словах Иисуса не было правды" (не помню очень). Вдруг на меня, с другого конца стола, закричала (она - из типа кротких, но это у нее от боли): "как же ты говоришь, что нет правды в слове Христа: так ты значит хочешь сказать, что Христос иногда говорил сознательную неправду. Так кто же говсрит правду, кому в мире верить, тебе что ли". Все это - приблизительно. И вдруг что-то случилось, и я точно почувствовал, что Христос здесь (в комнате) и на меня нашел такой чрезвычайный страх, что я весь затрепетал, точно в шель уйти, и совершенно не мог быть один: и попросил Успенского ночевать у нас (все же - в семинарии, богослов): и не говоря слова он остался (никогда не бывало). Все почувствовали, что что-то случилось, и что я чрезвычайно боюсь. Христос вошел в комнату не как бы судья мой и несмотря на меня (эти расслоения я чувствовал); а как страшная подавляющая Тайна, как что-то большое все комнаты наполняющее и больше дома, страшное и оидльное. Я почувствовал себя комаром, которого вот-вот раздавят.

Больше не бывало, и вообще больше я никогда не боялся.

Ну, устал. "Будем любить друг друга как есть". Ваш В.Розанов.

№ 3

/Получено 1907. У. 23 - среда/

Благодарю за память и присылку дорогой Николай Никанорович (однако убийственны! у Вас почерк: 1/2 часа читаешь письмо: все буквы похожи друг на друга, все? *мм?*). Но зачем Вы меня раз-

убвждает, что Вы (приблизительно) не черносотенный. Ведь я Вас отлично знаю, дружен (в душе) с Вами, и если в печати называю "охранительным" - то, чтобы "тише сидели" те правоверные, которые обычно против всяких новшеств в семейном вопросе. Я был уверен, что Вам это сразу понятно.

Вы просто очень образованный и очень порядочный человек, Вы одиноки? На это почти надо плюнуть: ведь наши дни (да и когда их не было в истории). "малозначительные" и "малоразмышляющие". Но мне кажется, надо иметь мужество и великодушие любить и "врагов своих", этих темных и пошлых людей, если они природно хороши.

Тронули меня глубоко Ваши слова: "мне Вас всегда жалко почему-то и я думаю Вы хорошо кончите" и пр. Спасибо, дорогой. Я всегда люблю это вот теплое прикосновение душ. Лучше науки, учености, славы. Поистине, в последнем - все "тлен". Тут я согласен со "старцами"! Вообще во многом я с ними согласен: и в то же время как хочется мне разрушить весь "иконостас" церкви. Верите ли, часто шепчу: "всех их надо за бороны стащить из под киотов".

Причина - семья и вообще неулалица. В 1885 г. меня кинула I-ая жена, на которой я женился еще студентом, по моральнейшему поводу: очень гордая, страстная "легитимная" и прочее и прочее, страшно стильная женщина, начитанная - ей было 38 лет, когда я с нею встретился еще в 8-м классе гимназии. Я полюбил ее последний день и хотя она соглашалась любить и жить со мною "так" (и жала уже), я (ведь знаете мальчишеский героизм) потребовал венчания. У нее был чудный закал и стиль - для гостиных, лекций, вообще суеты: и никакого быта, никакой способности к ежедневной жизни. Промаялись 4 года, и (по-видимому влюбившись в юношу-аврая) кинула меня, жестоко и беспощадно, как она все делала. А вообще она страшно была психологически-жестоким человек, а влюблюя я прямо в стиль ее души. Что-то из средних веков и из католических кафедралов, хотя русская, народная. - Ну-с, маята. - Только жандарм меня выслушал со вниманием и дал добрый совет - потерпеть: и ей Богу я ему за доброе внимание и 1/2 часа внимательного разговора до сих пор благодарен. Вы видите "крожок емь сердцем"*. - Прошли годы, и я

---

* Попы и вообще духовные на слова о положении, переминались юги на ноги как деревцы в стойле. Та же психология.

встретил (духовные) бабушку 50 лет, дочь ее 26 лет и внуку 7 лет: и полюбил чисто нравственной любовью вот весь их милый маленький домик, такой благородный, бедный, нуждающийся. Уверен, что "вдовица в Сарапте Синопской" была точь в точь, как этот чистенький домик в Ельце. Мята. Мука. Жербыц: — духовные переминаются с ноги на ноги. Теперь только я это понимаю, но я до того "кроток сердцем асмь", что годы не понимал, не чувствовал темного в духовности: а как напротив этот домик был "из духовных", то я и полюбил всех вообще духовных и церковь. Ну, долго рассказывать: в конце концов (по его предложению, попа) мы тайно обвенчались, без записки в книге и свидетелей (без того , мы и поп) за 1000 руб. Жена мол до того наивна, что до сих пор любит и "счастлива" эти поэтически испуганным браке, в таком уединении. И опыт я по наивности за этого попа много лет Бога молил. Рождаются дети — все "незаконные", жена моя — но по моему, а по друзей моих частью неверующих — "как святая" — в ложном положении. Попы, духовное ведомство — все, "переминаются с ноги на ноги". Теперь слушайте: любил я с крошками детьми (когда мать нездорова или что) ходить в церковь, к Введению, на Петербургской стороне. И всегда б/зд/ задумчив и рассаян. Психология мечтателя и созерцателя. И не вижу того, что другие все видят — годы: за то могу год — не отводи глаз, рассматривать песчинку, которой другие не замечают. Вот моя практическая слабость и теоретическая сила (так произошла книга "О понимании"¹⁶). Теперь будьте страшно внимательны: стоя в церкви, с такой безграничной любовью к этой церкви, ко всему, всему в ней, виду, житию, священнику, дяку, всему и к молящемуся люду я как-то однажды подумал:

— А ведь все это меня не любит.

Не умею передать. Слов не было. Было ползучее чувство морфологическое, клеточное передвижение в душе, и озарения из них как молнией.

— Я, моя Варя (жена), эти вот цети, которых я сюда привел, всему этому храму противны, чужды, ненавистны, как "беззаконники", нарушившие их "святые уставы", и в основе и отдаленно все мы "враги Христовы" или "Христос наш враг" просто по существу: "Суть агнцы Царства Рая Небесного", "хорошо вдать в брак, а лучше не вдать" (Ап. Павел) и вообще всё это "мазаны" и "непомазаны" (Щед-

рин). Ну, в письме не напишешь. С глубокой медлительностью, вот "как яблочко зреет" вся безграничная моя любовь к церкви – безграничный идеализм скромного, теплого семьянина, терпеливого как "осел", невзыскательного, негордого – обратилась (через годы) и столь же неумолимую ненависть (ярость) ко всему "Сему Царству"; не говоря уже о храме, но и к Тому, Кто дал I-й толчок к деянию, первый спорот от ветхозаветного идеала семьи – прочее и прочее. Словом, все совершилось органически, – идеи, догадки, сопоставления потом пришли, хотя шли быстро, "открытия следовали за открытиями", раз я стал в позу отрицания всего, ненавидения всего. Тут поверьте, не только храмы не удерживаются, наше "стараньков, добренькое православие", но ничего не удерживается, и мне представляется и чувствуется сплошной ложью, хорошо прикритой и хорошо разукрашенной и запутанной в необщественно искусный узел (Иисус завязал). Словом, ум мой беден: развязывать всего я не умею, я обыкновенный человек: но потенциально во мне, на моем личном примере – христианство не то чтобы умерло: но его как религии никогда и не было. Вы знаете: умер человек, от скарлатины: и тезис "человек бессмертен" – румяна, все равно из-за смерти одного. Не умею доказать. Все люди бессмертны (положим – все Ламы, и еще до греха): вдруг один умирает. И тогда ясно, что "смерть есть", "бессмертия нет". Так в моем примере:

"Христианство – свят"

"Христианство – добро"

"Христианство – любовь"

"Христианство – Бог", "Бог наш, много не знаем".

Но стою я (вот тогда в церкви) – глубоко несчастный, глубоко грустный, глубоко правый (да! да!) о детях – малютках, женой – такой наивной самоотверженной, ко всему я вся никогда себя не помнящей и та добрая старушка в Ельце, все обиденная, оттолкнутая гордой (да! да!) церковью, такой самоуверенной (суть ее!) гордостью апостолами (как ап. Павел противопоставил себя Моисею!) и основой всей гордости – Иисусом, Который сказал: "Я – Бог" (в вариациях, в оттенках) – вот и только, и это как "Иван умер от скарлатины, один – умер: ergo смерть есть и бессмертия миф): так из моего примера обнаруживается:

Церковь – гордыня (не правда ли? не правда ли? Суть в этом: "святыча", "не поправимые", "нельзя нарушить соборных постановлений" и даже самых глупых мнений св. отцов).

Церковь – злой дух.

Церковь – лживые, лицемерные уста.

ВСЕ = ЛОЖЬ

Вот! Вы умом своим все это "укомплектуйте", раздвиньте строки в томы и получится мол личная и литературная история. Мое положение личное до того нелепимо стойко, не по моему усилению, а по своей сущи, что, я уверен, скорее вся церковь разъедется, рассыплется, как дресва (песок) из гранита (выветрившегося), чем я хотя на вершок сдвинусь с места. И пусть я негодий, лом ("лом – всякий человек"); не во мне дело, а в моем вот тогда молящемся в церкви, я помню тот час свой, помню, что он был прав, помню весь кодерит правоты, вот этот смиренный с наклоненной головой, так хотящий бы поцеловать руку у /мо/лодавнього священника, так слушающий дьячка.

Все помню. И

– Не надо!

– Не наш!

– Вон!

– Черт!

Тогда я ответил:

– Черти!

Вот так просто! Теперь я Вам скажу другое: я верю, что со мною Бог, вот "как бы чувствую Его за пазухой". До сих пор (50 лет) во мне сохранились это мое вечное трудолюбие, абсолютная трезвость мысли, спокойствие души, после – это малое; сохранилась (без преувеличения) моя скромность, просто "недуманье ничего о себе", особенно никакого /гряз./, безграничная расположенность к людям (даже к врагам, напр/имер/ литературным), презирающим меня – (ей! ей!), простота, глубокая житейская наивность, и я думаю: "да неужто это от черта? неужто со мною черт? не явно ли, что Бог меня хранит, что он недалеко от меня. И прочее. И тогда резкомирую: думаю: в истории должно было что-то случиться "в роде меня", дабы раскрылась какая-то (может и точь-в-точь так, как я думаю) неправда церкви и христианства, и вот все это, я, моя личная судьба, I-й брак, – до

того идеалистический, и 2-й вне всякой чувственности (тут интересные подробности: дело в том, что между 2-мя браками я в половом отношении "испортился", стал импотентным – почти совсем: и когда произошел "духовный роман", – я со скукой сказал невесте (ей 26 лет), что "неспособен", "кажется совсем и вот-вот на донишке". Тогда она, моя самоотверженная – сказала, что это грустно конечно, но что она будет – жить со мной духовно, без сожития, и гасила мое отчаяние: когда потом я "расцвел" просто от здоровой и молодой женщины. Но этого возможность я тогда не знал) – все это устроено, создано Проведением, чтобы "вышло все, что вышло".

Устал и пошел спать.

Друг мой: я уверен, что все это совершилось для "судьбы" и "истории". И как мне никогда не приходилось излагать, т.е. вот особенно тогдашнего отчаяния в церкви, – то сохраните эти строки и по моей **†** напечатайте. Это не тщеславие и не хвастовство, но "для освящения истории", а Вы – историк, личное же это столкновение мое с церковью (не умею иначе думать) есть тоже история. Ну простите. Целую и обнимаю В.Розанов.

№ 4

/Получено 1910. IX. 12 – воскресенье. Н.Глубокоеский/

Дорогой и милый Ник/олай/ Никанор/ович/! С волнением, страхом и смятением (жалко и страшно) читаю о **†** Мих. Попове¹⁷. Как хорошо Вы сделали, что написали все это, и как вот этих подробностей недостает для "Ист/ории/ церкви", подходящей по сему на тело без кишек и легких и сердца... И фотографии, особенно дома, прелестных церквей (особенно первая маленькая) все вест чем-то родным "нашим" (я из Костромы, – Ветлуга и Нерехты)... И пробудило все это мне сказать Вам нечто-заветное. Сказать, также, что у меня есть жала-ние, чтобы это осталось для "автобиографии".

Вот:

Как мне грустно, как мне тяжело, что я и практически (в биографии) и теоретически (мыслью, философией) разошелся с церковью: а сердце мое, вся моя внутренность только и лежит к одной и единственной церкви, и больше ей-ей ни к чему в мире, особенно же не лежит к литературе, которую вот года 3 я прямо начинаю ненавидеть...

Но бросил даже и жалеть о любви. Простите за интимности. Скужающий учитель в Ельце, я познакомился в 1887-88-89-90 гг. с целым "уголком духовенства", и вот до 1910 г. я - встретив много людей, частью "великих" или "знаменитых", все же ни в ком я ни разу не нашел того света, тепла, благородства, утонченности душ и сердец, того (внутреннего) излещена быта, какой нашел там. Моя привязанность (перешедшая в брак) началась с того, что я увидел - чего во всю жизнь мою не видал, - как рыдают около умирающего и умершего (на моих руках учителя приготовительного класса И.Ф.Петропавловского люди, кои он был только жильцом - нахлебником, платившим 29 р/рубле/в в месяц). Как Будду поразила рассказ о "болезни, старости и смерти" и он стал "будда" - "прозревший": так меня поразило - после университета, чиновничества Мин/истерства/ нар/одного/ просвещения/, после "Бскля, Спенсера, и Фохта", - что можно рыдать над человеком † ему посторонним людям, всего 3-5 лет его знающим; и я "стал не философ, а смиренным русским человеком", вот как у Вас на рисунке сидит "русские люди" перед фронтоном дома; "слева сидит сын, в середине - ... матушка" и прочее.

Затем я стал всматриваться, понимать, вдумываться: вслушиваться и верить. Я Вам когда-то писал о пьянстве у духовных (в этой же самой родне); и это - есть. Не писал о худших вещах: и это - тоже есть (по части III запов/еди/ прямо что-то чудовищное и в том же все "уголке"). - Так, и в Библии (а не у Гомера) описан/ы/ Содом и Гоморра: но сего нет у Гомера, да и нигде в мире нет - в Библии даны отношения, сцены, слова такой глубины, нежности, такого проникновения в душу - так подобным же образом только в этом уголке я увидел такую особенную мару души человеческой, особенную красоту и сияния ее, такие особенные отношения "к ближним", каких решительно никогда и ни у кого не встречал, и которые отречают на все вопросы духа, удовлетворяют все тревога, тоску, недоумение души, всё заливая светом и красотой.

И вот с 90-г. по сей день, т.е. уже 20 лет, (можно бы "усомниться", заподозрить, проверить), я по крайней мере 3-х лиц, а теперь, пожалуй и 4 (падчерица) знаю как-то в смысле идеала, полной завершенности, с устоя чего не сойду (до могилы).

Все - вообразите дьяконские семьи... От корня "пречистого" Иннокентия (Таврического)¹⁸, кажется пошедшее от его племянницы, он ей, 16-летней девушке, купил (или построил) в Ельце помик, с 4 ок-

нах ... Тот самый домик, который мы продали я 3 1/2 тысячи отдали падчерице моей (хранится у меня). 17-18 лет она осиротела от (божьих) родителей, имея крошачного брата на руках - и чтобы его поднять и воспитать (такая юная!) вышла замуж за дьякона Дмитрия Наумовича Руднева (брат Феофана Ярославского), человека мирного, кроткого, вечно хворавшего, вечно игравшего "беззлобно" в преферанс ... и под-
няла брата Дмитрия Адрианоовича Жданова (теперь лет 65 - дьякон в Елецкой Владимирской церкви), сына Ивана (смицаниник в Ельце, страшно пил и теперь пропивается), сына Тихона (член Сугуб/ной/ палаты в Москве) и вот мою жену Барвару. Эта-то вот теперь 82 летняя с ча-
рушка, почти не видящая, слабо понимающая, охлажденно бывающая в церкви и пидущая нам, при свече: М.Д. де, цел. и оби, Л.И.А.Р. - (милые и дорогие дети целую и обнимаю вас лобиком ваша мать Алек-
сандра Гушинева), - и была собственно первой (тогда ей было лет 30, - бодрая и умная), на жизни, на биографии которой я остановился как на непривычном добре, сложном и разном деланном. И до сих пор не помню, кого бы я видел такого умного человека, как эта дья-
коница, не разбирающаяся в "Б": но ума она была совершенно осо-
бенно формой ума - глубоко искреннего, порывистого, все понимающе-
го, все отношения человеческие, всякую душу человеческую - и почти веселого, или улыбающегося на мир, когда "хорошо" и "прибегающего к Богу" - когда тяжело. Ее слова, ее письма к нам (за 20 лет), ее способи воззрения на человека, на "должности человеческие", ее чувст-
во Бога и церкви - все было непрерывным для меня поучением в те-
чении 20 лет. И лучшего человека я до сих пор не знал. Теперь уже она "предалась земле" от старости... Машутка-брат, из рук ее вышед-
ший - как все думают и чувствуют - "святой человек", по глубокой тихости и милovidности образа, характера, всей жизни. Они так и жи-
вут в I городе, все в Ельце. - Когда она б/ила/ еще молода, у нее образовался от чего-то "привычный выкидши" (ежегодные роды - и все мертвых младенцев) - вещь, от которой погибают, ибо истощение ор-
ганизма переходит в чахотку. Она страдала им много лет, все плача "над мертвыми детьми своими" - и спас ее какой-то еврей-врач, имен-
но об этом писавший диссертацию и приложивший все старания. Тут она, при новой беременности, поехала (на "долгих") к Барваре Великомуече-
нице в Киев и дала у мощей ее обет какой-то, и назвать дочь Барварою в память Святой. И родила "в целости" - и вот это моя милая жена: которая все приняла от матери, но от хрупкости и болезни у нее все

"крепкое русское", все "духовное чистое" высветилось (именно от болезни, - но в Тайне души я связываю это и с молитвами больной - беременной матери у Варв/арн/ Великомученицы в Киевск/ом/ монастыре) - душой такой милой, гармоничной, благородной религиозности, что я ни с чем не умею сравнить. Гофштетер, лет 6 назад нигилист, - познакомившись с нами на даче говорил ей: "Вы сами не знаете, какая вы глубокая христианка", - хотя о религии она с ним и он с ней не говорили. Тарнавцев¹⁹ бывало всегда ее поцелует и называет: "сестра вы моя дорогая". И еще раз 2 до меня мелькнул слух, что ее называли "В.Д. (Варвара Дмитриевна) - совсем как святая", и что это было сказано шепотом, укромно п почти с испугом. Как я сказал - она всегда больная (при цветущем и юном виде); к духовному сословию она совершенно равнодушна и почти не симпатизирует - выдав все "виды" в нем (брат - такой пьяный, но видала и худшее и прямо ужазное): во таков ее ум, что все эти "виды - виданья" нисколько ее не пошатнули в отношении церкви и Бога. Вот это сочетание сердца и ума (у интеллигенции - всегда разделенн), как и у ее матери - меня и поразило и поражает. 3 раза ей делали - в разные годы - операцию. Чего это стоило!! 6 детей живых, - было 3 выкидыша. 1 девочка умерла. Первого мужа, горячо любимого, она похоронила будучи сама 22 лет: он медленно (год) слепнул и умер, сойдя с ума (воспаление мозга). В то же время этот муж, порывистый честный человек, потерял маленькую должность в суде... Все они были бедны, жили только домиком (Иннокентьевским): и вот с 16 лет, - первое замужество, уже "пошел дождь" в ее жизни, и переходило и в гром и в бурю, и в мороз: и у нее - только мать (описанная старушка) и Бог, да еще маленькая дочь, первая, капризная и балованная девочка (теперь исправилась). Так я их и застал в Ельце, - бабушку, дочку и внучку, 50, 26 и 7 лет. Теперь жена моя, уви после качественного года 4 назад воспаления существа сердца - миокардит - уже совсем разбита, и чувствуется и ей не долго жить, и я не хочу жить, не хочу, хоть дети и маленькие: от 9 до 15 лет. Просто не интересно: когда Варина жизнь погаснет - моей совершенно не для чего гореть. Я видал лучшее, что Бог дал мне увидеть - ее - и больше ни на что я не хочу смотреть. Детям оставляю "кое-что", и пусть растут как знают: от нужды суро-вой - избавлены, а от избытка - пусть прирабатывают.

Вы знаете, дорогой Ник/олай/ Ник/анорович/, что почти самое важное, ценное в жизни: это увидеть настоящего человека; "настоя-

чего" - без житейских и всегда спутывающих определений. Есть "настоящий" ум (у Менделеева), "настоящая" оида (у Наполеона), "настоящая" поэзия (Пушкин): но пожалуй и даже наверно выше всего "настоящий" человек, у которого бы отношения к Небу и Земле далекому и близкому "кровному" и только знакомому - вылились бы в "настоящие" мерки, в "настоящие" формы... Чтобы гордости не было и не было уничтожения; хитрости не было - и не было "простоватости"; тут - Солнце творит, природа творит; вдруг находится "гармония" всего этого, настоящая "мера": и глядя, 20 лет глядя, Вы не понимаете, что тут можно было бы "вытянуть подлинное" или "немного укоротить". Солнце сказало: "да", и человеку остается повторить только "да".

Написал это неделю назад; что-то оторвало тогда от письма. Думал: будут силы дописать. Но все - дела, заботы, - и посылаю, что написалось. Я чувствую, что душой Вы мне близки и я Вам. И Слава Богу. Быть "к кому-нибудь близким" - не самое ли важное дело, даже по существу, - не это ли только и важно. Какая вообще света наша жизнь, и на что она уходит. Ваш искренно.

В. Розанов.

Посылаю "что есть", приблизительно ерунду, но "с душой".

№ 5

/1911, XI, 27 вторник Н. Глубоковский/

С Р. Х. и Н. Г. Г

Дорогой Н/иколай/ Н/иконарович/!

Читая (2й раз) устраивая библиотеку Ваше воспоминание о племяннике²⁰: знаете ли, что это В/аше/ самое живое и в некотором отношении (простите) м/ожет/ б/ить/ самое значительное произведение (не топоритесь плавать), ибо "Н/равославную/ Б/огословскую/ Энциклопедию/" и "Ап. Павла" и - "Сб Учебн/ом/ Комент/ете/"²¹ мог бы или в будущем может написать 2-й = Ваш ученик, но тут с удивительной яркостью и полнотой сказалась "душа русского попавича" 1907-8 или 9 года: и документ этот никогда не постареет и незаменим, невозместим. Как Вы его любили; как Вы любите свою деревню приблизительно "батюшку". Не судите меня милый: но я пишу от всей души, а читая поражаюсь: ведь ничего подобного этим горячим чувствам сво-

ей земли, своего рода, у интеллигенции, журналистское, чиновников, да и вообще везде вста на Руси. Это поразительно. Это наша "крепость Брест" (в Карсе), которую не взять врагам. Может/бить/ это сонпало с моим заворачиванием оглобля "вообще к попам": но произвело на меня сильнейшее действие. Не тяжело умирать стены таких лю- бимых: а постигнуть, "чтобы не тяжело умирать" - не задача ли вообще существования человека?

К этому (моему духовному повороту) прибавилось (среди отношений ко мне других попов) и Ваше отношение: выделюсь мы раз, на диспуте, мальком: и сколько я от Вас видел, слышал, прочел в письмах, чего-то теплого, доброго, участливого, внимательного, несмотря на далекое расхождение в видах: где это я встретил, у кого? "Балкашские" в литературе спокойно продавали "за понашку табаку" - за успех и прославление в какой-нибудь газеточке, которой я существовать 1 день или год. И все - мечется. Все - временно. Все - суета. Все - пустое и зной: а теплота в сущности и содержится в положениях поповских родов в засранных кампаниях и т.п. казилось бы вздор. Да "вздор": а почему-то теплота только тут.

Так я и стал заворачивать оглобли к попам; истоки - и отец мой поп, какой-то "Аристов" был. Было 2 поповича, братья, отпали в семинарии: и ректор сказал: для отличия Вас будь ты Аристов, а ты Розанов.

Вот что пришлите Вы мне спешно (свйчас) списочек важного, что вышло на русск/ом/ яз/ике/ по богословию, а может и по философии, с отметкой bene, optime, etc.* Я напишу и если успех - суну в новогоднее обозрение. Вся польза. За Б/огословскую/ Энциклопедию/ спасибо: но вышла порядочная разнокалиберность. У меня свое купил в превосходных/ первилетах, но все - разрознено.

Да вот что: не достает у меня VI части Твор/ения/ ол/нженного/ Феодорита²². Все есть: оцасы нет!!! Может у Вас в мару трананый акз/емпляр/ найдется - тогда дошлите. Мечта моя устроить для Костромы библиотечку; комнату - в музее, что ли: так что это - не для меня, а для родины.

Ваш любящий В.Розанов.

---

* Хорошо, отлично и т.д. (лат.)

На литургии 25 дек/абря/ вдруг слышу, - в чтении что ли промелькнуло "еще Вавилон..." Чуть не заплакал: единая традиция от Вавилона до "забастовок" и "тайных советников" - в Церкви. Где еще найдешь единую жиду, где кровь льется оаа парадня от тельцов Иеронима до нас. Вот это - культура, не чета "декабристам" и всяким прохвостам.

№ 6

/1913, IV, 15 четверг Н.Глубоковский/

В.В.!

Горячо, горячо благодарю Вас, дорогой Николай Никанорович, за письмо, тронувшее меня до глубины души. Такие письма - укрепление в минуты уныния и неудач. И вообще вся Ваша дружба ко мне - удивительна и показывает, сколько блага и непосредственности, сколько нехотенья "считаться" и "вцепляться" (как в меня могли бы все) живет в Духовном Кремле нашем (все сословие, с отпрысками его в науку и жизнь). Ваш любящий В.Розанов.

№ 7

/1916, I, 3 воскресенье Н.Глубоковский/

Верно "и живот наш Аду приблизился", дорогой и милый Николай Никанорович: и "по многом богословствовании и многописании" оба мы видим, что все сие было, "все". Как печальны такие мысли, навеваемые из древней Библии. И как вообще печален и пугающ ее древний дух. На пороге Рая - братоубийство, а и затем до Самого Христа и Бога нашего - смуты, несчастья, падений, бессмысленные и недолгие воостания их праха. Как вообще плачевна и скорбна вся сия ядоль?

Потом пришло Царство Его. Утешеня неутешаемые. Все как-то странно: мелкие свары, злословия. Сколько догматических споров, попыток, "определить" неопределимое.

Все тупо и смутно.

Целую Вас и обнимаю. Дай Господь Вам сил и здоровья в новом 1916-м году.

А как трудис России? Вы еще не читаете журналов; и не видите на каждом шагу сочащуюся измену. ("Наше ура - Православие", в журнале "Летопись"²³ М. Лорького). Любящий В. Розанов.

№ 8

/1916, УШ, II - четверг в Ессентуках, Кариевбургский 4-й корпус, комната 4. Н. Глубоковский/

Дорогой мой Николай Никанорович! Верно Вы знаете, кто Вас любит, и не забываете меня памятью. Спасибо. И я Вас помню. И Вашу милую жену, которой сейчас кланюсь низко.

Что же Вы такой гигант с виду, а все прихвариваете? А мне батюшка 20 апреля исполнилось 60 лет, и я вот и шлю Вам свою "мордоплювку". А ведь пора умирать в эти годы? А я дурак затеял новый труд, из коего по величине и не выберешься. Господи: ПОМОГИ справиться! Но правда я безумно и издревле люблю египтян. Их коровы не дают мне покою. И во сне их вижу гораздо больше, чем фараонов, по 100 сразу, - и они никого не пожирают, а только плодятся на моих глазах, и я всех их благословлю православным русским крестом.

Да. Посоветоваться - бы с Вами, да уже полно. У меня такая странная мысль: что вот эти, "фараоны" - глупость. Их походы "нашей отечественной войне" и не больше, а даже меньше; и что вообще; все это не интересно. А суть дела - в коронах. "Ах, коровы Египта меня смутили". И я задумал сделать что-то чудовищное". Для науки: безумие. Хуже: преступление. Но ведь Розанов "не глупый человек"; и мерю в душе так, мерю в душе иначе, прихожу к мысли (т.е. давно пришел): что суть дела не в фараонах, а в коронах. Но с этой точки зрения составить книгу:

"Рече безумец в сердце своем".

И стою я как бросаюсь в холодную воду, в ледяную: "СИШАРИТ". А в душе: уверенность: "Что, да ведь именно так. Фараон - не оригинален. Цари везде были. Навуходоносор. Но коровы для Египта - ЕДИНСТВЕННЫ, СОБО. С них и надо НАЧИНАТЬ, и за "священными коронами" брести дальше. Господи, помоги мне. Господи укрепи меня. В уме ясно, а в сердце смута. И еще тоска: "Ведь я даже не читаю по немецки. Полный нуач". Господи, если не ты, то я погибну. В. Розанов.

Дорогой наш (с женой) Николай Никанорович, – так люблю Ваши неразборчивые (убийственно) писульки; знаете: под старость ничего так не пенишь, как даску, добро, милость: и вот всегда благодарю Бога, что вижу ее в Вас. При "больших шагах" ... "большом росте" Вы валь весь мягкий, нежный, глубоко женственный по душе человек. "А говорите басом". Сегодня же Вы так "воспарили" и даже пок *volent sciatiam, seu .arientiam* *. И я задумался о "бытии для бытия". Да: но помните: "Аз есмь который есмь" (Библия, Моисей). Соответственно раньше всяких рассуждений о качествах надо утвердить бытие; раньше, чем думать о "поделках из дерева" – надо вырастить дас. Мне думается все "дохристианское" ушло в рост и растание "леса". Как-то у Масперо я увидел: идет погонщик с мулом: он – один, зато впереди мула идет мулачок. Верите ли: я почти заплакал от умиления, радости. Бог знает от чего. К этой стороне мира я давно приглядываюсь. И грусть моя необъятна, что это "бытие" страшно потрясено.

"Ну какой я египтолог". И я сам знаю. Но я взялся за эту тему, подсмотрев (по атласам) что собственно утверждения бытия – даже в Библия нет такого, как в Египте. Это что-то невероятное. Ну и вот задумал "проводить свою мысль" египетским языком, после того как "русского никто не слышал". Но у Вас в письме ужасно хорошо сказалось. Величаво и с русской грустью "о всем грешном". Это даже и не сказано, а я то почувствовал: "Не бытие, а долг". Знаю, знаю родной. И – помню. Юбилей действительно пропустил и ахнул: мне дети сказали, и четь не через месяц, и "что было даже в Нов/ом/ Вр/емени/". А я до того ушел в заботы, в хлопоты, во "впрыскивание" иода (от склероза), что газет не вижу, не читаю, не взглядываю. Недавно рассмеялся в Нов/ом/ Вр/емени/: я думал, что оидит Поливанов, а оказывается – Шувалов и военных известий не читаю. Ничего. "Устал. Устал".

Ужасно с женой к Вам хочется. И ей хочется.

Любящий В.Розанов.

---

* Воспеваю единственное благо, но благо мудрости (лат.).

⁴ Антоний (А.В.Вапковский, 1846–1912), с 1898 г. митр. Санкт-Петербургский и Ладожский. Автор ряда работ по гомилетике и проповедничеству. В ОР хранится небольшой фонд митр. Антония.

⁵ "Слово", ежедневная газета, издавалась в Петербурге в 1903–1909 гг., до ноября 1905 г. орган правых земцев.

⁶ Вероятно, речь идет о митр. Московском Филарета (В.И.Дроздове, 1783–1867)

⁷ Никанор (А.И.Бровкович, 1827–1890), духовный писатель, архиеп. Херсонский и Одесский. В ответ Глубоковский замечал о Никаноре: "Тот же Храповицкий, только с другой стороны" /756, л.7об./.

⁸ К.П.Победоносцев (1827–1907), в 1880–1905 гг. обер-прокурор Синода, в другом письме (от 7 июня 1905 г.) Розанов замечал: "К.П. Победоносцева/, напротив, я люблю лично (я его немного знаю, считаю глубоко искренним и честным ... но на деятельность его (или благословения к уму) – прямо плюю и считаю его позорным явлением несчастной русской истории" /Там же, л.9об.–10/.

⁹ Антонин (А.Грановский, 1865–1928), с 1899 г. цензор в Петербургском цензурном духовном комитете, с 1903 г. еп. Нарвский, с 1922 г. стал во главе Высшего церковного управления (ВЦУ), основатель "Союза церковного возрождения".

¹⁰ Сергей (И.Н.Старгородский, 1867–1944), с 1901 г. ректор СПДА, еп. Ямбургский, с окт. 1905 г. архиеп. Финляндский, впоследствии патриарх Московский (с 1943 г.).

¹¹ Сергей (С.Тихомиров), с 1899 г. ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии, архимандрит, с 1905 г. ректор СПДА.

¹² Е.П.Аквлонев (1862–1911) доктор богословия, с 1890-го по 1910 г. помощник инспектора СПДА, профессор по кафедре "Введение в круг богословских наук", профессор богословия в Санкт-Петербургском историко-филологическом институте.

¹³ Н.А.Заозерский (1851–1919), профессор МДА, доктор канонического права; автор ряда религиозно-публицистических статей.

14 "Церковный вестник", еженедельный журнал, издавался в Петербурге с 1875 г. при СПДА. До 1888 г. официальный орган Синода.

15 М.И.Горчаков (1838-1911), профессор СПДА по кафедре церковного права, доктор права и доктор благословия. Докторская диссертация по богословию: "Тайна супружества".

А.А.Киреев (1833-1910), публицист.

16 "О понимания: Опыт исслед. природ. границ и внутрен. строе-ния науки, как цельного знания" (М., 1886).

17 М.В.Попов, племянник Н.Н.Глубоковского, священник.

18 Иннокентий (И.А.Борисов, 1800-1857), знаменитый богослов и церковный оратор, родился в Ельце, с 1848 г. архиеп. Херсонский и Таврический.

19 В.А.Теризацев (1866-1940), преподаватель СПДА.

20 Священник Михаил Васильевич Попов: (Некролог) // Вологод. епарх. ведомости. 1909, № 24; 1910, № 5, 7.

21 Работы Глубоковского: Свообразная защита Учебного комите-та // Странник. 1908. № 2, 3; По вопросу о реформе Учебного коми-тета при Св. Синоде // Там же. 1909. № 5.

22 "Творения блаженного Феодорита, епископа Кирского. Письма блаженного Феодорита в русском переводе профессора СПб духовной академии Николая Глубоковского". Сергиев Посад. 1907, 1908.

23 Ежемесячный, литературный, научный и политический журнал, издавался в Петрограде с дек. 1915 г. по дек. 1917 г. Основан М.Горьким.

РАЙСА БЛОХ - РУССКАЯ ПОЭТЕССА И ИСТОРИК ЗАПАДНОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(из переписки с О.А.Добиаш-Рождественской)

В одном из номеров журнала "Огонек" за 1988 г. в разделе "Поэтическая антология. Русская муза XX века" напечатана краткая биографическая справка о Райсе Блох и ее знаменитое стихотворение, исполнявшееся А.Вертинским:

Принесла случайная молва
Милые ненужные слова:
Летний Сад, Фонтанка и Нева.
Вы слова эфемерные, куда?
Здесь шумят чужие города
И чужая плещется вода.
Бас не брать, не спрятать, не прогнать.
Надо жить - не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опить.
Не идти ведь по снегу к реке,
Пряча щеки в пензенском платке,
Рукавица в мамминой руке.
Это было, было и прошло,
Что прошло, то вьюгой замело.
Оттого так пусто и светло¹.

Подлинные документы, хранящиеся в ОР ИИБ: 64 письма Р.Блох к чл.-кор. АН СССР, проф. О.А.Добиаш-Рождественской за 1928-1936 гг. из Берлина и Парижа², а также дневник М.Н.Рыжжиной за 1920-

¹ Огонек. 1988. № 9. С.9.

² Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874-1939), историк-медиевист и палеограф, с 1922 по 1939 гг. - ученый хранитель западных рукописей ИИБ (ОР ИИБ. Ф.254, ед. хр. 343-345). См.: Воронова Т.П. Архив О.А.Добиаш-Рождественской в Гос. Публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина // Средние века. М., 1966. Вып.29. С.187-190.

1921 г.³, учившейся с Блох в Петроградском университете и в студии М.Л.Лозинского⁴, дают возможность существенно дополнить сведения о жизни этой талантливой русской поэтессы, творчество которой трагически прервалось на половине пути.

Раиса Ноевна Блох (1899-1943) родилась в Петербурге, в семье присяжного поверенного Ноя Львовича Блоха. После смерти отца в 1912 г. жила с матерью и старшим братом, впоследствии известным театроведом Яковом Ноевичем Блохом (1892-1968)⁵.

В 1920-х гг. училась в Петроградском университете на историческом отделении факультета общественных наук, слушала лекции профессоров О.А.Добиаш, С.Ф.Платонова, К.Л.Залинского и др. Поступила в 1919-1921 гг. переводческую студию М.Л.Лозинского, где участвовала в коллективных переводах знаменитой книги французского поэта Жозе-Марии де Эрэлиа (1842-1905) - "Трофея". Известно четыре ее самостоятельных перевода сонетов: "Пахарь", "Рано умершая", "Обет" и "О корабле Вергилия"⁶. Вместе с А.Оношковиной, М.Рыжиной, Е.Малкиной Раиса Блох была одной из наиболее верных и влюбленных в своего maître'a учениц - "лозинят", как они себя называли⁷.

Характеристика Р.Блох этого периода содержится в воспоминаниях ее современницы И.Одоевцевой: "Среди особенно преданных "переводчиков" была Раиса Блох, в 1943 году замученная гитлеровцами. Была она тогда очень молодая, полная - редкость в те голодные годы, когда большинство из нас, и особенно я, были так тонки (<..>).

Раиса Блох производила скорее впечатление тяжести, что не мешало ее девически невинному и нежному виду.

Когда приехавший с юга Осип Манделштам впервые прочел свои

---

³ Мария Никитична Рыжкина (1898-?), переводчица (ОР. ИПБ. Ф.1000, оп.2, ед. хр. И187).

⁴ Михаил Леонидович Лозинский (1886-1955), поэт-переводчик.

⁵ См.: "Весь Петербург" за 1911 и 1912 гг.; "Весь Петроград" за 1917 г.

⁶ Опубликовано в кн.: Жозе-Мария де Эрэлиа. Трофеи. М., 1973. С.42, 44, 68, 269.

⁷ См.: Дневник М.Н.Рыжиной // ОР ИПБ. Ф.1000, оп.2, ед. хр. И187. Л.2об., 3об., 8, 23об., 38, 59.

стихи: "Сестры - тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы..." - Лозинский кивнул, сохраняя присущую ему серьезность:

- Понимаю. Это вы про Раису Блох. Тяжесть и нежность - очень характерно для нее.

Раиса Блох, кроме Студии, училась еще и в университете. В Студии она больше всего занималась переводами. К Гумилеву на занятия ходила редко, хотя и писала уже тогда стихи. Вот одно из них:

А я маленький воробей,
На заборе нас не мало есть,
Из пращи меня не убей,
Дай допеть мою дакую весть.

Этот "маленький воробей" с его "дикой вестью" веселил студистов и Раису Блох прозвали "маленьким воробьем" и "диковестницей". Впрочем, смеялись очень добродушно, безобидно и весело. Раиса Блох была на редкость мила и симпатична - ее все любили⁸.

В конце 1920 г.⁹ Раиса Блох была принята в Петроградское отделение Всероссийского союза поэтов, председателем которого был Александр Блок, а членами приемной комиссии - М.Л.Лозинский, Н.С.Гумилев и М.А.Кузмин. По-видимому этот прием произошел по рекомендации Лозинского. На заседании Союза поэтов он сказал: "В стихах Раисы Блох есть лиризм, есть несомненный песенный строй. По-моему, на нее можно надеяться. Я бы высказался за принятие ее в члены-соперников"¹⁰. Одновременно с занятиями в университете и студии Р.Блох работала в Публичной библиотеке в Отделении искусств, где с 1914 по 1937 гг. служил и Лозинский. Хотя не удалось найти в архиве ИПБ ее личное дело, но запись в дневнике Рыжковой от 23 февраля 1921 г. подтверждает этот факт. Вот эта запись: "... Днем была в Публичной библиотеке <...>. По обыкновению зашла в Отделение Искусств навестить Раю, чтобы поговорить с ней о том, когда я смогу прийти к ней для совместных занятий Урбаном

---

⁸ Оловцева И. На берегах Невы // Звезда. 1988. № 2. С.105-106.

⁹ В дневнике Рыжковой запись об этом событии датируется 15 декабря 1920 г. (ОР ИПБ. Ф.1000, оп.2, ед. хр. П187. Л.26).

¹⁰ Цит. из протокола заседания Отделения, который вел В.Рождественский. См. в кн.: Александр Блок: Новые материалы и исслед. М., 1987. Кн.4. С.689. (Лит. наследство; Т.92).

(они обе занимаются папскими бумагами в семинаре проф. О.А.Добиаш-Т.В.), Пока мы болтали с ней на тему о занятиях и о зверской температуре в Отделении (-3°) - пришел maître " (М.Д.Дозинский. - Т.В.)¹¹.

В 1922 г. Р.Блох с семьей брата, который был связан с кооперативным издательством "Петрополис"¹², эмигрировала в Германию. Здесь она продолжила свое средневековическое образование в Берлинском университете¹³ и защитила диссертацию на тему: "Монашеская политика Льва IX в Германии, Бургундии и Италии"¹⁴. С 1928 г. до апреля 1933 г. Р.Блох служит в известном немецком издательстве Monumenta Germaniae Historica в качестве ассистента проф. А.Бракмана. Именно начиная с этого года в архиве О.А.Добиаш-Рожественской сохранились ее письма, что возможно было следствием командировки Ольги Антоновны в Берлин в 1926 г., когда они встретились после 4-летнего перерыва. Из переписки видно, что Р.Блох продолжает себя считать ученицей Добиаш-Рожественской, постоянно советуется с ней о своих научных и поэтических трудах и выполняет одновременно очень важную для своего учителя роль "ученого секретаря" и посредника с издательствами Италии и Германии. Она сообщает сведения о новых книгах, дает их краткие аннотации, посылает рецензии на статьи Ольги Антоновны, сообщает научную хронику всего, что происходит важного в Германии, в частности в таком крупном научном издательстве средневе-

¹¹ ОР ИРБ. Ф.1000, оп.2, ед. кр. II87. Л.73об.

¹² Издательство "Петрополис", созданное в январе 1918 г. в Петрограде, в 1922 г. открыло свое отделение в Берлине. В 1924 г. кооператив прекратил свою деятельность в Петрограде, продолжая ее в Берлине (до сер. 1930-х гг.), а затем в Брюсселе. Именно в этом издательстве были напечатаны 3 сборника стихотворений Р.Блох: "Мой город" (1928), "Тилина" (1935) и "Заветы" (1939). Издательство "Петрополис" опубликовало также в 1924 г. комедию Н.Макиавели "Мандрагора" в переводе с итальянского В.Н.Ракина в Раисн Блох.

¹³ Этот факт подтверждается письмом Р.Блох к Добиаш-Рожественской от 14 января 1932 г., в котором она, рекомендуя молодого ученого Карла Вемера (Wehmer), сообщает, что это ее приятель по Берлинскому университету.

¹⁴ Диссертация была опубликована: Bloch R. Die Klosterpolitik Leos IX in Deutschland, Burgund und Italien//Arch. für Urkundenforschung. 1930. Bd.9. S.176-257.

ковых источников как Monumenta . Через Блох осуществляется связь с немецкими учеными, в том числе с П. Леманном для статьи о латинских рукописях из монастыря Вейссенау, хранящихся в Публичной библиотеке, через нее же Добиаш-Рождественская посылает в журнал *Jahresberichte für deutsche Geschichte* (1926-1930) краткие сообщения (их было напечатано пять) о русских исследованиях по средневековой немецкой истории. Переводы этих сообщений на немецкий язык осуществляет Р. Блох. Она же доставляет лекарства для брата, сестры и мужа Ольги Антоновны - вкад. Д.С. Рождественского, для нее самой, словом, эта переписка свидетельствует о доброй, благодарной памяти, о ее любви и большом уважении к своему учителю.

Письма Раисы Блох не только содержат сведения о ее трудной жизни в эмиграции, но также характеризуют творческую личность их автора, ее внутренний мир, позволяют нам познакомиться с эпистолярной прозой незаурядного лирического поэта, жизнь которого закончилась так трагически - она погибла в печах фашистского концлагеря.

Первое письмо Р. Блох из Берлина в архиве О.А. Добиаш-Рождественской датировано 25 марта 1928 г. По оно не является, безусловно, первым в их корреспонденции. Там более, что начинается с извинений за задержку с ответом на два полученных ею ранее письма. Она сообщает затем: "В П/убличную/ Библ/отеку/ было послано два нумерованных экземпляра моей книги "Мой город". Как я теперь выяснила, экземпляры эти предназначавшиеся Вам и моему учителю (М.Л. Лозинскому. - Т.В.) были посланы без имени и поэтому (это моя гипотеза) попали в русское отделение"¹⁵. Видимо, Ольга Антоновна получила книгу не через библиотеку, ибо уже в этом письме Блох благодарит ее за замечания: "С Вашим отзывом о стихотворении о Филином согласна вполне, но Вы слишком ко мне снисходительны"¹⁶.

¹⁵ В Публичной библиотеке сохранился только один нумерованный экземпляр сборника - "№ 9": Блох Р. Мой город. Берлин: Петрополис, 1928. 25 с. Сборник вышел в Берлине и поступил в продажу, согласно уведомлению на обороте шмуцтитула, 12 января 1928 г., в день десятилетия издательства "Петрополис".

¹⁶ Стихотворение, о котором идет речь, начинается следующим четверостишием:

Нам не долго странствовать болотами,
Мимо пней по ледяным извилинам,
Иде открыт простор за поворотами
Только ночью желтоглазыми филинам.
(Там же. С.17).

Сборник "Мой город" получил положительные отзывы в зарубежной прессе. Так, в еженедельнике "Звено", издававшемся в Париже, известный критик К.В.Мочульский писал:

"Этот сборник стихов посвящен Петербургу: он связан с ним не только заглавием и именем издательства, но и поэтическими темами и всем строем своего лиризма.

Мне был отчужденной город белый,
Иде ветер треплет вымпела...

начинает поэт - и сразу вводит нас в особый, пленительный мир "петербургской школы". Р.Блок не порвала связь со своими учителями и друзьями, оставшимися там, в "золотом, широкозванном" городе, в ее песнях - отклики далеких голосов. Она - из их семьи, из их высокого рода. Ее роднит с Ахматовой, Лумилем, Бандельштамом, Кузминым, М.Лозинским - строгая сдержанность образов и холодная прозрачность слов. <...> Не все стихи ее удачны; во многих - незаполненные, незастроенные пространства, но все они на высоком поэтическом уровне. <...> О любви, о печали, о воспоминаниях рассказывается без восклицаний, без "нугра" - и этот застенчивый холодок возвращает знакомым темам всю их свежесть"¹⁷. А в берлинской газете "Русь" 7 марта 1928 г. в № 2213 (под псевдонимом В.Сирин) В.Набоков несколько иронично писал: "Все это золотистое, светленькое и чуть-чуть прочитанное (что, увы, в женских стихах почти неизбежно) холодноватыми духами Ахматовой"¹⁸.

Второе письмо к Ольге Антоновне датировано 14 апреля 1928 г.: "Завтра русская Пасха... Представляю себе предпраздничный "мой город" с толпами людей, несущих в салфетках пасхи и куличи, представляю себе знакомые проспекты, лестницы церквей, булыжники мостовой, почерневшие от весенней сырости. Когда увижу все это? Увижу ли прежними глазами. Увижу ли вообще? "Кланяйтесь домам и прохожим", как пишет Кузмин. <...> У меня к Вам большая просьба: спросите, пожалуйста, моего учителя in arte poetica (М.Л.Лозинского. - Т.В.).

¹⁷ Звено. 1928. № 3. С.173.

¹⁸ Цит. по: Александр Блок... С.693.

получил ли он сборник, раскрашенный от руки, который ему должна была доставить моя кузина¹⁹. Письма я от него не получила; зная его характер, не сержусь, но все же это грустно". В дальнейшем Р.Блох почти в каждом письме посылает своему учителю *in arte poetica* и его семье приветы: переписка между ними не завязалась. Далее Блох сообщает, что велит сложные переговоры о директором издательства А.Бракманом "о настоящем и будущем". "Узн дружи, связывающие меня с *Monumenta Germaniae* крепнут с каждым днем. Там удивительно хорошо и уютно работать. Быт этого высокого учреждения я теперь изучила до мелочей. Знаю, когда кто приходит, как кто подходит к телефону... Смотрю, как безропотно составляются индексы, читаются корректуры, пишутся регесты и не могу не позавидовать тем, кто просто и прямо избрал своим девизом "*amor patriae det animam*"^{*}. Но тем не менее уже в следующем году в письме от 17 ноября 1929 г.²⁰ она жалуется: "Нахожусь в состоянии великого уныния. Мой работодатель (т.е. Бракман. - Т.В.) никуда не годится. Несмотря на свою любезность, он вызывает во мне возмущение, которое трудно скрывать. Оклада он мне не увеличил и всячески уклоняется от прямых объяснений. Раздражать его я не смею, можно совсем испортить дело, но я твердо решила, что при первом более или менее выгодном предложении, я брошу всю эту канитель и буду делать какую-нибудь скучную работу, за которую буду, г платить по человечески. Чувствую, что моего научного идеализма на это предприятие не хватает (<...>). Уроков в этом году достать почти невозможно".

"Муза все еще жива", - пишет Блох в письме от 24 декабря 1929 г., а 9 января 1930: "Дома у нас все в порядке (она живет вместе с братом и невесткой. - Т.В.). Процветает всяческая филология. Муза моя обычно молчит и только изредка переводит. Хочу приучить ее переводить по-немецки, это много выгоднее". 12 марта 1930: "... Моя жизнь все та же: утром *Monumenta*, днем ученики (их теперь больше; даю 10 уроков в неделю). (<...>) Посылаю два но-

---

¹⁹ Нам не удалось установить, о каком сборнике идет речь.

^{*} Любовь к родине воодушевляет (лат.).

²⁰ Перерыв между письмами (с апреля 1928 г. по ноябрь 1929 г.) объясняется, видимо, второй командировкой Ольги Антоновны в Берлина и Париж в 1929 г.

вых стихотворения: одно зимнее, другое весеннее. Р.С. Если можно покажите стихи другу *in arte poetica*". На отдельных листках Блох прикладывает стихотворения, которые впоследствии вошли во 2-й эе поэтический сборник "Тихина"²¹. Одно из них ("Пусть небо черно: грозит дождем...") опубликовано в сборнике избранных стихотворений²². Текст второго:

Втекай лазурь, струись в мои глубины,
Палящий пламень радости и бурь!
Чтоб билась кровь тревогой голубиной
В мой дом, в мой сон, в мой стон втекай лазурь!
Большим окном, огромною тоскою
Мой дух открылся на твои моря.
О пусть его ничем не успокоит!
О пусть меня уводит за собой
Бессонная, бездонная зоря!

3 апреля она благодарит Добиаш-Рождественскую за отзыв о стихах, который ее: "... глубоко тронул. Сразу же написала новые и притом в служебное время". 24 апреля она сообщает: "В следующем письме пришлю Вам два стихотворения Есенина по-немецки. Послала их в газету, но не очень надеюсь, что напечатает. Перевод коллективный; переводили так, как бывало сонеты Эредиа (в студии М.Л. Лозинского. - Т.В.). Надеюсь таким способом заработать деньги". Над переводами Есенина она работала совместно со своим "юным другом" - Михаилом Горлиным²³. Эти переводы, к сожалению, отсутствуют в переписке. В письме от 31 мая 1930 г. Р. Блох пишет: "Вчера выслала Вам мойopus (т.е. диссертацию. - Т.В.). Напишите, получили ли Вы его. Мне очень хочется послать его также некоторым друзьям, моему учителю *in arte poetica*, напр. Напишите, что Вы об этом думаете. Теперь сами сможете убедиться, что "немецкая

²¹ Блох Р. Тихина. Берлин: Петрополис, 1935. Эта книга отсутствует в библиотеках Советского Союза. 25 стихотворений из нее включены в сборник: Блох Р., Горлин М. Избр. стихотворения. Париж, 1959. 95 с. Из 10 стихотворений, тексты которых Блох послала Добиаш-Рождественской, 7 опубликованы в "Избранных стихотворениях", тексты трех остальных приводятся.

²² Блох Р., Горлин М. Избр. стихотворения. С.27.

²³ Михаил Генрихович Горлин (1909-1943), славист-литературовед, с 1935 г. муж Р. Блох.

школа" не так уж хороша. Книга вышла скучная, не читабельная. Впрочем в этом виновата главным образом я сама. К моему не малому изумлению как раз недостатки книги оказались достоинствами в глазах великого Kehr'a (сотрудника Monumenta. - Т.В.). Он обошелся со мной очень ласково, сказал, что исследование *vernünftig, interessant und nützlich* * (<...> Буду ждать о нетерпением Вашего суда, который для меня важнее всего, что говорят монументальные ихтиозавры". И тут же: "В следующем письме пришлю новые стихи". 14 июля 1930 г.: "Спасибо Вам за ободряющие слова о моей диссертации. Ваше мнение мне очень дорого и я постараюсь не падать духом и работать дальше научно, хотя с каждым днем все яснее становится, что здесь всем этим вещам приходит конец. Слишком тяжелое теперь положение, чтобы думать и заботиться о процветании *Urkundenforschung* *. Работа моя все-таки скучная, хотя и много на нее потрачено труда. Получила от Mr. Lot²⁴ благодарность за посылку ему книги (т.е. диссертации.- Т.В.) (<...>). Как было хорошо в прошлом году ездить с Вами по Берлину, обедать в ресторане Firenze и в Monumenta, знать, что на расстоянии трех шкафов работаете Вы, и что можно к Вам прийти и поговорить и даже работать вместе! (В 1929 г. Ольга Антоновна была во 2-й командировке в Берлине. - Т.В.). (<...> Скоро напишу о делах поэтических". 31 июля: "... Из-за науки на время забросила стихи. По-видимому вместе тому и другому трудно ужиться, но я так давно не работала "для себя", что делаю это теперь с большим удовольствием".

В следующем письме, датированном 9 января 1931 г., читаем: "Живется мне все так же. По вечерам пишу сказки. За них платят еще меньше, чем за стихи, а возни с ними больше. К февралю все должно быть готово. Выходит сборник поэтов, где будет несколько знакомых имен²⁵. Посылаю Вам одно стихотворение и одну секвенцию. Вы найдете в них песоимизм, характерный для позднего средневековья, для того периода, который Huitzinge называет "Der Herbst

---

* Разумно, интересно и полезно (нем.).

* Источниковедение (нем.).

²⁴ Фердинанд Лот (1866-1952), французский историк-медиевист, профессор Сорбонны, друг и учитель Добыш-Рождественской.

²⁵ Нам не удалось установить, о каком сборнике идет речь.

des Mittelalters ²⁶. (...) Хожу по снежному Берлину, смотрю на витрины, где все распродается и думаю, что жить это все-таки лучше, чем не жить, даже если ничего хорошего не случается, и потом придумываю всякие размеры и строфы, какие раньше мне никогда не приходили в голову". К письму приложены тексты двух стихотворений ("Когда тебя я вижу...", "Господи, умереть бы сразу..."), также опубликованных впоследствии в сборнике "Тишина"²⁷.

25 января 1931 г. Р.Блох, поздравляя Ольгу Антоновну с выходом книги "голиардов"²⁸, добавляет: "Спасибо Вам за слова о дружбе и о том, что я Ваша ancienne élève *. Я горжусь этим и считаю себя и теперь Вашей élève и не только в научном отношении. (...) Сдала последнюю детскую книгу (...). Теперь работаю над сборником стихов. Будут там также секвенции некоторых авторов XIV века. Обид и неприятностей - куча. Последние две ночи не сплю от глубокомысленных размышлений, но надеюсь, что все уладится и что сборник выйдет не очень плохой. На большее рассчитывать трудно". К письму приложено еще одно стихотворение ("Я не пишу и не творю...")²⁹.

27 марта 1931 г. Р.Блох наряду с сообщением о своей работе над статьей о баварском географе X в., который составил перечень славянских племен к северу от Дуная, сохранившийся в Регенсбургской рукописи XI в. ("Этот перечень обыкновенно сравнивают с перечнем в Лаврентьевской летописи", замечает она; статью же она готовит для Festschrift в честь 60-летия директора издательства Monumenta A.Бракмана), пишет: "Вышло пятнадцать детских книг. Жа-

---

²⁶ Имеется в виду знаменитое исследование голландского ученого И.Хейзинга "Осень Средневековья" (русский перевод вышел в 1988 в серии "Памятники исторической мысли").

²⁷ См.: Блох Р., Горлин М. Избр. стихотворения. С.25, 37.

²⁸ Dobiache-Rojdestvensky O. Les poésies des goliards: Groupées et traduites avec le texte latin en regard / Préf. de Ferdinand Lot. Paris, 1931. 271 p. В конце предисловия (p.17) Ольга Антоновна написала: "Я в особом долгу перед моим другом и ученицей Раисой Блох, которая сделала для этой небольшой книги множество разысканий в библиотеках Берлина".

* Бывшая ученица (фр.)

²⁹ См.: Блох Р., Горлин М. Избр. стихотворения. С.23.

вед, что не могу прислать, хотя впрочем книги плохие, безвкусные".
19 апреля 1931: "Продолжаю переводить детские книги. Появилось уже
15 штук. Главный читатель пока племянница поэта". И опять в качестве приложения два стихотворения:

I.

Lege, tolle *

Зайди ко мне, закрой тихонько двери
Сядь на диван со мною рядом, слушай.
Струится ночь над сонными домами,
Огромная, бездонная река.

Мой друг, мой друг, одна в нас зреет тяжесть,
Одна тоска, как рвущееся пламя
О слове, что вовеки не родится,
О музыке, что хочет прозвучать.

Возьми же книгу. Пусть чужая мука
В знакомом, юном голосе воскреснет, —
Не книгой ли скитальца Августина
Дитя утешило? Возьми читай.

2.

Неужели это так и надо
Неужели этому и быть
Что за всю любовь одна награда —
Остойти, оставить, позабыть.

Не гадать, не спрашивать: доколе,
Далеко ли, скоро ли, когда?
И не знать тягучей, темной боли
Береженной долгие года.

Создана я, господи, тобой
И меня живое создал ты.
Пусть я глаз вовеки не открою,
Но спаси от этой густоты.

К письму от 18 мая 1931 г. Блох прикладывает опять тексты
двух своих стихотворений ("Радость моя, любимый мой!" и "Нож ле-

---

* Читай, утешай (лат.).

лезный поверни, что вонзился в сердце мне...")³⁰. 16 июля 1931 г. она сообщает, что "стихов в последнее время не писала" и в следующем письме: "Кланяйтесь от меня всем Вашим, а также поэту (М.Лозинскому. - Т.В.) и его семье". Из письма от 17 августа 1931 г. мы узнаем, что она вместе со своим "юным другом" сочиняет детскую книгу типа Макс и Мориц в стихах. "В день пишем от 50 до 60 строк, а кроме того я вдруг стала переводить секвенции. Одну из них посылаю для образца (на отдельном листе текст стихотворения: "Налетает ветер длиннокрылый...")³¹.

4 сентября 1931 г.: "Посылаю Вам образцы переводов на немецкий язык: стихотворение Есенина и еще одно. Перевод сделан вместе с моим юным другом. Принцип коллективного творчества тот же, как и во время Эрдия (т.е. в 1921 г. в студии М.Лозинского. - Т.В.). Перед отъездом из Берлина (письмо из Тироля, где Блох отдыхает вместе с семьей брата. - Т.В.) мы сделали продолжение к Макс и Морицу (500 строк) и еще две детских книжки (на этот раз на родном языке) (<...>). Получили ли Вы стихи, или вернее письма со стихами? Сердечный привет друзьям и прежде всего другу Вергилию (т.е. М.Лозинскому. - Т.В.). Хотелось бы знать его мнение о немецких переводах". К сожалению, приложение с переводом Есенина и к этому письму отсутствует. Возможно, что адресат также передала их Лозинскому.

В октябре Блох сообщает, что вернулась из 5-недельного отпуска, который провела в Италии. "С приезда сделала уже четыре детских книги с большим количеством рифм". Далее, она описывает предкризисную обстановку, наступающую в Германии: "Так жалко молодых друзей, которые сидят без работы и без надежд, так страшно чувствовать, как жизнь везде замирает. Временами у меня просто физическое ощущение тяжести от всей этой тоски, от затихающего Берлина. Какое счастье жить в стране, где всем есть дело, где кому-то нужен труд. Здесь у всех кто работает научно, да и не только научно, очень горькое чувство". И затем "о поэтических делах": "На

---

³⁰ См.: Блох Р., Гюрлин М. Избр. стихотворения. С.30-31.

³¹ Там же. С.29.

пнях мне попал случайно в руки Вергилиев перевод стихов Деборд-Вальмор³². Читала его и перечитывала. Как это я ничего об этом не знала! Это прекрасные стихи и по-русски и по-французски. Хочется знать, какие есть еще переводы стихов. Меня такие вещи очень трогают (...). Живо представила себе знакомый мне с детства мрак и мелкий дождь, унылый и всё же располагающий к работе. Вспомнила, как я ходила рано утром в тумане через мосты слушать про то, как прежде считали время, как делили день и гол и как распределяли свой труд³³. С большим удовольствием пошла бы и теперь через мосты и посмотрела бы на средний и другие проспекты".

24 декабря 1931 г.: "... жизнь проходит под знаком "экономи", очень не веселая жизнь ... . Скоро перестанем выписывать иностранные журналы. Свои собственные в большинстве случаев хлещут (т.е. выпустили за этот год I-2 тетради)".

14 февраля 1932: "Пришлось писать короткую статью о Хросвите Гандерсгеймской³⁴, для одного очень глупого журнала. За это заплатят, а кроме того Хросвита уж очень хороша. Мне очень хочется перевести по-русски ее "комедию" про Авраама и Марию. Только это когда-нибудь, когда будет время. Хросвиту я раньше не знала, т.е. не читала ее произведений, а теперь читаю ее во всех поездах и трамваях и нахожу, что пишет она прекрасно. В нее каждое слово имеет вес и звук и она необыкновенно человечна и умна". (...)

---

³² Имеется в виду перевод М.Л. Лозинского произведения Стефана Цвейга, посвященного французской поэтессе Марселине Деборд-Вальмор: Цвейг С. Марселина Деборд-Вальмор: Судьба поэтессы. Л., 1930. Т.8, ч.2: Стихи. С.83-112.

³³ Блох вспоминает курс лекций "Средневековый быт", который в 1920-21 гг. Добиаш-Рождественская читала в университете: См.: Ершова В.М. О.А. Добиаш-Рождественская. Л., 1988. С.65-67.

³⁴ Хротсвита Гандерсгеймская (Hrotsvitha, Hroswitha) - "первая немецкая поэтесса". Творчество ее относится к 950-970-м гг. Писала драмы рифмованной прозой, выступала с апологией женского достоинства. Упоминаемая Блох "комедия" - "Авраам" - о святом отшельнике, возвращающем на путь истинный свою приемную дочь - Марию, ставшую блудницей. См.: Памятники средневековой латинской литературы X-XII вв. М., 1972. С.81-103 (Предисловие к публикации М.Л. Гаспарова).

В *Mitteilungen zur Gesch. der O.S.B. und seiner Zweige* выходит в Мюнхене ласковая рецензия на мою диссертацию. Очень ей обрадовалась. Были заметки и в других журналах, бельгийских и итальянских, но немецкие рецензии только теперь начинают появляться³⁵.

Через два дня, 16 февраля, отвечая на вопросы Ольги Антоновны по поводу правил описания и публикации средневековых грамот, принятых *Monumenta*, Блох пишет: "У меня и у Wehmer'a³⁶ зародилась одна мысль. Что если труд о Корбии (речь идет об исследовании Ольги Антоновны "История Корбийской мастерской письма". - Т.В.) перевести на немецкий язык и попытаться пристроить его в здешнем *Vaterland'e* (чтоб ему ни дна ни покрывки!). (...) Конечно, раньше, чем переводить (...) надо предварительно спросить у автора, согласен ли он принципиально выпустить свой труд на тевтонском наречии (простите, что я употребляю такую терминологию, но и со мной в национальном вопросе не очень церемонятся). (...) Насчет удовольствий, дело обстоит благополучно. Их не слишком уж много и становится все меньше. Об этом заботится сама история. (...) Состояние такое, как под колоколом насоса, из которого постепенно выкачивают воздух. Здесь говорят: *man muss lassen lernen**. У меня ничего хорошего из этого не выходит кроме ацелии, и разговоры о форме черепа и чистоте расы навоят только на отвращение и тоску; даже не на ненависть. Надеюсь, все-таки, что все образуется. Монументисты пока корректны. Особого доверия к ним нет: здесь принципиально уважают начальство".

1-го марта 1932: "Читала с большим интересом то, что Вы пишете про Хросвяту (имеет в виду себя. - Т.В.). Конечно, переводы совсем не безупречны. В частности в том, где говорится о пензен-

---

³⁵ *Studien und Mitteilungen zur Geschichte des Benediktiner Ordens und seiner Zweige. Neue Folge 18, der ganzen Reihe. 1931. Bd. 49. S. 475-476.*

³⁶ Карл Вемер, уже ранее упомянутый, университетский прин- тель Р. Блох.

* Необходимо учиться (нем.).

ском платке, я уже переменяла некоторые прилагательные³⁷. Здесь не у кого спросить совета, а мне совет в таких делах очень нужен. Бывает часто так, что если мне здесь кто-нибудь что-нибудь советует; я поступаю наоборот. Нет того судьи, приговору которого я до сих пор, как и прежде, безусловно верю. Когда переводов накопятся на целую книжку, просто не знаю, как мне тогда быть. А недочетов конечно много. Это я сама вижу. На этот раз посылаю Вам немецкий перевод из сочинений Хросвитиной старшей сестры (имеется в виду А.А.Ахматова. - Т.В.). <...>

Сделан этот перевод вместе с юным моим товарищем. Вдвоем скорее идет. Старшая сестра Хросвиты отличается пренебрежительной для переводчика лапидарностью и точностью языка. Переводить ее совсем не просто (к сожалению, упомянутый перевод стихотворения Ахматовой, о котором пишет Блох, отсутствует. - Т.В.). У нас здесь жизнь течет очень тихо. Монументисты вегетируют среди хартуляриев и копиариев и с ними только об этих предметах можно говорить, ибо всякий другой разговор может привести к неприятным расхождениям. На будущее нельзя не смотреть мрачно. Впрочем все выяснится очень скоро".

16 марта 1932 г. Блох вновь возвращается к своим "поэтическим делам": "Занята составлением антологии стихов. Хросвитинных там будет пять штук (т.е. ее собственных. - Т.В.). С судом Вашим согласна, только Вы напрасно приписываете Хросвите строчку "оттого так грустно и светло". Она написала "так пусто и светло". Относительно рукавицы она тоже упорствует и говорит, что может быть это уж очень лаконичное выражение, но все-таки понятно, что пакег в пензенском платке и рукавицах ведут на набережную гулять (по поводу того же стихотворения "Принесла случайная молва..." - Т.В.). А может быть и вправду, живя здесь, теряешь чувство языка. Наблюдал это на моих младших друзьях, но может быть сама Хросвита тем же грешна. К тому же ведь она немка. Тут ничего не попишешь. Факт конечно грустный, но который следует учитывать. Перевела еще

---

³⁷ В феврале Блох послала Ольге Антоновне свое стихотворение: "Принесла случайная молва..." В печатном тексте стихотворения, действительно, в отличие от рукописного текста изменены два прилагательных: в 1-й строке: "случайная" вместо "залетная"; в 4-й - "залатные" вместо "заморокые". См.: Блох Р., Горлин М. Избр. стихотворения ... С.39.

несколько элегий ее старшей сестры, опять вместе с моим юным приятелем, гораздо лучше меня знающим немецкий язык. Пошлю Вам две штуки из наиболее удачных. <...> Привет поэтическим друзьям. Да простят они Хросвите германизмы". К этому письму приложены два немецких перевода стихотворений Ахматовой: "Проснуться на рассвете оттого что радость душит..." и "Тяжела ты, любовная память!"

Вот тексты этих переводов (л.13-13об.)

In dem Morgenlicht erwachen
Adealos vertiefter Freude
Durch Käütensfenster blicken.
Auf grüne Meeresflut,
Oder auf dem Deck in Nebel
Eingehüllt im reichen Felge
Auf den Gang der Räder lauschen
Seilig und gesankenlos,
Und in Vorgenfühle ahnend
Ihn, den ich zum Stern erkoren,
Immerwährend, jede Stunde
Junger werden in dem Wind.

Schwer bist du, vergangene Liebe!
Ich muss sinken in deiner Glut,
Und den andern dient mein Fieber
Nur zu wärmen das müde Blut.

Um zu wärmen die kalten Glieder
Dienen die Tränen mein...
Sang ich darum, Herr, meine Lieder
Nahm der Liebe heiligen Wein!

Lass von solchen Gifte mich trinken,
Dass ich endlich Verstummen mag,
Lass den schwachvollen Ruhm ver-
sinken
In des Todes strahlenden Tag.

Проснуться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно какты
На зеленую волну.
Иль на палубе в туманье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,
Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездой,
От соленых брызг и ветра
С каждый часом молодеть.

1917

Тяжела ты, любовная память!
Мне в диму твою петь и гореть,
А другим – это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть.

Чтобы греть преснищенное тело,
Им надобны слезы мои...
Для того ль я, господи, пела,
Для того ль причастилась любви!

Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением омой.

1914

(Ахматова А.А. Стихи и проза.
Л., 1976. С.106, 200).

23 апреля 1931 г. Блох сообщает: "Хочу кроме Авраама (Хросвигт. - Т.В.) перевести еще Дульцития и Каллимаха (тоже рифмованной прозой, как в подлиннике), все это, снабдив предисловием, обнародовать. <...> В этом направлении предприняты мною шаги, и т.к. я на материальные блага не рассчитываю, то вероятно мое предложение найдет отклик. Решилась же я на такое дело, потому что перевод Авраама "по мнению многих судей взъскательных и строгих" - удачен, а мне он доставил огромное наслаждение и отнял у меня всего два дня. И этот перевод и статью (она же будет вступительной статьей) читала разным людям, собравшимся для этого. Интерес к Хросвигту большой и со мной обошлись чрезвычайно ласково. В конце концов, если есть переводы немецкие, английские, французские, итальянские, почему же не продолжить эту работу. В этом году или во всяком случае в эти годы ее тысячелетний юбилей. Она, конечно, не Гёте, но все-таки женщина во многих отношениях замечательная. <...> Хросвигта просит кланяться Вергилию, которого она очень уважает и любит".

6 мая 1932: "Хросвигту может быть удастся пристроить в одно издательство³⁸. <...> Кроме того ищу учеников. Их, увы, мало. Сказывается кризис. У нас очень холодная и мокрая весна. Она так похожа на зиму, что можно ее и не заметить. "Настроение умов крайне неприятное и этого, к сожалению, не заметить нельзя. Das Volk der Dichter und Denker * проявляется с самой неожиданной стороны. Тель (так она называет проф. Карла Штреккера. - Т.В.) по-прежнему мил и ласков. Вообще же монументисты вполне корректны. Большого от них требовать нельзя".

14 июля 1932 г.: "Das Volk der Dichter und Denker распевает под окнами песня и очень мне напоел, но мои коллеги в Monumenta чрезвычайно и сугубо корректны, желая тем подчеркнуть, что у них другие взгляды. Сегодня утром работала вместе с Бракманом <...> и говорила с ним на разные жизненные темы. Он был очень со мною ласков, сказал, что до апреля будущего года мне сокращение

---

³⁸ Нам не удалось установить, были ли изданы переводы Хросвигта, сделанные Блох.

* Народ поэтов и мыслителей (нем.).

не грозит, а до тех пор он постарается подыскать мне eine Lebensstellung* , потому что моя-де работа не верная, может вдруг прекратиться, а он не спокоен, пока мне не найдет чего-нибудь прочного. Постаралась проникнуться его психологией и не показать ему своей радости, что хоть до апреля все останется по старому. <...> Slavistische Arbeitsgemeinschaft an der Univer. Berlin** процветает. Вчера она устроила вечер лирики от Пушкина до Сельвинского в переводах. Мой юный друг, доктор /Горлин/ прочел прекрасный объяснительный доклад, а потом немецкая рецитаторша прочла иллюстрирующие тексты. Es war sehr lehrreich und solid***. <...> К Хросвите интерес растет, и ее очень хвалят".

7 ноября 1932: "Ольга Антоновна, милая, как мне сказать про свою дружбу. Ваша была мне поддержкой во все эти одинокие годы. Правда, так часто, получив от Вас письмо, я отбрасывала все смутные мысли, шла заниматься делом, стыдилась своего рассеянья, слабости, влугренней лени. И мне так радостно узнавать, читать в разных местах, что про Ваш труд знают, что его ценят". Далее Глох вспоминает о своем отдыхе во Флоренции в сентябре: "За эти пять недель мне не пришлось говорить, за немногими исключениями, на другом языке, кроме языка Данте. Было очень интересно познакомиться с совершенно чужою мне жизнью, о людях по нашим понятиям поверхностными, но такими милыми, любезными, веселыми. Контраст с Германией невообразимый. Конечно Zeit**** очень важен, но ведь в человечности и доброте моим юным друзьям отказать нельзя. Наоборот у меня было чувство, когда я попала одна в Италию (выше она сообщает, что "брат и невестка остались в Берлине". - Т.В.), что все мне хотят помочь, охранить от неприятностей, доставить удовольствие, было чувство, что вокруг меня настоящие подвижные, доступные и веселые и грусти, бесконечно разнообразные люди - а не схемы, не общие места. Может быть я и несправедлива к немцам. Ведь я 10 лет здесь живу и целые дни провожу с ними и среди них есть

* Должность для жизни (нем.).

** Славянское научное общество при Берлинском университете (нем.).

*** Было очень научно и солидно (нем.).

**** Характер, душа (нем.).

такие люди, как Штреккер, как покойный Лэр³⁹. И все-таки они мне такие чужие, а там мне было так легко. Такое было уверенное чувство, будто я домой приехала. Ливется там людям, конечно, много легче чем здесь, хоть они и жалуется на кризис. Ведь здесь теперь нищета и мрак, и безнадежная апатия".

28 ноября 1932: "Slavistische Arbeitsgemeinschaft процветает вопреки рассудку и наперекор стихиям. В моей группе 6 человек. <...> Очень хотелось вести "бурный и рассветный" образ жизни: заниматься тысячами дел, и ни от какой работы не отказываться (правит корректуру какой-то английской книжки, чтобы заработать, ибо учеников, т.е. уроков, мало. - Т.В.). Пусть меня засадят на весь день за что-нибудь одно, но оплатят этот труд по-человечески. Конечно, время тяжело..."

25 декабря 1932: Блок поздравляет Ольгу Антоновну с Новым годом и сообщает, что устраивала выставку немецких переводов русской беллетристики в Gesellschaft zum Studium Osteuropas. "... Радуюсь, что Gesellschaft дает мне возможность хоть немного прикоснуться к тому, что мне очень близко".

24 января 1933: "перевозу Поля Валери⁴⁰ и все думаю, что он собственно хочет сказать? Не всегда удается это моим слабым разумением установить, но все-таки, он меня очень притягивает. Хочу к весне попытаться перевести кое-что из любовных стихов голлардов для одного доклада. Ученики ходят довольно аккуратно, платят менее аккуратно и надоели мне чрезвычайно. Преподаю вопреки на разных языках, до русского дохожу редко - это уж особое счастье, когда надо учить кого-нибудь по-русски. <...> жизнь путаная, неспокойная, не содействующая концентрации, да что ж поделаешь! Хуже всего, что внутри большого спокойствия нет. Хочется во Флоренцию или домой (т.е. в Россию. - Т.В.), а здесь тоскливо".

---

³⁹ Позднее о последнем она напишет в стихотворении "Памяти Гергарда Л.":

... Пусть зверя знак позорный
Со всех знамен оскандился судьбе,
Невозмутимей белизны нагорной,
Алмаза чище память о тебе.

(Бородина М., Блок Р. Заветы: Стихотворения. Брюссель, 1939. С. 59).

⁴⁰ Поль Валери (1871-1940), французский поэт.

Последнее письмо Р.Блох к О.А.Добиаш-Рождественской из Германии датировано 7 февраля 1933 г.: "С коллегами стараюсь говорить как можно меньше, хотя они чрезвычайно предупредительны. <...> Мне очень хочется сочинять, но я себе ходу не даю, чтобы окончательно не облениться. Когда разбогатею выпущу второй сборник (имеется в виду сборник "Тишина". - Т.В.), материал на него почти весь собран, вот только с богатством дело плохо. Перевела два опуса Поля Валери "Песню Колаж" и "Шаги", делаю это потому, что трудно мне заниматься серьезной научной работой".

Бракман был прав и в марте 1933 г. Блох была уволена. Вскоре ей удалось эмигрировать из Германии во Францию.

Здесь по рекомендации Добиаш-Рождественской в ее судьбе горячее участие принимает семья Лотов: профессор Сорбонны Фердинанд Лот и его жена Мирра Ивановна Бородина⁴¹.

Первое письмо Р.Блох из Парижа к Ольге Антоновне датировано 1 июня 1933 г.: "Mr. Lot и Мира Ив. необыкновенно милые, сердечные, добрые люди. Они делают все возможное, чтобы приткнуть к какому-нибудь делу несчастную ассистентку, испорченную высшим образованием. Буду делать либо Дюканжа⁴², либо описывать латинские рукописи Аристотеля. <...> Как будто бы все идет на лад и можно будет каждый день обедать. На большее в моем положении претендовать трудно. Меня очень утешает дружба, которая меня здесь встретила. Без нее разлука с родными ощущалась бы тяжелее <...>. Одинадцать лет моей жизни постепенно уходят, скатертью им дорога. Здесь люди несомненно человечнее и деликатнее, это уже большое утешение. Надо поскорее все забыть и самой снова от звериного и расового начала вернуться к человеческому. Как я счастлива, что больше не вижу торжествующих арийцев с правильной формой черепа и негнуцимыми спинами.

<...> До сентября я делаю Дюканжа для дяди (т.е. Ф.Лота. - Т.В.), после с сентября Дюканжа и каталог аристотелевских рукопа-

---

⁴¹ Мирра Ивановна Бородина-Лот (1882-1957), французский филолог-меливист, дочь русского ботаника акад. И.П.Бородина (1847-1930).

⁴² Международное переиздание известного словаря средневековой латыни - *Glossarium mediae latinitatis: Nouveau Du Galle*. Во Франции Комитет по подготовке издания возглавлял Ф.Лот.

ой (последние для J. Lacombe ⁴³). (...) Сначала буду за это иметь прожиточный минимум, а потом немного больше, а жить, надеюсь, если для: устроит, в Cité Universitaire. Спасибо Вам, дорогая O.A., откройсе за помощь и содействие. Отлично понимаю, кому я обязана всем этим, другими словами своим спасением.Lots замечательные люди, я просто смотрю на них и дивлюсь, и невольно, оглядываюсь на тех, о кем мне приходилось иметь дело раньше, я не могу не признать превосходство этой культуры. Доброго, примитивного, грубоватого Телл (т.е. Штраккера. - Т.В.) я все-таки вспоминаю с нежностью: он честный. Но лиси и подхалимы просто новинности. Впрочем я у них многому научилась, бранить их не буду; кроме того они ведь помогли мне от них уехать. (...) И твердо решила ориентироваться на европейскую науку, все свое время и, во всяком случае, все свои силы ей отдавать". 23 июня: "... Живу в доме ученых (т.е. в Cité Universitaire. - Т.В.) и с меня таким образом сняты все заботы о хозяйстве, об уборщине, обеде и т.д. (...) Скоро 3 месяца, как я ничего не делаю. (...) Оказывается, что времена страны все-таки цело сложное. И живу напротив парка Montsouris. В окна видны деревья. У нас собственный сад, где цветут розы самых немислимых цветов (таких в Германии я никогда не видела). Мне сейчас хорошо и спокойно, будто я уехала в деревню. Странно оказать, в Париже гораздо меньше ощущается гнет города, чем в Берлине. Легче уйти, легче выехать на простор реки и холмов. Может быть все это впечатление легкости от холмов и происходит. Потом меня удивляет здешнее небо. В Берлине ведь тоже были большие площади, широкие просваты, но небо над ними было ровное, скучное, тяжелое, а здесь непрерывные контрасты света, переливы, такуность. Дома как-то растворяются в воздухе или упинаят в нем. Все что со мной происходит очень странно. Мания сида привело почти без моей воли, и меня валет и дальше воля не моя. (...) Монументисты написали мне тревожное письмо: они обеспокоены моим мол-

⁴³ Американский ученый Д. Лакомб. Каталог аристотелевских рукописей видел уже после 2-й мировой войны: Aristoteles Latinus I Codices descripti Georgii Lacombe in societatem operis ad summum A. Bergkclajet, M. Dulong, A. A. Franceschini. Roma; Cambridge, 1955. -1955. P.1-2. Во 2-ю часть издания вошли ленинградские рукописи, которые по просьбе Р. Блох описала O. A. Добиаш-Рождественская.

чанием, а у меня пропал на них вкус, хоть они и не плохие люди. Иду с нетерпением дня, когда снова стану нормальным человеком и забуду всю этнографию. Временами она еще всплывает в сознании с невероятной силой”.

В следующем письме (июль 1933): “меня Париж одолев, растворяюсь в нем, теряю много времени и даже не могу отправиться вслед за Прустом: *La recherche de son temps perdu*”*. Сообщает о желании Ф.Лста иметь экземпляр исследования Ольги Антоновны о корбийских рукописях для показа опционалистам на предмет опубликования его во Франции.

“У Вашего Шерметра помз много всяких хлопот. Большая его младшая дочка /Эвелин/, старшая – невеста⁴⁴, жена огорчена, что с ее отпуском ничего по-видимому не выйдет. В результате все они едут в Ширлен. Оттуда Марианна (вторая дочь Лотов. – Т.В.) поедет в Испанию учиться. Все они замечательно добрые и благородные, но лучше всех сам шерметр: радостно знать, что есть на свете такие добрые люди. Он все думает, как бы сделать мне работу более легкой, как заплатить за нее по более высокому тарифу. Вы ведь знаете, какая была картина в Монуументах, ну да не стоит о них вспоминать. У меня чем дальше, тем более горги и накапливается в душе. Думала, что буду все-таки вспоминать с любовью моего работодателя, моего главного учителя там (Бракмана. – Т.В.), а мне приходится делать над собой усилие, чтобы не иметь на него злобы. Есть же все-таки на свете и убежденность, и чистота, и огонь – не одна только прокисшая картошка. Францию все больше люблю, все больше ценю такт, проявляющийся в вежливости. Считаю, что поговорка *ne jurez pas des arragences* ** несправедлива, им, к сожалению, только по аппаратсам и можем сулить, а до хваленного *Gemüt*'а не докопаться. К тому же *Gemüt* этот за столько лет домашнего хо-

---

* В поисках утраченного времени (фр.). Имеется в виду знаменитый роман Марселя Пруста “В поисках утраченного времени”.

⁴⁴ Иран Лот – готовилась стать женой Бориса Вильде. См.: Воронова Т.П. К биографии Бориса Вильде: (из арх. О.А.Добняш-Рождественской) // Французский ежегодник, 1972. №., 1975. С.29–33.

** Не судите по внешнему виду (фр.).

зайства, выжиганий, вышиваний, за столько габуртстагов и таннен-баумов отсырел и покрывлся плесенью. А кроме Gemüt'a действительно похвастать нечем. У меня там остались друзья. Их я по-прежнему люблю, но могу с ними общаться только поскольку они себя отмежевывают от своего родного фольклума и Вотану не поклоняются. Все же остальное настолько гадко, что я каждую минуту благодарю судьбу, которая спасла меня от этого медленного умирания. Только родные меня огорчают, и разлука с ними тяжела. Может быть к осени и они согласятся наконец расстаться с Берлином. Да, странная все-таки случилась вещь! Вдруг почва ушла из-под ног, вдруг — черная ночь! И конечно, в легком, веселом, стройном городе, где я теперь живу, мне временами не так легко привести себя тоже в стройность и гармонию. Тут надо бы особенно показать, что меня научили разным ремеслам, что благотворительность по отношению ко мне должна перестать быть благотворительностью, но столько третится при этом сил! О людях вспоминаю, уви, меньше, чем о библиотеке Людвига Траубе⁴⁵. О ней грущу до слез, как грустила (но также и о людях) о другой библиотеке с видом на мой горбд (т.е. о Публичной библиотеке. — Т.В.). Каждый шкаф, каждая полка была родной, с лицом, рука бессознательно вынимала правильную книгу. А тут все так путано, сложно, непривычно. <...> А все-таки живется мне здесь как в самом прекрасном отеле, и целыми днями я могу сидеть в саду. Ученикам (их двое: 60 франков в неделю) даю уроки под ивой в саду. <...> Теперь иду спать в свою callula* <...> такой комфортабельной комнаты у меня никогда не было. По-видимому надо мне благодарить Адольфа, что одвинул меня с места".

21 июля Ф.Лог сообщает Ольге Антоновне об устройстве Р.Блох: "Мы смогли найти ей в Париже очень скромное материальное положение, которое ей поможет прожить — прилично — в течение одного года. Потом посмотрим. Я пытался спасти также других израильтян. К несчастью, денег нет и кроме того надо действовать очень осторожно. Французская молодежь <...> становится антисемитской, если беженцам предоставляют места, в которых им отказывают. <...> Это утешение гово-

---

⁴⁵ Людвиг Траубе (1861—1907), немецкий филолог и палеограф. Его именем названа библиотека при издательстве Monumenta.

* Калья (лат.).

речь о Вас с Вашей дорогой, такой милой Р.Блох: на ней отблеск Вашей личности"⁴⁶.

8 августа 1933 г. Блох с горечью пишет Ольге Антоновна: "К странной своей судьбе все же хорошенько еще не привыкла. Видно надо мне искать дома в себе самой, все другое не прочно; видно не надо ни к чему привязываться, чтобы не страдать потом от разлуки и от лишений. Эта старая истина, но убедилась я в ней только теперь".

5 октября: "мне так дорого, что Вы думаете о моей судьбе. <...> В отношении заработка все пока в порядке. Кроме 900 франков за Аристотеля, имею еще доход от уроков. Даю уроки итальянского и немецкого языка. <...> Вижу /проф. Лота/ теперь каждый день в /Национальной/ Библиотеке. Не знаю, какой он был раньше. Теперь он тоже остроумен, чуток, умен. С ним легко, можно долго говорить. <...> Вам кланяется Володя⁴⁷. Мы с ним и с Вашим и нашим шерметром встречаемся по пятницам в передней Institut среди мраморных голов, а потом пьем кофе в deux Marots против J.Germain des Prés".

12 ноября Р.Блох сообщает подробности по поводу работы над французским переводом книги Добиаш-Рождественской о корейских рукописях Ленинграда, которым руководил (и редактировал) Ф.Лот. "Исследование это необыкновенно глубокое, точное, важное. Уверяю Вас, что от издания его будет польза многим ученым. Шерметр в этом также убежден, как и я".

2 декабря 1933 г. Р.Блох пишет о своем переезде из Cité Universitaire: "Американский палаццо покинула не без грусти. Так комфортабельно как там мне нигде не будет житься. Но переезжать надо было, потому что во 1-х - меня там, как иностранку (даже там!!!) больше не хотели, во 2-х потому что в город я ехала 50 минут, а в течение дня проводила часа 4 в путях сообщения, тратя на это соответствующее количество франков. Теперь живу в настоящей, а не литературной парижской мансарде. Небо близко, но потолок еще ближе. В комнате множество причудливых выступов и уступов. Но она очень чис-

---

⁴⁶ Письма Ф.Лота на французском языке (Пер. Т.И.Вороновой) - ОР ИФБ. Ф.254, ед. кр. 291.

⁴⁷ Владимир Николаевич Лосский (1903-1938), богослов, сын известного петербургского профессора философии Н.О.Лосского (1870-1965), высланного в 1922 г. вместе с семьей за границу. Был женат на Магдалине Шапиро, троюродной сестре Раисы Блох (сообщено его братом Б.И.Лосским).

тая, вся красная и ковер на весь пол. Из окна вид на крыши ХУП ве-
ка; а пом где помещается гостиница эпохи Palais Royal и. Зато ме-
бель без всяких любовников и на стенах ничего не висит отвратного.
Очень это ценю. Сажу теперь в своей мансарде и размышляю о жизни и
о своем прекрасном одиночестве. Если бы на душе было спокойнее ста-
ла бы писать роман, но на душе, увы, очень смутно. <...> Совсем ис-
портил мне характер Адольф. <...> Поэтическим душам нежный приват
от бездомного сколяра. Пусть никто сколтрам не завидует. Горькая
это судьба, о ней смотри у Данта".

13 декабря 1933: "Ох, не нравится мне здешняя наука (т.е.
вульгарные ее проявления). Только Шерметру прошу Вас не пишите это-
го. Он на сто голов выше других. У меня от схоластической ритори-
ческой чепухи, от которой ничего не остается в голове, тоска на ду-
ше и все вспоминаю строгие, скромные мои Монументы (прелат Лакомб
сообщил, что у него работа для нее только до 1 января. - Т.В.).
Шерметр пока пристраивает меня к Дюканжу и будет искать на это
дальнейших средств. Пока буду получать 600 фр. в месяц, увы, это
даже не прожиточный минимум. Есть у меня еще уроки. <...> Шерметр
обещал мне включить меня в число всех тех лиц (их много), которых
он должен кормить (Volodja avec sa femme et deux petits enfants,
Boris et famille *). Все это грустно, но я не унываю и твердо
решила бороться für meine Existenz in diesem Lande **. Предушедий
Land вычеркнут, во всяком случае на долгие годы из моего итинера-
рия. Это ужасно все тяжело. Комната у меня чудная. Париж люблю,
хотя скучаю о родных и мерзну зверски. Занимаюсь хозяйством и со-
блюдаю экономию".

22 декабря: "Шерметр прочно берет меня в Дюканжа, потом, ес-
ли я буду толково работать, в в другие свои научные предприятия.
Он обратит меня в галла, я уже привыкла к состоянию обращения. Мне
теперь все равно. <...> Шерметр очень заботлив и ищет для меня кре-
дитов, а кроме того мне будут еще поручать des petits secrétari-
ats ***. Сегодня вечером, например, буду служить переводчицей в
Société d'histoire de la Pharmacie, куда приехал профессор-немец,

* Володя с женой и двумя маленькими детьми, Борис и семья (фр.)

** За свое существование в этой стране (нем.).

*** Небольшие секретарские работы (фр.).

не говорящий по-французски. <...> Дав уроки немецкой литературы Марианне (дочери Лотов. - Т.В.). Она милейшая девочка и очень красивая. С Irène я также в дружбе. <...> Трушу немного, что Новый год встречу не со своими, но решила твердо оставить мировую скорбь и принять то, что мне посылают времена".

26 декабря Л. Лот сообщает Ольге Антоновне: "Два раза в неделю я вижу с Вашим другом Раечкой, которая сопровождает меня из Hautes Etudes и мы болтаем de omni re scibili et de quibuslibet aliis * и между прочим о Вас. Будете спокойны за ее судьбу: действительно, у нее был момент для волнения, когда американский ученый - монсieur Лакомб сказал ей: что после 31 декабря он не будет нуждаться в ее услугах по описанию аристотелевских рукописей; она же надеялась быть занятой на этой работе до весны. Но я думаю, что благодаря вмешательству того же Лакомба прошлым летом я смог получить от одного американца и положить в банк небольшую сумму на имя Вашего друга, при условии, что она будет делать выписки из Дюканжа для нашей академии в течение четырех или пяти месяцев. Мадмуазель Р.Б. будет следовательно занята мною или пернее моим Комитетом, начиная с ближайшего января. Затем, когда эта сумма иссякнет - и даже немного ранее - я возьму ее прямо на службу во французский Комитет на тех же условиях, что Лосского, который живет только этим уже четыре года. <...> Будьте уверены, что пока я смогу возглавлять это мероприятие от французской стороны и пока я буду иметь в своем распоряжении хоть какие-то денежные суммы, ни Лосский, ни Р.Б. не будут покинуты. Мы встретили, я и жена, в автобусе Раечку с ее бумагами, которая направлялась в свою комнату: у нее совсем не был несчастный вил - напротив".

27 января 1934 Р.Блох пишет Ольге Антоновне: "Хочу Вам сообщить прежде всего, что с работой у меня все в порядке. Занимаюсь кроме Дюканжа историей фармацевтики в качестве секретаря при журнале *Revue de l'Histoire de la Pharmacie*. В результате этих двух служб могу сводить концы с концами. Занята же я с 9-ти утра до 7-ми вечера, что однако не мешает мне изучать испанский язык и усовершенствоваться во французском. На большее, чем на механичес-

---

* Обо всем, что можно узнать и о кое-чем другом (лат.).

кое изучение языков меня, увы, не хватает. Потом может быть станет легче, но сейчас тяжело привыкать к фармацевтам. К счастью, они довольно милые и уважительные. Завтра днем иду в гости к Шерметру. <...> Не волнуйтесь за меня, дорогая О.А. У меня постепенно все наладится. Наука от меня не уйдет. Работа над Джоканжам, например, очень интересная".

24 апреля 1934: "Дни летят, пела без конца: все работа и работа. Она правда научная, но конечно наука тут, как говорится "leben bei"^{*}. Видно такая уж судьба. Надо главное брать жизнь, какую судьба посылает и не скандалить, все равно не поможет. В этом убеждении и провожу дни. Пишу статьи о самых странных вещах: тибетской медицине, книге рецептов арабского врача Аль Беруни, средствах от собачьего бешенства и о многом другом, чего и не перечислить. Утешаюсь чтением латинских поэтов для Джоканжева словаря. Это и правда утешение. <...> Не думала, что так меня потрясет перемена стран и культур. Все ведь они не мои, почему же это так меня сбilo с дороги... То—есть сбilo внутренне, а не внешне. Так все в порядке: две службы и шартист, пишущий these^{**} дает мне возможность жить и даже угощать друзей ужинами, изготовленными на спиртовке и даже иногда (правда редко) ходить в театр. Но у меня нет больше веры, что под ногами твердая земля и нет особенной охоты строить и добиваться. Дни проходят быстро, здесь красивый свет, приветливые люди, так и живу, не рассуждая".

Фердинанд Лот 27 октября — Ольге Антоновне: "Не беспокойтесь слишком о Раисе. <...> Она зарабатывает себе на жизнь тяжело, но она на нее зарабатывает. Столько французов и француженок не могут сказать этого о себе. Молодежь, окончившая Школу Хартий и университет, не может обеспечить себе приличное материальное положение, и в то же время студентов сейчас больше чем когда-либо".

2 февраля 1935 г. он же: "Раиса vivo <...>. Джоканжа не хватает полностью на ее содержание: она к этому добавляет еще публикации по фармацевтике. Я хотел бы сделать больше: невозможно. Лосский живет только оставлением карточек для Джоканжа, "кроме того

---

* Рядом (нем.).

** Диссертацию (фр.).

имеются и французские сотрудники, которыми я не имею права пренебрегать. Тем не менее она вздохнула легко в Париже после берлинского гнета".

В 1934 г. в издательстве Академии наук СССР вышло на французском языке исследование О.А.Добиаш-Рождественской "История Корбийской мастерской письма в годы 651-830 по ленинградским кодексам" (Л., 1934. 174 с.). В предисловии (с.28) среди лиц, которым автор выражает свою признательность за участие и помощь в работе, названа и Ривса Блох ("Mlle Raïssa Bloch, notre disciple et notre amie"). Она помогала Ф.Лоту в редактировании французского перевода книги.

27 февраля 1935 г. Р.Блох благодарит Ольгу Антоновну: "Спасибо Вам, дорогая. Я тронута посвящением и нахожу, что "Геооплаивансе"* должна быть моя к Вам за то, что я могу работать и находиться здесь и видеть каждый день завитки Лувра и деревья над серую водой и стадо мостов у подножья Эйфелевой башни. Все же из всех городов, где приходится тосковать и быть одной, здесь легче всего. Потому я назад не гляжу, да и незачем. По-видимому наперекор всем законам природы и людей я возвращена в первобытное состояние и об этом в Берлине давно заявлено официально. Причина к тому форма черепа и полное нежелание попасть в Валгаллу. (...) Кстати о Монументах: решила действовать энергично. Написать Бракману письмо. Он собрался выпустить том, над которым я работала шесть лет, под фамилией арийского доктора, заменившего меня, а о моей работе умолчать. Я решила сообщить обо всем этом деле в Moyen âge, Bulletin Discense и еще кое-где... Может быть это безумие, но молча все это выносить я не хочу... Все же то, что с нами в Германии проделали - грабеж. У меня и моих друзей украли молодость. Впрочем это еще легкая кража, бывали случаи и пострашнее".

26 ноября 1935 г. Р.Блох посылает Ольге Антоновне два официальных уведомления о своем замужестве: "Второе - для "любимца муз" (М.Лозинского. - Т.В.). Наша фамилия - Горлян". Об ожидаемом в сентябре рождении ребенка она сообщает 11 февраля 1936 г.: "В апреле хочу читать доклад в Société des Slévissants о русских поэто-

* Признательность (фр.).

сах наг. XIX-го века (Кульман⁴⁸ и Бунинной⁴⁹). Работа эта скорее овязана о интересами Миши, чем с мойми, но так как они были поэтессы и притом лярического оклада, не могу не почувствовать к ним нежной симпатии. Сочинения их здесь можно достать, как это ни странно... Миша к нашей общей радости получил небольшую стипендию (300 фр. в месяц на 8 месяцев). Он усиленно работает над своей тлесе ае достобрат в связи о ней с утра до ночи читает стихи и донимает меня русской песней XVIII века и одами плохих подратителей Державина. Из-за Мерзлякова⁵⁰ и Цыганова⁵¹ вчера крупно поспорили, я заткнула уши и категорически потребовала, чтобы Миша читал мне Тассо для восстановления душевной гармонии". Здесь же ниже собственноручная приписка М. Горлина: "Тороплюсь произвести на свет диссертацию, чтобы не отставать от супруги. Надеюсь, что когда-нибудь наша наука пригодится. За стилистической стороной моих французских работ следит Ирэн, с которой мы оба очень дружны. Ее супруг Борис Вильде учится в École des langues orientales, где занимается японским языком. Он очень милый". Это последнее письмо от Горлиных, сохранившееся в архиве О. А. Добнаш-Рождественской.

6 сентября 1836 г. Фердинанд Лот сообщает Ольге Антоновне: "Мы часто вспоминаем Вас дома, а также с этой бедной Раисой, которая скоро станет матерью. Каков мужество, смелость!" 31 декабря он же: "М. И. /Мирра Ивановна Лот/ виделась на днях с Раисой. Мадонькая (у Горлиных родилась дочь. - Т. В.) очаровательна. Но положение ее родителей по-истине ненадежно. До тех пор пока я буду представлять Францию в Glossarium medicæ latinæ (Словарь Доканжа. - Т. В.) она и Володя /Лосский/ найдут благодаря мне вознаграждение за свою работу. Но я не всегда же буду там и тогда, что станется с ними?"

⁴⁸ Елизавета Борисовна Кульман (1808-1825), поэтесса. Писала стихи, главным образом, на иностранных языках (французском, немецком, итальянском).

⁴⁹ Анна Петровна Бунина (1774-1828), русская поэтесса.

⁵⁰ Алексей Федорович мерзляков (1778-1830) - литературный критик и поэт, профессор Московского университета. Известна его песня "Среди долины ровныя...", которую пела и поет доныне вся Россия.

⁵¹ Николай Григорьевич Цыганов (1797-1831) - собирал народные песни. Самая известная - "Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...".

16 мая 1938 г. М.И.Лот-Бородина сообщает Ольге Антоновне:
" Раечка тоже огорчается, не имея весточки от Вас. Ей, бедной, нелегко: жизнь дорожает, ребенок растет, а она и Миша зарабатывают все гроши..."⁵²

К сожалению, очень мало сведений о последних годах жизни Раисы Блох. Из письма дочери Бориса Николаевича Лосского Марии Борисовны Авриль, заведующей Славянским отделом Национальной библиотеки Франции, мне известно, что Горлины состояли в дружбе не только с семьей проф. Лота и семьей Лосских, но что их регулярно посещал также В.Ходасевич.

В 1939 г. В Брюсселе в издательстве "Петрополис" вышел сборник стихотворений Р.Блох – совместно с М.И.Лот-Бородиной – "Заветы" куда вошло 15 ее стихотворений⁵³. М.И.Лот-Бородина писала своей сестре И.И.Любиленко⁵⁴ об этом сборнике: "Большой радостью для меня был выход нашей с Раечкой книги"⁵⁵.

Приведем одно стихотворение Блох из этого сборника, полное тревожных предчувствий:

Быстрее туч уходит жизнь земная
Быстрее птиц проносятся года,
А мы живем, не помня и не зная,
И строим дом, как будто навсегда.
О жаркий воздух странствия земного,
О свет, о блеск, о каждый пыльный час,
Мне жалко вас: вы не вернетесь снова
С иной земли я оглянусь на вас⁵⁶.

Спустя 20 лет, в 1959 г., в Париже был напечатан сборник избранных стихотворений Раисы Блох и Михаила Горлина⁵⁷. Первая

---

⁵² ОР ПИБ. Ф.254, ед. хр. 395.

⁵³ Бородина М., Блох Р. Заветы: Стихотворения. Брюссель: Петрополис, 1939. 70 с. (Р.Блох: с. 51–68). Пользуюсь случаем еще раз поблагодарить Р.А.Райт-Ковалеву за подарок этой книги.

⁵⁴ Инна Ивановна Любиленко (1879–1959), советский историк-медиевист.

⁵⁵ Сообщено Р.А.Райт-Ковалевой.

⁵⁶ Бородина М., Блох Р. Заветы. С. 54.

⁵⁷ Блох Р., Горлин М. Избр. стихотворения. Париж, 1959.

часть оборника включает стихотворения Р.Блох из книг: "мой город" (II стихотворений), "Тишина" (25), "Заветы" (II) и 8 неизданных стихотворений 1942-1943 гг. Сборник открывается фотографией с ее портрета, по-видимому, написанного еще в Берлине. Внизу подпись художника: "N. Brodsky" ⁵⁸. Вторая часть состоит из 22 стихотворений Михаила Горлина и послесловия издателя (возможно им был Я.Н.Блох). Перед послесловием воспроизведена записка Р.Блох на французском языке, выброшенная из поезда, увозившего ее из Дранси (в 10 км. от Парижа) в концлагерь на мученическую смерть: "20.XI. 1943. Дорогие друзья, спасибо за теплые вещи. Я их получила накануне отъезда. Я не знаю, куда меня везут. Может быть не очень далеко. Сначала Мец или поблизости. Я себя чувствую совершенно хорошо и надеюсь вас всех увидеть. Напишите Кремер 6, улица Басс дю Шато Шамбери, Савойя, чтобы предупредили Якова. Привет всем. Мне не будет теперь холодно. Спасибо за все. До сих пор ничто нас не тревожит. Я думаю о всех с нежностью и хочу возвратиться к вам. До свидания". В послесловии сказано, что Михаил Горлин был депортирован годом раньше жены и по слухам убит на работе в соляных копях Силезии. Р.Блох пришлось пережить не только его арест в 1942 г., но и скоростную смерть их шестилетней дочери.

"Голоса двух ученых, - пишет издатель сборника, - неутомимо и широко преданных своим исканиям, недавно вновь прозвучали в книге статей, появлявшихся разрозненно, а теперь собранных стараниями профессора Мазона" ⁵⁹. Это издание ⁶⁰ свидетельствует о сердечной действительной дружбе, а также о признании, которое Горлина нашли во Франции - он, как славист и литературовед, она, как специалист средневековья.

Но Раиса Блох и Михаил Горлин и - до конца, в самых тягостных условиях, среди ужаса, разлуки и смерти - оставались прежде

---

⁵⁸ По-видимому, это - Нина-Анна Бродская (Nina-Anna Brodsky, 1892-?), театральная художник, работавшая в Берлине для русского театра "Синяя птица". Ученица Добужинского (См.: Allgemeines Lexicon der Bildenden Künstler des XX. Jahrhunderts. Leipzig, 1953. S. 320.)

⁵⁹ Андре Мазон (1881-1967), французский славист.

⁶⁰ Нам оно, к сожалению, неизвестно.

всего, глубже всего, поэтами⁶¹.

Такова трагическая судьба Райсы Блох, не по своей воле оказавшейся на чужбине и всю жизнь тосковавшей по своей Родине. Это чувство особенно ярко выражено в ее стихотворении:

Голубь в руке -
Сердце мое.
Стонет оно
Сумрачным днем,
Бьется оно
Теплым крылом,
Рвется к тебе,
Родина.

Нет ему сна,
Нет ему дна,
Только в тумане
Ветка одна:
Ты ли близка
Родина?

Черная ветка,
Жалобный лес,
Воздух колючий
До небес.
Даже если твой свет исчез -
Верность тебе,
Родина⁶².

---

⁶¹ Блох Р., Горлин М. Избр. стихотворения. С.91. Библиография поэтических произведений Р.Блох см. в кн.: Bibliography of Russian Emigré Literature, 1918-1968 / Comp. Ludmila A. Forster. Boston, 1970. P.249-250.

⁶² Там же. С.48.

В КРУГУ ДРУЗЕЙ

(письма советских писателей к М.А.Сергееву)

31 марта (12 апреля) 1988 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Михаила Алексеевича Сергеева. Еще при жизни его именем на Камчатке был назван ледник в долине реки Итковаям, в 1966 г., через год после смерти – вулкан в Северном вулканическом районе Среднего хребта. Это – признание заслуг ученого географа, много лет жизни отлащавшего изучению Камчатки и северных областей Советского Союза. Экономике, культуре, этнографии Севера Сергеев посвятил десятки книг и сотни статей. Человек щедрой души, он легко делился своими знаниями и большим жизненным опытом со всеми, кто к нему обращался. Жизнь его была богата событиями. Он знал многих замечательных людей нашего времени. Встречался с В.И.Лениным, С.М.Кировым, М.И.Калининым, А.В.Луначарским. Был близко знаком с А.М.Горьким, Ф.И.Шляпным, Б.М.Кустодиевым, К.Ф.Юоном, дружил с К.А.Фединим, М.Д.Слободским, Г.С.Верейским, Н.Н.Крестинским. Дружба с Крестинским во многом определила послереволюционную деятельность Сергеева. Н.Н.Крестинский, партийный и государственный работник, дипломат, был его другом еще с Вильно, где Сергеев родился, окончил гимназию и впервые стал участником социал-демократических кружков. Оба были юристами по профессии – окончили, правда, в разное время, Петербургский университет. После революции Крестинский, став главным комиссаром Народного банка и членом коллегии Наркомфина, привлёк к финансовой деятельности и Сергеева. В декабре 1917 г. Сергеев с мандатом В.И.Ленина участвовал в национализации частных банков, а затем помогал в налаживании Народного банка. В 1919 г. Сергеев был направлен в Крым народным комиссаром всех крымских банков. Тогда, по его свидетельству, В.И.Ленин передал с ним личное письмо к Д.И.Ульянову, занимавшему пост Председателя Совнаркома Крымской республики. Республика просуществовала недолго, и Сергеев в составе комиссии ЦК РКП(б) и СНК РСФСР по восстановлению советской власти на Урале оказывается в Екатеринбурге. Там он работает в Госбюлке, одновременно является заведующим губполитпросветом и секретарем губкома партии. Сергеев стал одним из орга-

низаторов Уральского университета, заместителем ректора, много труда вложил в создание библиотеки университета.

В 1921 г. Сергеев возвращается в Петроград и становится комиссаром-управляющим Северо-Западной конторой Государственного банка и уполномоченным Наркомфина. Но все сильнее влечет его книгоиздательская деятельность. Еще в 1918 г. он помогал налаживать работу издательства Петросовета. Вернувшись в Петроград, Сергеев с 1922 г. стал работать заместителем заведующего Ленгиза, а одно время и ИИЗа, не оставляя в то же время финансово-банковской работы. С ИИЗом и Ленгизом он был связан вплоть до 1931 г., написав массу внутренних рецензий, чаще на иностранную литературу, многие книги редактировал. При его участии создавался детский отдел Ленгиза. Выезжая за границу по делам Внешторга, Сергеев выполнял и литературно-издательские поручения. В 1925 г. он вел переговоры с А.М.Горьким в Италии относительно издания задуманного писателем журнала "Собеседник", а также выхода в Ленинграде его нового романа "Дело Артамоновых". Тогда же Сергеев по поручению Института Ленина купил в Берлине у вдовы Д.Мартова протоколы II съезда РСДРП.

В сентябре 1926 г. по предложению С.М.Кирова Сергеев становится председателем правления издательства "Прибой". Финансовое положение "Прибоя" в этот период было очень тяжелым. Не было бумаги, гонсраров не платили, издательский портфель был пуст. "Нам, - писал Сергеев, - имея в виду себя и М.Д.Слонимского, приглашенного с октября 1926 г. заведовать литературно-художественным отделом, - предстояло оживить издание беллетристики, чехлой и серенькой в прежнем "Прибое", привлечь лучших писателей, дать старому и новому читателю настоящую, содержательную книгу с привлекательной внешностью". И им это удалось. В "Прибое" стали печататься К.А.Федин, М.С.Шагилян, Д.И.Борисов, М.Э.Казакон, вышел первым изданием отдельной книгой роман А.А.Фадеева "Раагром". Выросла и культура оформления книги. По инициативе Сергеева для популяризации советских писателей "Прибой" начал выпускать серию их оригинальных портретов в исполнении Г.С.Верейского. Здесь же была задумана и серия открытых писем с портретами советских писателей, но осуществить эту идею не пришлось, так как "Прибой" в ноябре 1927 г. был слит с ИИЗом.

Разговоры о его ликвидации, начавшиеся еще в 1926 г., очень тревожили писателей. Как-то, в конце 1926 г., "на огонек" к Сер-

гееву собрались Федян, Слонимский, Козаков. В этот вечер и ролилась идея создания Издательства писателей в Ленинграде. Решено было, что первое время, чтобы помочь издательству стать на ноги, оно будет вести общую издательско-торговую работу с "Прибоем", сохраняя, разумеется, свою фирму. И "Прибой" в начале 1927 г. комплектовал свой издательский портфель, учитывая, что часть рукописей пойдет в Издательство писателей.

После ликвидации "Прибоя" Сергеев перешел на работу в "Красную газету". В это же время он являлся редакционным представителем издательства ЗиФ и "Academia" в Ленинграде. "Красная газета" была крупным предприятием, здесь выходили периодические издания и книги. Сергеев некоторое время редактировал журнал "Вокруг света" с его приложениями и старался наладить издание альманаха "Минувшие дни". Скандальная публикация в альманахе поддельного дневника А.А.Врубловой, по-видимому, сыграла определенную роль в решении Сергеева отказаться от издательской деятельности и с 1929 г. он начинает заниматься Севером, Сибирью, Дальним Востоком.

Рассказ о деятельности Сергеева будет неполным, если не упомянуть, что в 1920-е гг. он участвовал в работе "Общества поощрения художеств", и "Комитета популяризации художественных изданий". Выпуская к юбилею "Комитета..." в 1930 г. свой шуточный дириамб "Диоскуры и книга", Э.Ф.Голлербах написал о Сергееве: "Михаил Алексеевич Сергеев - вождь, был бы душой Ленгиза, "Прибоя" и "Academia"; если бы безбожники не отменили душу".

Личная библиотека Сергеева насчитывала несколько тысяч томов. В ней было много редкостей даже для искушенных библиофилов. В 1950-х гг. свыше 4 тыс. томов, относящихся к Сибири и Северу, он передал в Сибирское отделение Академии наук. Сейчас они находятся в Институте вулканологии на Камчатке. Оставшаяся часть библиотеки (свыше 3 тыс. томов) в 1965 г., после его смерти, была распродана через книжную лавку писателей. Часть книг оттуда была приобретена ЦБ и восполнила некоторые пробелы в ее фондах. Архив Михаила Алексеевича также был разделен: научная часть, относящаяся к Сибири, Северу, Дальнему Востоку, была передана в Ленинградское отделение Географического общества, литературная часть и письма поступили в Публичную библиотеку.

Сотни людей состояли в переписке с Сергеевым, в том числе многие известные советские писатели. Мы уже писали о его дружбе с К.А.Фединым и М.Л.Слонимским. Первые их письма к Сергееву датированы 1927–1928 гг., последние 1965 г. Всего писем К.А.Федина – 179, М.Л.Слонимского – 70.

С П.Л.Далецким и С.И.Бытовым Сергеев переписывался 13 лет (соответственно 26 и 20 писем), с А.Г.Лебедевым – 9 лет (28 писем), с Л.И.Борисовым и Е.А.Федоровым – 8 лет (соответственно 44 и 37 писем). Писали ему А.Н.Толстой (3), М.С.Шагинян (7), И.С.Сokolov-Микитов (5), Ф.А.Абрамов (5), М.Э.Козаков (4), хотя за него, правда, чаще писала жена – З.А.Никитина (27). Это далеко не полный перечень писателей, с которыми состоял в переписке Сергеев. Каждый поворот судьбы давал ему новых друзей, круг их был огромен. Настоящая работа ставит целью дать обзор наиболее интересной части писем советских писателей к Сергееву, продемонстрировать чрезвычайно широкий спектр литературно-общественной проблематики переписки и указать историкам советской литературы на еще не исследованный ими важнейший архивный источник.

Начало дружеским отношениям М.А.Сергеева с литературной средой положила его издательская работа, в частности в издательстве "Прибой". Первые письма в основном были деловые, но уже в них просвечивает душевность отношения к Сергееву. М.С.Шагинян 9 декабря 1926 г. писала относительно выхода своей книги "Месс Менд или Янки в Петрограде": "Дорогой Михаил Алексеевич, мне сказал товарищ Рензин, в Месс-Менде гораздо больше 12-ти печ. листов. Я не хочу удорожать книгу и не хочу отяжелять бюджет издательства слишком большим гонораром, поэтому согласна получить с "Прибоя" лишь за 12 листов.

Вообще – видя в "Прибое" при теперешнем его составе правления (в лице Вас) и редакции – одно из наиболее приятных писательскому сердцу издательств, – я во всем хотела бы идти Вам навстречу и дать издательству возможность твердо стать на ноги. С сердечным приветом М.Шагинян.

Р.С. Разумеется новые мои книги будут в первую очередь предложены Вам. М.Ш.¹

В 1927 г. в "Прибое" выходит собрание сочинений К.А.Федина в 4 т. Сергеев, в противовес прежнему руководству "Прибоя", любит красиво изданные книги, и тем более он печется о книгах Фе-

дина, с которым к этому времени уже успел подружиться. Переплет должен был быть классически строгим, только с факсимиле подписи автора. 18 апреля 1927 г. Федин пишет Сергееву: "Дорогой Михаил Алексеевич, вот тебе мои подписи. Лучшая помечена карандашом. Представил себе, какова будет книга, ежели на ней ничего кроме "факсимиле" не будет изображено - и взяло меня сомнение: не получится ли претенциозно? Не выйдет ли издание, похожее на ... великокнижеское? Вообще не получилось бы чрезмерной роскоши, я боюсь этого. Может быть, во мне говорит не привыкший к изящному виду книги российский читатель. Во всяком случае, вливаю в тебя каплю своего сомнения, каплю яду. Но вполне полагаюсь на твой вкус и очень благодарен тебе за заботу о моих книжках. Жму крепко руку, твой Кнст.Ф."²

Но вот I-й том готов, и Сергеев отправляет его Федину. 21 апреля 1927 г. Федин пишет: "Не нахожу слов выразить тебе свою благодарность за внимание, которое ты оказываешь мне, дорогой Михаил Алексеевич. В наше время так редки душевность, дружба, любовь и так трогает даже маленькое внимание, а тут столько теплоты и простой, сердечной приязни, что право - я взволнован."

Переплет великолепен, как и вся книга, спасибо. Один экземпляр по праву и по совести принадлежит тебе, и я сделал на нем подпись от всей полноты и радости своих чувств.

Непреренно приходи в воскресенье (на первый день) днем, часа в 3 или 4, и пожалуйста с Людмилой Ивановной, которой низко кланяюсь. Жму крепко руку. Твой К.Федин. Особо благодарю за записку в книге". Приписка жены, Доры Сергеевны Фединой: "И я вас благодарю, дорогой Михаил Алексеевич, за любовь к моему мужу и жду вас в Людмилу Ивановну непременно в воскресенье. Ваша Д.Федина"³.

В конце 1927 г. в связи с финансовыми трудностями и государственной политикой по сокращению издательств происходит ликвидация "Прибоя", ошкисающего за последний год работы расположенные многих писателей. В письме от 25 августа 1927 г. Федин не преминул выразить свои симпатии и к издательству и лично к Сергееву: "Дорогой Михаил Алексеевич, много дней собирался я отве-

тить на твое прекрасное письмо, но ты не можешь себе представить, в каком тягостном беспокойстве живу я последнее время. Главная причина - всяческие личные дела, потом - как всегда писательские и - наконец - куча хлопот об устройстве племянника. О личном говорить не полсилу, да и не следует. Писательская работа идет вяло, я устал, нужен перерыв, а в "листаже" зияющий провал и необходимо спешить. Я с упрямством продолжаю обычную свою рабочую политику: пишу только тогда, когда хочется, но "хотенья" слишком отстает от необходимости, и это еще больше беспокоит. С племяншем моим горе: он выдержал конк/урсы/не/ экзамены в 3 (три) вуза и нигде (НИКУДА!) не принят. Я неделю бегал по городу, высуня язык, и добился только того, что его (племянника, а не город, я не язык) зачислили кандидатом в Технологический/ Институт. Теперь забота, чтобы он был включен в студенты. И меня и бедного малого эти испытания совсем замучили. Я ни о чем не мог ни говорить, ни думать, кроме как о "положении народного образования в СССР", выражаясь образованно. И теперь ничего не хочу знать, только способ превращения кандидатов в студенты. Не знаешь ли ты, как это делается в Технологическом/ Инст/итуте/?? Умоляю, пособи!

На тебя, как на заведующего "Прибоем", надежд не осталось. И если это так, то мне остается только вздохнуть: да-о! было в Питере одно издательство, и нет его! Что делать? Хорошее всегда скоро проходит. Если бы по крайней мере - развязавшись о "Прибоем/", ты ухитрился выкроить для себя вождельный год отгула, я - по совести - был бы рад, что ты ушел из издательства. Но каково будет мое горе, ежели осенью я увижу тебя ... в кресле какого-нибудь треста!?! Право я запью с отчаянья!

Слухов в городе много. Важнейшие: 1) "Прибой" сливается с Изд/ом, образуя автономное издательство, связанное с Моск/овским/ Изд/ом "конвенционно" (да да, именно так и говорят!); 2) "Приб/ой/" будет печатать только соц/иально-/эк/ономическую/ литературу; Гиз - только учебники и классиков; Зиф - всю художественную/ литер/атуру/ - русскую и переводную. Но это - слухи. Факты, однако, старье: по-прежнему все изд/атель/ства печатают что попадаетеся под руку и по-прежнему никто не платит авторам. А прогорев : мне "Приб/ой/" покрыл задолженность за июнь,

идь, август воксалыни на декабрь месяц, т.е. чотырах и даже шести-месячныи. Будущее темно, как горбуновская "История мидяи".

Том III ("Трансв/аль/") вышел так же опятно как предыдущие. Остался IV-й, рукопись которого я представляю, вероятно, не ранее декабря. Удержится ли до того времени "Прибой" в старом виде?

Прибыл граф Слонимский⁴ из города Парижа, и с недоумением осматривается. Бури, пронесшиеся над его вотчиной, потрясли его до корней благородных волос. Мы думали поехать к тебе, чтобы поговорить о перспективах. Но ты ведь знаешь, как и сколько месяцев и к тебе собираюсь! Вместо Оксочи и опять в Крупелях, и сейчас решаю проблему о долгом путешествии, соединенным с "плодотворным грузом". Мыслимо ли это? Очень хотелось бы отдохнуть. Я унываю как героини возвышенного романа, как утренняя звезда, как восковая свечка перед ликом угодника. Мне нужны героические переживания, нужна Одиссея любви и пыток, международный масштаб страстей - не менее! Отсюда - бредовый план: лечь в нарзанную ванну и - не вылезая окончить роман!⁵ Поверь мне, я сделаю нечто подобное в ближайшие дни.

Смотри, сколь велико мое смутение. Посчитай восклицательные знаки. Но уверю тебя, за всей этой галиматией хоронится беспредельная усталость и самая искренняя грусть.

В твоём письме много волнующего. Твоя философия о людях 40-х - 50-х годов, к сожалению, очень верна. В оценке сегодняшней литературы я схожусь с тобой вполне. Тем грустнее думать об этом, тем безрадостнее работать. Чувство пустоты, окружающей немногие живые ростки, угнетает, и вот на 36-ом году жизни, с едва початым запасом сил, вдруг замечаешь, что все чаще оглядываешься назад и все реже смотришь вперед. Нехорошо...

Рад буду получить от тебя известие о хуторских твоих делах и планах на зиму. Если соберусь куда-нибудь поехать - сообщу тебе. Будь здоров. Крепко обнимаю тебя. Твой Конст. Федин. Людмила Ивановне сердечный привет"⁶.

Столь же искренние и теплые отношения после ликвидации "Прибой" сохранились у Сергеева и с М.С.Шагинян. Для нее Сергеев не только издатель, а внимательный и чуткий собеседник, с ко-

торим интересно делиться мыслями, планами. Об этом свидетельствует письмо Шагинян от 12 августа 1928 года: "Дорогой Михаил Алексеевич, спасибо за несточку! В сущности было бы дико, если бы мы с вами так "раззнакомились", утерпев профессиональный повод к осуждению. Я сохраняю о Вас теплое и отрадное воспоминание, — а в моем возрасте начинаешь чувствовать то особое "притяжение прошлого", которое возникает под уклон жизни, — то, что позади было, становится вдруг впереди, словно круг описал. Вы были редчайшим "издателем", — такого, пожалуй, никогда не было и не будет. Диалектика нашей своеобразной экономики все-же требует известного противоположения интересов между тем кто дает работу, и тем, кто ее выполняет, а Вы не выработали в себе этого "работодательского" оттенка — и, конечно, Прибой долго жить не мог. И Вам с самого начала предсказала, что с писателями нельзя быть джентельменом (увн).

Впрочем, м.б. я ошибаюсь!

Вот уже почти I¹/2 года не была на севере. Стала полной провинциалкой. Жила зимой даже не в Эригани, а на месте строительства армянской гидроцентрали, Дзорагэс. Это в 6-7-и верстах от глухой станции, гористое место, запорошенное снегом 8 месяцев в году. Жили мы в рабочих бараках, вечером ходили с ручными фонарями и наганом, потому что не безопасно было пробраться от барака к бараку? Стаи голодных волков так к ночи нагнали, что садились на хвосты под окнами и скулили по собачьих. И никогда не жила более полной и человеческой жизнью. Работала в клубе, учила милиционеров русской грамоте, участвовала в разных ударных кампаниях, — и кончила тем, что в апреле привела на наш Дзорагэс Р.К.И. — было это очень тяжело для меня, но участок почистили, и сейчас там атмосфера здоровее и лучше. И хочу к осени опять туда, рабочие зовут. Кроме этой "романтики", почти ничем не жила, как-то отпала от литературы, и мне честно кажется, что нам надо сейчас н е п и с а т ь, а реализовать себя в действии, в жесте, в поступке. Для слова — у жизни еще нет контуров, нет отчетливости. Те, кто сейчас пишет, обречены на "слабый нажим", — они побледнеют и полиняют через 3-5 лет (если не раньше!), не потому, что у них краски плохи и рука слаба, а потому что у вещей еще не потемнели контуры и становящегося нельзя передать в форме, а

великих эмоций ни у кого из наших писателей нет. Посмотрите, Ваша любимая "Наталья Тарпова"⁷, которую я прочитала, не отрываясь, - ведь она уже бледнеет, у нее нажим слабый, потому что ее выпинающая реальность, ее мнимая стабильность - это от старых писателей, от Достоевского, - чужой синтаксис, частое употребление превосходной степени или прибавки на и - под классиков, а фактически вещь течет и линяет.

Горький прав в том, что молодое растет, но оно сугубо не прав, думая, что оно растет в литературе. Большой безвкусицы, чем эти Молчановы (которых он защищает) представить себе нельзя⁸. Новое растет в гениальнейшей активнойности молодого русского (и окраинного) поколения, в той творческой активности, которая, по гречески, ушла сейчас в "политайю", в республику, - в общественное дело (гея-республика), - и отблеск этой гениальности (во всех областях - строительство, спорт, учеба, прикладные искусства, техника, наука, агрономия, изобретательство, туризм, etc., etc.) фиксируют разве одни только наши газеты. Газета - вот где сейчас есть живая русская литература и где есть достойная современности форма. Я ежедневно читаю 3-4 наших газеты с огромным интересом и почти эстетически удовлетворением. А журналы... - стала пошвередлива. Не могу. Тошнит. Дорогой Михаил Алексеевич, вот вам и ответ на Ваше письмо, - пожалуй чересчур горячий. Но в провинции горячности - хоть отбавляй. Я доживаю последние 2 дня в Железноводске, а послезавтра переберусь в ту же Кисловодскую санаторию, где была прошлое лето. Пишу это письмо в парке (под музыку) - простите за карандаш и небрежность. Осенью буду в Питере, надеюсь повидать Вас и взять оттиски (за которые - спасибо!)⁹ Передайте горячий привет от меня и сестры моей и всей нашей семьи д-ру Гольдбергу. Ваша М.Шагинян. P.S. До 20 сентября - Кисловодск, санатория № 18, имени Карла Маркса. Позднее Эривань Запата"¹⁰.

Сергеев расстается с "Прибоем", но не расстается с издательской работой. Он переходит работать в "Красную газету". Федин упорно вовлекает его в работу Издательства писателей в Ленинграде, одним из учредителей которого, как уже упоминалось, Сергеев был. Вот, например, как напористо делает это Федин в письме от 4 мая 1929 г.: "Милый Миша. Прости, что это мое письмо будет посвящено исключительно "деловым" обстоятельствам, но у меня почти исчезла личная жизнь в связи со всяческими делами и вот теперь,

когда выяснилось, что я должен уехать раньше вторника, я особенно спешу переделать все, что можно и — как за последние полгода — главное отодвигается у меня второстепенным, т.е. тем, что является "главным" не для меня лично.

Первое — уши! — о К.Ф. Малахове. Я считаю, что вопрос о его уходе окончательно решен и правление не должно к нему (вопросу) более возвращаться. Финал этого дела — частное ко мне письмо К.Ф., в котором он пишет, что его "не верно поняли". Мы ответили на это его письмо ч а с т н ы м же образом, за подписями, правца, всех членов Правления, по-товарищески указав, что ничего "перерешать" не будем.

Алянский с 27-го принимает дела. Это проходит в обстановке тяжелой, т.к. К.Ф. нервничает страшно и старается с л е г к а п р и п у г н у т ь Алянского в том смысле, что дело, мол, очень тошкое, и надо-де все это понимать, и тут мол не всякий может справиться!

На Алянского я полагаюсь, первое впечатление у меня в его пользу, думаю, что правление не ошиблось, пригласив именно его.

Но обстановка работы сейчас очень трудна. Прошу тебя, как лицо (!!) наиболее осведомленное и многоопытное, в течение мая пристальнее приглядеться к делу и т о л к н у т ь его, чтобы оно катилось летом само собою. Реально, по-моему, следует предпринять следующее:

- 1) Предложить К.Ф. Малахову непременно сдать дела к И.У.
- 2) Созвать к И.У. (воскресенье) заседание Правления и выслушать первые сведения о деловых впечатлениях Алянского и его планы на будущее.
- 3) Командировать к/акого/-я/и/буду/ члена правления совместно с Алянским в Москву д/ля/ переговоров с ИЖОм об авансе (надо бы поехать т е б е, согласишься, дорогой, это важно!); Малахова послать вряд ли следует, несмотря на его готовность; он начинает, вероятно, против своей воли, а лишь вследствие болезненности "вредить" изд/атель/ству.
- 4) В мае разработать точный план финансовый и производственный на летние 4 месяца (по сентябрь/ включ/ительно/), с ориентацией на все платежи, которые необходимо обеспечить во что бы то ни стало.

5) Вынести постановление об ограничении эмиссии в последнем квартале этого года (твердая сумма на окт/нобрь/-дек/абрь/) и о претрачении всяких выдач векселей на июнь-сентябрь.

6) Вынести постановления о пересмотре (в Правлении!) в с в х договоров с авторами в смысле пролонгирования платежей и выполнения старых обязательств по новому плану, в новые сроки. (Сейчас-де, товарищи, платить все равно не можем, хотим получать деньги в срок - назначайте, т.е. соглашайтесь на новые сроки, старые из могут не нарушаться, ибо не выполнимы!)

7) Немедленно начать переговоры в Ленполиграфом о снижении %, получаемого им с выплат ИЗ'а нашему изд/ательств/ну по "безотзывному" письму, до 50 или 55-60% вместо 75%. Если этого нельзя достичь немедленно, - заручиться согласием на перемену в этом смысле условий в и ю н е - а в г у с т е, когда у нас огромные платежи по векселям, т.е. хотя бы временно. Тут твоя помощь может быть совершенно реальной (ты ведь заказчик, Зиц!)

Это более или менее - все, вся "программа" действий, к/о/-т/о/рую ты можешь доложить на заседании ИЗ.У.

Лично тебя прошу:

1) 7-го, по приезде, позвонить срочно Алянскому, назначить ему свидание, принять, познакомиться и дать всяческие "директивы", передать ему прилагаемые бумаги (одну из них тебе нужно подписать) и сказать, чтобы он телеграфировал о т и м е н и П р а в л е н и я Черныку о скорейшем устройстве о ч е р е д н ы х д е н е ж н ы х дел в Москве (майские платежи ИЗ'а).

2) Подписать циркуляр о смене заведующего (я просил Алянского составить) и проследить, - чтобы он с р о ч н о и повсюду был разослан.

3) Не сердиться на меня за то, что нагружаю тебя работой. Но ведь только ты м о ж е ш ь п р а к т и ч е с к и п о м о ч ь и з д а т е л ь о т в у в такой - во всех отношениях - переходный момент.

И еще: об Ахматовой заявление непременно нужно подать - не так ли?¹¹

(Я сочинял и умилился - воли бы я сам был цензором - непременно разрешил бы). Подпиши заявление.

Ну, всё, всё!

Я стараюсь освободить бедную свою голову от непосильной тяготы и ставлю точку. Довольно, послужил, можно сказать, коллективу ... довольно трудной ценой! ничего за полгода не сделал. Счастлив, что уезжаю. Обнимаю тебя крепко! Будь здоров! Если захочешь (или нужно будет) написать мне - справься у жены об адресе. Вернусь в середине мая. Твой Константин Ф.

P.S. Будь добр, скажи в Academia, чтобы моей жене выдали для меня по списку полагающиеся мне книги.

Еще P.S. Бумаги передай Алянскому при первой встрече (об Ажж/автографовой/ и постановл/ение/ и проч.) Целую!"¹²

Наряду с подобными сугубо деловыми письмами Федина встречаем и такие, которые свидетельствуют о теплоте его отношения к Сергееву, откровенности в рассказе о своих творческих планах и взглядах на текущую литературу. 21 июня 1929 г. Федин писал: "Дорогой мой, твое письмо в л и ч н о й части опечалило меня чрезвычайно: главное - настроение, которое ничуть у тебя не улучшается. Я встретил здесь М. Магилу, мы говорили с ней о тебе, она, между прочим, восклицает: "Что вы сделали с Сергеевым? С тех пор, как он подружился с писателями, его узнать нельзя! Он совершенно разложился!" Я посмелся вволю над святой этой наивностью. Дело тут не в "писателях", конечно. Однако состояние твое меня беспокоит и - как писатель, обладающий - по вещему олову Мариэтты - чудодейственной силой "разлагать" - я возмел желание испробовать свое влияние на тебя в обратном направлении: решил подбодрить тебя, собрать все разложенные элементы воедино и восстановить прежнего, былого "крепыша" - Сергеева, восстановить, т/ак/ ск/азать/, "идеологический монолит". Но тут, вскоре, приехал Алянский и рассказал мне, между прочим, что тебя избрали в комиссию по чистке парт/ийного/ аппарата. И здесь я понял, насколько посмелась судьба надо всеми нами, ежели сам "монолит" апробирует тебя как человека последовательной, испытанной выдержки и поручает тебе столь ответственное дело, как контроль и испытание нервной системы партийных товарищей. Есть еще порох в пороховницах! Итак, ты "чистишь". Чисть, дорогой мой, дело это хорошее, чистота залог здоровья. Уверю тебя (ей богу, я не шучу!), что плохое состояние т в о е г о з д о р о в ь я ничем нельзя объяснить, кроме как твоей усталостью, переутомленностью исключительной - ведь нельзя же так мотаться, как ты - и в "Красной"

и в "Academia", и у нас в изд/атель/стве, и еще черт знает где! Лето все исцелит, вот увидишь, прибавит самообладания, бодрости, чего хочешь! Что же до "монотности идеологической", то тут мы хотя и не устойчивы (скепсис знаешь ли), но все-таки - на поверку - тянет нас к жизни, к тому что преобладает в ней, к пере в нее и в её разук. Так чувствую это я... Поэздка по Украине¹³ - как она ни была, временами, смешна и глупа - принесла однако, очень много. Какие-то отдельные черты действительно новой жизни, разбросанные тут и там, умножились и углубились. Ища нет пока никакого "нового человека", но среда для его появления создается, действительно создается! Если мы доживем до положенного человеку возраста (а хорошо бы, черт возьми!), лет до шестидесяти, то - умирая - увидим мы и "нового человека", быть может еще безусого. Мне кажется, Миша, что писать сейчас надо не о "нов/ом/ человеке" (это - или бред или простое желание - отец мысли), а о массовых процессах перелома, перевала, перехода - куда? - ну, это вопрос сложный; я думаю, что необходимо ввести в литературу (т.е. в "изящную" лит/ерату/ру слово "социализм", что пора его ввести с той же безоглядностью, с какой Бальзак ввел в свой роман все сырье "капиталистического" обихода - деньги, банки, биржу, золотую мощну. Вот этот п е р е в а л (к социализму, скажем) процесс массовый и многообещающий и надо описывать. Не пойми меня ложно. Я хочу сказать следующее: ч е л о в е к сейчас живет и действует старий, допустим - "переходный", со всеми болями и страстями, со всею грустью нашего времени, а в это время, в т о ж е в р е м я, атмосфера насыщается п е р е н а с ы щ а е т с я какими-то предвестиями нового. Так что, если говорить о романе, то в романе никакого "нового человека" вовсе не нужно, вовсе и быть не может. может быть только "переходный" человек - ты, я, другой, третий, тот же "переходный" рабочий етс... - Но зато романа не выйдет, если в него не ввести этой самой "атмосферы предвестий" - пусть это будет "сырье" нашего социализма. Верно ли? Конкретно: в романе должны действовать п р о ц е с с ы; им противоположен или с ними сопоставлен н а ш человек, в совокупности с его "переходным" мироощущением. Может быть это только моя тема, не знаю, но я теперь надунал некоторую тропинку в недоступных до сего времени ни для кого из писателей (!!) дебрях о о в -

Р е м е н н о с т и. И задумал и построил план нового романа, ей-богу – чудесного! – сложного, философского, "проблемного", как пишут рецензенты и ... грустного до слез! Нет, он будет не только грустен. Он будет, черт знает, как бодр, м о л о д и крепок. Ну, а грусть... да, милый мой, с грусти я начну, без грусти нельзя писать романов, человек должен что-нибудь потерять, чтобы уметь плакать о потерянном и – главное – чтобы понять, ч е м м о ж е т о н о б л а д а т ь ! Ах, как чудесно работать над такими вот шгуками. У меня сейчас в душе сухая окришка из Голландии, Норвегии, Германии, Днепронетровска, еще каких-то образов и воспоминаний, вплоть до Смоленской губернии, до твоего хуторка. И н а в е р н о н а ч н у с к о р о п и с а т ь э т о т р о м а н . Все другие планы отошли назад, хотя подмывает писать и статью, и повести. "Старика" до сего дня не кончил, скандал!!

Спасибо тебе за письмо – и за исчерпывающую деловую часть и за личное, о котором, повторяю – печалюсь. Желаю тебе всего хорошего. Из хуторка напиши, я сообщу тебе адрес (этот адрес – до 5 УП только).

Обнимаю тебя, целую крепко и очень люблю, очень чувствую тебя, дорогой дружище. А роман начну, ей-ей, начну! И это будет хорошо, по-настоящему хорошо, и это будет третьей частью трилогии (1 – "Города и годы", 2 – "Братья", 3 – новый). Впрочем, об этом я с тобой успею поговорить, это важно.

С издательством "слава богу": Алянский подробно рассказал. Надеюсь, что в комитете по д/елам/ п/ечати/ дело успешно разрешится. Спасибо тебе за труды, и очень я рад, что ты считаешь дело изд/атель/ства с в о и м делом. Оно несомненно в будущем оправдает себя. В этом году надо будет побольше для него сделать.

Еще раз целую.

Алянск/ий/ вернется 12–14 июля, я – в конце августа. А сейчас пока пью воду, лечусь грязью (серпце берегу) чувствую себя хорошо. 5–7 июля еду в Кислов/одск/, потом на море.

От жены поклон. Твой Конст. Ф.¹⁴

Письма "на хуторок" в Оксочи Маловишерского уезда идут не только от Федина. Не забывает друга и М.Л.Слонимский. В них свои заботы и свои дела. Вот, например, его письмо от 6 августа 1929 г.:

"Милый Миша, завидую тебе из совершенно пустого Питера. Из всего правления издательства"¹⁵ - только я да Выгодский. Дела там хороши. И захожу! Работаю по десять часов в сутки и с ужасом слежу за календарем. Роман делается медленно и трудно, а время летит черт знает как! И вообще что получится из романа - прямо не представляю. К середине августа надо сдать уже четыре листа - а где они? Решил быть наглым. Не будет - так не будет.

Вряд ли удастся выбраться к тебе. Боясь потерять даже те часы, которые уйдут на дорогу. А как хочется забраться в деревню - это ты сам можешь себе представить. Замотан сильно, и все - в отъезде: Козаков, уезжая, еще, собака, издевался. Ему легко - он уже кончил. А у меня - начало! Катастрофа! Целую тебя, Твой М.Слонимский"¹⁶.

С конца 1929 г. круго меняется жизнь Михаила Алексеевича. Он назначается членом Акционерного камчатского общества (АКО) и уезжает на Дальний Восток. Правительством возлагалось на АКО все-стороннее хозяйственное развитие Охотско-Камчатского края. Общество занималось вопросами промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта и заселением края. Сергеев руководил научно-исследовательским отделом. Перед ним встали новые задачи и проблемы. Новые люди окружают его. Но не прерывается старая дружба. Из Ленинграда идут теплые письма Федина. 1 мая 1930 г. он пишет: "Дорогой Миша, переписываться о Владивостоке, как оказывается, дело нелегкое. Кажется, с месяц назад я послал тебе довольно странное письмо и вот до сих пор нет ответа. Правда, ты можешь быть очень занят, но ведь несколько минут, чтобы черкнуть два слова, всегда легко выбрать. С тех пор, как я отослал письмо, пришла еще одна открытка с пути - третья по счету, потом все замолкло ... я знаю, что ты неплохо устроился (в смысле жилищном), и, как будто, пока остаешься во Влад/ивостоке/, вопрос же о переселении на Камчатку еще не решен. Напиши, что и как предпринимаешь ты в дальнейшем.

Здесь все более или менее без перемен. О смерти Маяковского, очень всех поразившей и никак по-настоящему не понятной, ты знаешь. Я был в дни похорон в Москве, видел, как все были обиты с толку и потрясены. Сами похороны носили характер почти народный. Как всегда, после смерти начали находить в покойнике черты, о ко-

горых раньше и не подозревали. Теперь понемногу всё забывается, хотя сплетничать еще не перестали.

В издательстве работа идет ни шатко ни валко - много хлопот, "неувязок", ГИЗ, впрочем, согласился заключить новый договор, теперь мы "торгуемся". Большие перебои с типографиями, особенно из-за переплетов; иллюстрированная серия начнет выходить с конца мая; готов Лесков с иллюстр/ациями/ Кустодиева - книга получилась европейской. Новинки, выпущенные после твоего отъезда, мы тебе вышлем. Телеграфируй, когда это сделать и по какому адресу слать". Прополжение письма послеполовало 19 мая: "Видишь, какие приключения со мной истории; я и не думал, конечно, что одно письмо может занять несколько недель, оставаясь в то же время короче воробьиного носа. Но ты знаешь, что такое Питер! Здесь выдаются такие деньки, что чудо еще - как мы не забываем своего имени-звания, как вообще держимся на ногах от нелепых и ненужных дерганий вправо и влево, взад и вперед. Замечательно, что самое нужное и приятное я всегда при этом откладываю "на потом", занимаясь старательно: ликвидацией и устранением всяких пустяков, мошающих "главному". Так у меня с настоящей работой, так же точно и с письмами. Пока начатое тебе письмо лежало, я успел накосячить с полсотни всяческих открыточек и писуличек, в надежде разгрузиться", а затем уже засесть как следует за нужное и приятное письмо, но "засесть", по-видимому, не удастся, и ты меня должен простить за торопливость и неряшливость моего стиля, потому что - чувствую - я буду скакать с пятого на десятое.

Прежде всего - спасибо за большое, интересное и душевное письмо из Владивостока! Как ни "эгоистичен" я - по твоим соображениям - все же рассказ о том, каково твое самочувствие - личное, интимное - как пережил ты и как переживаешь страшную эту перебранку из конца света в конец, - мне был крайне важен и показался не менее увлекательным, чем превосходное описание "края земли", целая повесть об умопомрачительных чудесах нашего Клондайка. Во многом ты очень прав и многое я отлично понимаю - из всего, что тебя несколько расстроило, да и должно было расстроить. Никогда уже больше в наши годы, в наш возраст, невозможны переживания, подобные переживаниям молодости, и сознание этого постоянно (ду-

маю - чем дальше, тем больше) будет огорчать нас, будет затенять и "холодить" действительность, как бы красочна, "экзотична", пышна она ни была. Но в то же время я убежден, что сила этой действительности так велика, что она целебна для всякого сознания, и - незаметно для себя - ты убедишься в огромном и гармоничном переустройстве своей внутренней жизни, в "омоложении" её, происшедшем под влиянием внешних перемен. Что же до "окраски" нашего сознания (хотя бы - до "чувства старости"), то я, например, научусь дорожить всею горячкою своего жизненного опыта, пожалуй - больше, чем когда-то дорожил своей молодостью. Поэтому - *es lebe das Leben!** - во всех ее проявлениях... Описания твои действительно примечательны и любопытны, так что я сразу загорелся желанием поехать во Вл/адивосток/. Это - лучший способ "заманить" меня куда-нибудь, и ты осуществишь это с большим умением. Но ... я, наконец, тоже вложился большими планами, и, видимо, не сразу соберусь на д/альний/ Восток. Дело в том, что я почти вплотную приступил к роману. Мне остается съездить в Карелию, посмотреть лес, что и сделаю на днях, а потом, на лаче, я зясычу за работу, к которой уже много подготовил. Могу сообщить название романа (я на нем, кажется, остановлюсь). - "Похищение Европы". О теме его я тебе кое-что говорил. Она представляется мне теперь значительно яснее, многое сделано и для сюжета (лес - лесозэкспорт! помнишь?)¹⁷, кое-что совсем уже встало на ноги. Ну, вот. Для "бытовой" жизни я, таким образом, вскоре перестану существовать, запрусь, буду писать. Так как подготовительный период был довольно велик, рассчитываю, что писание пойдет достаточно быстро и - возможно - уже в конце года я начну печатать. С "Звездой" есть уже договор, так же как и с нашим издательством.

ИЗ подарил мне пасхальное яичко - тогда, когда я не ждал его: купил у меня 3-е издание собрания. Подума!, это в наши дни! Прямо с неба свалилось... Тем не менее я (потихонечку) подписал /договор/ на "Похищение" с Алянским. Хочется один раз выпустить книгу как-нибудь особенно, - чтобы не было вечного разочарования во внешности, в своевременном выпуске и пр. {...}"¹⁸.

---

* Да здравствует жизнь! - нем. Примеч. авт. публ.

По примеру Сергеева идея путешествия на Дальний Восток увлекла и общего друга Челина и Сергеева писателя И.С.Соколова-Микитова, который с 1930 г. начал совершать регулярные путешествия по стране, давшие ему материал для книги "Рассказы о Родине". 22 марта 1931 г. он сообщил Сергееву: "Дорогой Михаил Алексеевич! Шлю Вам привет и кланяюсь. Все время думаю о поездке на Дальний Восток и жду от Вас вести. Каковы Ваши впечатления от Владивостока?"

Очень Вас прошу похлопотать (поговорить с Пунтулом) о другом моем Мих/анле/ Ив/ановиче/ Погодине о п ы т н о м к р а е - в е п е <...> и работнике, который очень хочет ехать в те края вместе со мною. Я готов решиться на далекое путешествие и всякий новый <...> меня утверждает в этом решении.

Довелось ли Вам встретить в Хабаровске Пунтула? Телеграфируйте, пожалуйста. Кланяюсь и жду. И.Соколов-Микитов"¹⁹.

Поехать на Дальний Восток ему не пришлось, но в 1932 г. он едет на Каспий, заручившись рекомендательным письмом Сергеева. Оттуда он в письме от 19 февраля 1932 г. делится впечатлениями: "Дорогой Михаил Алексеевич! В краю зимующей птицы оказывается очень холодно - мы мерзнем, тонем в грязи, дрогнем от мороза, который здесь всё. Для охотника Ленкорань - замечательный край. Я видел т у ч и зимующей птицы (которую, кстати, истребляют м я л л и о н а м и, для консервного завода). Видел розовые острова в заливе Кизил Агач - острова эти - сборища множества розовых гусей, фламинго - птицы Индии и Африки. Здесь живет дикообраз, водится леопард. По улицам Ленкорани гуляют вальшнепы. И с изумлением смотрю на злешний край, злешних людей: какое богатство, изобилие... и какая лютая бедность, убожество! Видел тысячи пудов свежей рыбы - и какой? Здесь делают лучшую икру и ловят белугу по 60 пудов весу. Здесь - вино, рис, хлопок, леса, зверя, и люди ходят полуголые. И здесь вот я (тоже, в сущности, полуголый). Чувствую себя хорошо на птичьих правах, толстею и краснею (и буквально и переносно). Чувствую, что бродяга во мне сильнее отца семейства. Крепко жму руку, И.Соколов-Микитов. Хлынновского видел. Письмо Ваше очень пригодилось. Думаю пробыть на Каспии всю весеннюю путину, буду плавать"²⁰.

1930-е гг. в стране – это время бурного развития Севера и острого к нему внимания. В этот период Сергеев еще дважды совершает поездки в глубинные районы Сибири и Дальнего Востока. В 1932–1933 гг. он обследовал Нарымский край, проводя одновременно по заданию правительства подготовительную работу по организации национальных округов и районов. Большое путешествие по Сибири и Дальнему Востоку совершил он в 1936–1937 гг. Возвращаясь в Ленинград, он готовит для печати свои книги по Северу, участвует в создании больших библиографических трудов, сотрудничает в экспертной комиссии и научно-библиографическом отделе Библиотеки Академии наук СССР; он член Комитета Севера при Президиуме ВЦИК и ЦК ВКП(б), с 1934 г. – член Союза писателей СССР. У него по-прежнему большой круг друзей-писателей и среди них Алексей Николаевич Толстой, с которым они часто встречались до отъезда последнего в Москву, 8 апреля 1934 г. А.Н.Толстой писал: "Дорогой Миша, спасибо тебе за внимание. Я только что вернулся из Москвы, есть о чем порассказать. Устал и с наслаждением думаю о работе.

Если ты ничего не имеешь против, на днях – буду в Ленинграде, – позвоню и мы встретимся.

Целую ручки милой и прелестной Людмиле Ивановне. Твой А.Толстой. При сем прилагаю заявление в Книжную палату"²¹.

Переезжает в Москву и К.А.Федин. Теперь друзья видятся редко. Но не только этого рола утраты переживает Сергеев. 1930-е гг. несли не только радость труда, но и горечь потерь: исчезают родственники и друзья. Тяжелым ударом для Сергеева явился процесс над правотроцкистским блоком в 1938 г. Среди осужденных был близкий ему человек, партийный и государственный деятель, дипломат Н.Н.Крестинский. Нелегкие времена переживают многие писатели, даже те, кто не подвергался репрессиям. Тяжелая атмосфера складывается в литературно-издательских кругах, Об этом письмо Федина от 28 апреля 1940 г.: "Милый, милый Миша! То, что я тебе добрых полгода не писал, не может быть объяснено житейскими, бытовыми причинами – обычной занятостью, или сумбурием неопределенных обязанностей, называемых общественными. Не может быть объяснено даже присущей моему характеру ленью и положительно виртуозной способностью бездельничать. Нет. Причина молчания меня уже всерьез начала беспокоить, потому что я должен был над ней поразмыслить, ибо не понимал ее, или – точнее – не хотел её понять и признать. Приме-

рно в конце истекшего года я впервые пошел к врачу по нервным болезням с жалобой на то, что почти совершенно потерял способность сосредоточиваться. Чорт знает, сказал я, как называется такое состояние. Врач ответил, что он мол знает, как это называется. И, конечно, как я ожидал: назвал это неврастенией, Какие-то капли, похожие на вульгарную валерианку, я просто выкинул в мусорный ящик, но болезнь-то от этого не прошла. Она, между прочим/, выражается в том, что мне хочется работать сразу в нескольких направлениях: начаты большой роман, рассказ, вторая часть "Трансваала", еще рассказ, думается о пьесе, и все это перебивается воспоминаниями о Горьком, и всё вместе - статейками для газет и бог знает каким хламом! Поэтому все стоит! И словно детство, кажутся далеким время, когда я, начав работу, не отрывался от нее до конца. Много и других нелепостей угнетает меня сейчас, одна из самых неприятных - письмовоязнь, т.е. какая-то неспособность написать письмо. Я принимался тебе писать много раз, и все "начала" писем порвал. В тот момент, когда я берусь за письмо, меня охватывает - страх, что я не могу сосредоточиться, и действительно я теряю способность собрать мысли и последовательно что-нибудь изложить. Так что ты меня прости, если можешь. Вот и это письмо я уже три раза бросал и не знаю - окончу ли...

6 мая 1940. Продолжая после перерыва в неделю, которую провел в 115 км. от Москвы, на охоте. Пять ночей пережил в поле и в лесу, сидя в шалаше, бродя по болотам. Это - настоящая афера с точки зрения "охраны здоровья", но я, во-первых, осторожен, во-вторых, "рискнул", ибо устал воздерживаться и оберегаться, лишая себя такой питательной среды, какую дает художнику охота с ее поездками, встречами, природой и полным отрывом от изнуряющего однообразия городских впечатлений. Доволен очень. Охоте мешает погода - заморозки, ветер, но выдавались чудные часы на тяге, да и на токах. Привез тетерева и вальдшнепа - первого вальдшнепа в малодеятельной моей охотничьей жизни. Стрелял мало, как всегда, п.ч. предпочитаю бить наверняка.

Но вернулся в город и в первый же день опять поднялась на душе такая тревога, такая тоска! Всякая, даже маленькая, обязанность, какое-нибудь ничтожное поручение - где-нибудь выступить, что-нибудь/удь/ написать, куда-нибудь/удь/ позвонить - приводит меня в непередаваемое раздражение, я бешусь, дергаюсь, мучаюсь

— не знаю чем, почему, отчего! Правда, все эти мелочи нарастают на меня, как ракушки на днище корабля. Их так много! Но раньше я справлялся с ними без особого труда, без усилий, либо просто обходил их, не замечая. Шинце они меня подавляют, уничтожают во мне все человеческое. Не могу тебе передать мой ужас перед ними. Они ломают меня и я сам себе становлюсь противен. И стал делать такое, чего не допустил бы никогда прежде. Вот пример: я написал в прошлом году сценарий о Кирове, — получилось плохо, бескрасочно, скучно, и я рад был, что вследствие наглого поведения режиссера, получил повод отказаться от продолжения работы. И закинул ее (все сто пудов черновиков и материалов) подальше с глаз долой. Но меня уговорили вытащить её и напечатать! С безразличием, с ленью, с апатией я напечатал куда-то негодный труд, и продолжая печатать сейчас всякие отрывки из него, выжимки и "филейчики" (выражение Чагина). Можно ли представить себе, что я сделал бы что-нибудь/удь/ подобное три и четыре года назад? Причиной этого "упадка Рима" служит не только материальная нужда, но и какое-то общее состояние и е в е р я в серьезность литературного пела. Не все ли равно — похуже, получше, потоньше, поглубже? — никому это не нужно, да и весь твой труд вовсе не имеет той значительности, какую ты ему придаешь. Это, конечно, главное, и отсель все качества. Если бы ты знал, сколько сейчас терпится литератором оскорблений от редакции, издательств и пр., а тем более столь избалованным писателем, каков я, к тому же, как человек, встречающийся с множеством фактов профессионального нашего быта, я знаю не только о своей судьбе писателя вообще. Утешение, что все дело в бумажном кризисе, что как только он пройдет, всё сразу поправится, что нас любят, ценят и обожают, что нигде в мире и т.д. — это утешенье — для детей преимущественно младшего возраста.

Вот обычный фон настроений последнего времени и поэтому писать было мучительно трудно (я говорю о работе), и ничего не выходило. Роман, начатый в 1937 г., не двигался. А надо было его кончать. И в конце января, в морозы, я уехал из Москвы. И прожил весь февраль, до начала марта в Ясной поляне, в усадьбе Толстого, и работал там непрерывно. Очень хотел оттуда тебе написать, и пробовал, но не вышло (как, собственно, не выходит и сейчас, да только смирился и решил послать даже "невышедшее" письмо). О жи-

зны там расскажу при встрече подробно. Я бывал в Я/снои/ Ц/оля-не/ и раньше (осенью 1938), но в этот раз очень прижился там и многое заново понял, почувствовал в Толстом, читая его и о нем.

Выехал я оттуда с оконченным романом – крошечным, но довол-но удавшимся, как мне кажется. И ведь писал тебе? Это "Санаторий Арктур", о Дзвесе начала 30-х годов. Он сейчас должен выйти в № 4-5 "Нового мира", а затем – появится в книге моей "Маленькие романы", состоящей из 3-х вещей: "Сан/аторий/ Арк/тур/", "А был акт/ером/" и "Старик". Не знаю, выйдет ли нов/ый/ роман так же и отдельно, – возможно.

Хотел я читать в клубе, но раздумал. Все из-за того же чув-ства неуверенности в том, что это нужно и проч. Читал дома, в узком кругу, один раз – Анне Андреевне Ахматовой и А.И.Тихонову, другой – разным новым знакомым, относящимся ко мне с симпатией, в т.ч. Пастернаку, С.А.Толстой. Писатели же, как правило, ника-кой литературой не интересуются.

Я всегда мог писать только о том, что меня увлекает, что я считаю важным. Теперь, на старости, разборчивость, требователь-ность к себе возросли до болезни, а ведь это мешает "продуктив-ности". Необычайно много планов, и необычайно пассивное отноше-ние к ним. Лит/ерату/ра, как никогда, стала мукой, одержимость ею – страданием. Биография же приближается к традиционной био-графии русского писателя, т.е. к жизни обреченной.

Может быть, я тебе все это зря пишу, но так получается по-сле полугода молчания.

Твои письма в с е пришли. Благодарю за статью о Комарове, которую я читал еще до получения отклика. Для Веры Ивановны²² я старался сделать, что мог. И теперь остается сказать по повод-у последних твоих писем – открытки от 18.IV и письма от 28.IV. Стихи Анны Андреевны, конечно, постараюсь достать. Но с книгами туго. Я получаю по бюллетеню КОИИЗ'а только I экз. и на огра-нич/енную/ сумму. В данном случае, к'счастью, автор обещал мне прислать свои книги лично, т/ак/ ч/то/ покупной экз/емпляр/ я смогу предоставить тебе. Насчет же свидания с Ив/аном/ Мих/ай-ловичем²³ сейчас ответить не могу. Дело очень деликатное, он завален до предела своими обязанностями и очень хитро его пой-мать. Но постараюсь и тогда напишу.

Пока кончаю, устал. Извини за грязь, мазню, усталый стиль. Извини, что все письмо уделено лично моим бедам, настроениям и проч. Очень хотел бы знать о твоём самочувствии. Напиши, — теперь ты охотнее будешь писать, зная, что в моем молчании нет ничего, что могло бы сдерживать охоту, с какой! ты обычно о себе рассказываешь мне.

Нет, не могу писать! — не язык, а лыко! До свидания, будь здоров. Твой К.

Нина через 10 дней кончает школу, начинаются экзамены. Осенью — она студент. Через два-три дня я перебираюсь на дачу. Очень я издерган, Миша. Привет Людмиле Ивановне²⁴.

С начала войны Сергеев занимает штатную должность заместителя директора по научной части Института полярного земледелия, но, несмотря на эвакуацию института, до сентября 1942 г. остается в Ленинграде. Сквозь блокаду доходят до него полные тревоги письма Федина. 20 ноября 1941 г. (дата по штемпелю) Федин писал из Чистополя: "Милый, родной дружище Миша, шлю тебе привет и обнимаю крепко! Здоров ли ты, благополучен ли и невредим ли? Я писал тебе, как только приехал сюда, а сейчас ровно месяц, как я воссоединился с семьей. Бытую пока хорошо, здоров. Дора Сергеевна/ горюет больше нас всех — об утраченном доме, конечно, отсюда не взяли ничего! Я в тоске о книгах, гравюрах, архиве, о своих личных книгах и рукописях. Всё осталось там. Дорогой мой, я не взял ни одной напечатанной своей строки. Как это больно и непонятно... Все тебя любим и ценим. Людмиле Ивановне горячий привет. Всегда твой Конст.

Мишенька, напиши — я не знаю ничего об Ив/ане/ Серг/еевиче/ Сок/олове/-Микигове, об Алянском, о Коппеле — где они и живы ли? Позвони бабушке²⁵ по телеф/ону/ д/окто/ра Лейбсона Герм/ана/ Мил/айловича/²⁶.

Пережив труднейшие дни блокады, М.А.Сергеев в 1942 г. снова отправляется в научную экспедицию. В этот раз он побывал на Северной Двине и Вычегде, в Сыктывкаре, Ханты-мансийске. В 1943—1944 гг. около года работал в Ханты-мансийском окружном ВКП(б). Находясь в Сибири, он навестил многих своих друзей — исследователей Севера и библиофилов в Тюмени, Томске, Тобольске, Новосибирске, Омске. В Ленинград он возвращается только осенью 1947 г.

и снова продолжается взаимообогащающая переписка его с К.А.Фединим. Мысли и чувства Сергеева рождает ответные мысли и чувства Федина, и наоборот. Исследователям творчества Федина небезинтересно будет узнать, что некоторые факты биографии Сергеева были использованы Фединим в романе "Необыкновенное лето". Это явствует из письма от 19 октября 1947 г.: "Только что за работой над романом, получая от тебя, дорогой Миша, удивительное письмо, и еще держу его в руках. Удивительное потому, что — даже для тебя — оно редко по лиризму и полноте содержания. И очень очень тебя понимаю, и так ясно вижу тебя с Узоном²⁷ за печкой, что даже захотелось поехать с тобой и с ним печеной картошки и печеных яиц. За этой милой деревенской прозой тем глубже и тем обреченнее кажутся мне твои выводы... И вчера перечитывал "Карамазовых". Есть там — в кошмаре Ивана — поразительный анекдот, рассказанный чортом ("джентельменом", который, однако, простой черт, и даже ходит в баню!). Ты помнишь, конечно. Речь — о некоем нигилисте, обнаружившем после своей смерти, что тот мир существует, и ужасно обидевшемся на сей загробный факт и отказавшемся наотрез в него верить. За это он был осужден: ему было положено в наказание, пройти квадрилон (там "у них" на километры — замечает Достоевский!), после чего он должен был быть допущен в рай. В ответ этот последний мыслитель отказался послушаться и лег! (На что он лег, т.е. на чем он там лежал, Достоевский уклоняется решать с точностью). Пролежал он 1000 лет. А потом встал и пошел! (К ужасному изумлению Ивана, к/о/т/о/рый сразу мыслителя презирал). И он прошел положенный квадрилон. И был допущен после этого в рай. И когда попал туда, то ровно через две секунды (Достоевский говорит — "по часам", по нашим часам, хотя замечает, что часы за такой немислимый срок должны были бы у мыслителя просто истлеть) — через две секунды восхитился увиденным в раю настолько, что завоскликал, заславословил, запеснословил до такой степени, что проживавшие в раю люди были даже шокированы: уж, мол, чересчур хватил, до неприличия! А он вскричал, что мол, за такое, что он в эти две секунды узрел, мало пройти квадрилон, он готов идти еще квадрилон, помноженный на квадрилон да еще в квадрилонной степени... Дальше уж не помню — чорт ли заключает, или Достоевский говорит, что

именно так радикально-быстро и радикально-круто - "в две секунды" - и должен был перемениться русский человек интеллигентских убеждений (и при том именно крайних и принципиальных качеств)!..

Это, разумеется, чертовски зло, но вель и рассказано-то это чортом!

И, когда прочел твое письмо, подумал - насколько же мы с тобой "принципиальны", и истекли ли уже наши две секунды? Что мы уже прошли квадриллион, нет сомнений. Но секунды-то, может быть, еще длится, и дух в груди еще не сперло от восхищенья. Он только, м/ожет/ б/ить/ подпирает. Однако, безусловно подпирает.

О "неизбывной загадочности", как ты выразился, мы думаем с возрастом чаще и чаще. В письмах твоих (я уже писал один раз) мне давно ясно и а л и ч и е и з у м л е н и я перед тем, что "факт", столь ошарашивший придуманного Д/остоев/ским (Иваном тож) интеллигента, беспокоит тебя все назойливее. Изумление перед "фактом" теперь, словно бы, начинает переходить в приятие его. Вот это приятие (или выводы из философских поисков и житейских познаний) меня и поражает в тебе больше и больше.

Я прежде всего, безумно отстаю от тебя - странным образом - не только в чтении, изучении философии, в интересе к ней, но даже ... в естественном - росте скептицизма (естественном по возрасту нашему, повторяю), Неужели это объясняется, между прочим, тем, что я живу - точнее: мне живется не столь трудно, как тебе? Это было бы уместно! Неужели Мамон играет столь уже господствующую роль? Неужели он способен так подавить интересы человека к познанию и знанию? Не думаю, что я так пал. Скорее, пожалуй, во всем этом виноват не Мамон: по-видимому я отстаю от тебя (что касается интересов философских), потому что поглощен пристрастиями художническими. Эти вещи не всегда концентричны, они могут не совпадать. Кроме того, искусство довольно враждебно скепсису, природа его в основе жизнетворна. Знание же, прежде чем привести к утверждению, всегда отрицает, должно отрицать. Поэтому для преодоления скепсиса тебе приходится идти гораздо более сложным путем, чем мне. Мой путь короче, примитивнее. Так что я раньше тебя мог допустить "факт", который ты готов допустить лишь сейчас - после дантова круга тех философий, о коих пишешь мне из письма в письмо. Получается курьезное кольцо: скепсис,

являющийся плодом познания, ты преодолеваешь новыми познаниями, ведущими к вере и ... порождающими новый скепсис. А я не особенно старательно изгонял веру познаниями (и вдобавок она питалась изрядно искусством), а также не особенно колеблю ее новыми познаниями и ... скепсис мой не возрос, а пребывает в неизменности.

И не сторонник искусства "без мысли". Но оно все-таки, преимущественно, — чувство или даже ощущение. То, что для тебя необходимо выразить непременно мыслью, я выражаю в конкретности образа (т.е. стремлюсь выразить!). Мне кажется, смысл лучшего, что я стараюсь вложить в замысел, заключен в известном речении: "верую, господи, помоги моему неверию". Увы, неверия выражено больше, чем веры! Однако, я не сказал бы, что был лишен веры даже в худшие времена своего неверия.

Разумеется, я все это рассматриваю в себе не как "реакцию", а как развитие*. То же должно сказать и о тебе. Только с той разницей, что у меня до сего дня нет потребности — вернее, любопытства — к мистическому ряду представлений.

Я, кажется, слишком много нагородил. И все только по поводу двух твоих строк, насчет того, чтобы "вернуться к богу".

Но вот что надо разъяснить в моей городьбе: писал-то я насчет скептицизма неясно, но в действительности вполне различаю скептицизм житейский и философский, и хотел сказать, что житейски становясь все более скептиком, ты философски делаешься тем более утверждающим. Однако, положительность твоя все более опирается на вещи, к/о/т/о/рые вызывали прежде философский скепсис ... у тебя же! ...

И хотел коротко ответить на вопросы:

1) С переводе (с персидск/ого/) послал тебе открытку — прикрой, передам редакции;

2) Кайзерлинга у меня нет;

3) Бываю в писат/ельской/ лавке крайне редко, но если буду — закажу все, что ты ищешь, хотя авторы слишком раритетны.

---

* Впрочем, что же такое "реакция", как не "развитие", хотя бы обратное.

Роман пишу, но медленно. Город илнуряет. И устал. Написал всего около 23 листов, а далеко еще до конца! Что печатание перенес на буд/ущий/ год - уже сообщал тебе. Ношю отписки ("выдирки") напечатанного на твой городской адрес, т.к. с дачи ты скоро уедешь. И/жду/ прочим/ - в одном эпизоде оттолкнулся от давнего твоего рассказа о Лионском кредите в начале революции.

Характеристики, данные ленинградцам, разделяю вполне. Очень верно о Ник/итиной/. Менее точно о Мише²⁸. По ему худо, это верно. Он еще здесь, сидит в гостинице, отдыхает от Дальмиры и подрабатывает в московских кормушках по вешочкам. Думаю, ты преувеличил принципиальность Прокоп/ьева/ и приумасил Саян/ова/²⁹. Так что, значит, не вполне!

Ну, пока все! Дачу хотят восстановить. Дело великое. Не верю в подвижность чиновников Л/итературного/ фонда. И мне будет трудно в городе, я задохнусь. Побаливает нога в месте ушиба (Берлин, 1945) - порез! Надо бы лечить. Хлопотал о хорошем местном санатории, - затнулось и все еще не знаю - когда пустят. Радикулит дает себя чувствовать при перемене погоды, а она все чаще меняется.

Водку попиваю, иногда, излишне, но без нее трудно. Первишки шалят. Курю трубку, много. Писать без трубки уже не могу. Глупо - после того, как 12 лет не курил вовсе. Помногу сижу за столом, и часто бесплодно, но спокоен только за столом. Как встал, так хоть в петлю! Иногда кажется, что пишу гениально (даже!), иногда руки опускаются - так худо кажется! Словом - все в норме. И сердце N , и ум N , и сам я - самый зный N ! Целую тебя, дружище. Твой Конст.

Давы благодарят за поклон. Варя³⁰ очень хороша, и чудно говорит. Мина сейчас в Ростове, скоро- на короткий срок - опять в Таг/анро/г. Д/ора/ С/ергеевна/ затеяла ремонт кв/арти/ры³¹.

В следующем письме от 24 декабря 1947 г. Федин вновь упоминает, что биографические рассказы Сергеева нашли отражение в его новом романе: "Мишенька, я пишу тебе, дорогой, только затем, чтобы послать привет. Где вы? В городе? В деревне? Как себя чувствуешь, после ноябрьского гриппа?

Ты "захватываю" лично Гос/ударственный/ банк? И хорошо помню твои рассказы об этих днях, и именно из этих нарисованных тобой

картин выросли эпизоды "Финотпела" в романе, который тебе еще не послан (но будет послан несомненно!). Как же ты провел воспоминательные об этих переживаниях дни?

У меня все идет вкось и вкривь. И вернулся из Гагр довольно уравновешанный, но уже успел вновь издергаться. У меня был план - полечить ногу (и поработать, конечно) в одной санатории. Но из-за денежной протуберанции это измерение не мож./от/ быть осуществлено. Излечения перемен стоило мне столько, сколько я н и . к о г д а в жизни одновременно не зарабатывал, и сейчас я просто обнищал.

Работаю плохо, точнее - после возвращения вовсе не могу работать. Сказалась усталость, накопленная последними годами. За нынешний год я опубликовал 21 лист романа и написал сверх этого количества еще около 4-х листов. Впереди еще приблиз./ительно/ листов 7 ...

Вероятно все-таки сбегу куда-нибудь, т.к. в городе жить и трудиться невозможно. Можно жить и бездельничать. Впрочем, безделье и называется деятельностью.

Но - куда? - вот вопрос. Уединение сейчас - после пожара - для меня вещь недосыгаемая. Глупо и скучно. А я что-то утратил за последн./ее/ время - в темпе, и в уверенности.

Обнимаю тебя крепко, будь здоров! Твой Конст.

От трех дам прирет: они в данн./ий/ момент все в сборе. Самая младшая - самая красивая. Я ее утешаюсь".

Приписка на полях, подчеркнутая синим карандашом дважды:
"когда - точно - твое 60-летие? Января ..."³²

Но несмотря на житейские жалобы, литературная судьба Федина складывалась благополучно, чего нельзя сказать о некоторых их общих друзьях писателях. Тяжело приходилось М.Э.Козакову, которого перестали печатать. Сын писателя, актер М.М.Козаков, о сложившейся в отношении отца ситуации, вспоминает: "Он написал пьесу "Когда я один". Герой ее: интеллигент, приходил в отчаяние, что люди все воюют между собой, грызутся как звери. Сталин прочел и поставил автограф: "Пьеса вредная, пацифистская. И.В.Сталин"... И началась его черная полоса, которая тянулась до самой смерти в пятьдесят четвертом году в Москве"³³. Сам Михаил Эммануилович письма писал редко, чаще писала его жена Э.А.Никитина. Помимо дру-

жеских, с Сергеевым ее связывали и деловые отношения. Зоя Александровна была директором Ленинградского отделения Литфонда, а Сергеев членом его совета. Поэтому в ее письмах очень много рассказывается о делах Литфонда. "Дорогой Михаил Алексеевич! - писала М.А.Сергееву Э.А.Никитина 18 июня 1948 г. - Прошел уже почти месяц, как Ты уехал, но до сих пор никакой весточки. Людмила Ивановна хотела скоро приехать и тоже "канула в лету". Как Твое здоровье? Не заболела ли Людмила Ивановна! Как у вас дела? Какие планы?

Мы здесь живем сложно и трудно. Решения о делах ССП до сих пор нет. Кесарь заболел, о "Звезде" было весьма отрицательное суждение вышестоящих организаций. А, вообще, там затишье на летний период. Нам "сокращают, режут, не утверждают", а помощь Литфонд СССР не считает нужным. Была я в Москве, крепко ругалась с ними, но, поскольку они сидят между двух стульев - Комитетом и ССП - неразбериха полная. Хочу на июль удрать в отпуск, чтобы хоть немного передохнуть, а то сил никаких нет.

Теперь, дорогой Михаил Алексеевич, о Твоих делах и поручениях:

1) По поводу С.Д.Рисса³⁴ направлено официальное письмо Союза в книжную лавку. Там все оформлено и я сообщила об этом Вере Ивановне.

2) Книгу о переселенцах у Шкапских я получила. С этим делом тоже в порядке. Эду только okazji, чтобы Тебе ее переслать.

У меня дома кисло-сладко. Миша вышел из больницы с диагнозом хронический артроз правого плеча и болезнь Паджера (деформация костей). Все это болезни не смертельные, но хронические и довольно унылые. Надо было ему поехать в Кеммери лечиться, но, увы, денег нет и перспективы довольно унылые. Усиленно предлагали ему подать заявление о санаторно-курортном лечении, но денег в Литфонде мало, а лишние унижения и разговоры мне ны нужны, а Мише, тем более.

Вот, дорогой Михаил Алексеевич, все наши дела. Мой старший сын всегда добавлял в таких случаях: "А, в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо..."

Я сердечно и горячо приветствую и обнимаю Тебя и Людмилу Ивановну, очень по Вас скучаю и искренне люблю. Привет Агаше³⁵ и погладь за меня Узона..."³⁶

Самой Зое Александровне пришлось пережить неприятности из-за Литфонда и в конце 1949 г. она переходит работать в издательство "Искусство". Но приводимое ниже письмо от 5 октября 1949 г., пожалуй, наиболее интересно упоминанием о делах литературных: "Дорогие мои Людмилушка и Михаил Алексеевич! Много раз мысленно принималась писать Вам письмо и до письменного стола дойти не могла. Объясняется это многими причинами. Во-первых, сосредоточиться и подумать, что именно хочется Вам написать, очень трудно. Такое количество людей задают одни и те же вопросы, отвечаешь им, рассказываешь одно и то же, а с Вами обоими мне хотелось бы поговорить более чем с кем-либо подробно и душевно. Эта потребность у меня почти физическая. Я считаю дни до Вашего приезда и, думаю, что дня на разговоры мне не хватит.

Со дня моего возвращения я тут же приступила к работе в издательстве. Не говоря о том, что я сделал это с легкостью и радостью, это было вызвано и тем обстоятельством, что мне будут выплачивать за вынужденный прогул. Встретили меня с распростертыми объятиями и, как оказалось, очень меня ждали. Вообще, я не перестаю радоваться обстановке и условиям моей новой работы. Должна Вам сказать, что в санатории"³⁷ у меня был единственный кошмар: меня вновь направляют на работу в Литфонд. В этих случаях я просыпалась в холодном поту и рассказывала своим товарищам о страшном кошмаре, который мне приснился. До их сознания с трудом доходило, что работа в качестве директора культурного учреждения может быть кошмаром из "Страшной мести". Итак, я радуюсь и благодарю судьбу за то, что она перенесла меня из "Литфонда" в "Искусство".

Дальнейшие дела по Литфонду обстоят так: машина, а с нею вместе закон от 7 УШ 32 г., с моей души отпали. Осталась IO9-я. Да, кстати, прокуратура не дает этому шоферу закон и квалифицирует это по IIб-й (растрата). Впрочем, ему безразлично. Он осужден по закону на IO лет, в настоящий момент привлекается по какому-то учреждению по Указу и пойдет по нашему делу по IIб-й. Та же прокуратура сказала мне, что на "площади"³⁸ дело квалифицировали неправильно. Ив/ан/. Ив/анович/ от ответственности вообще освобожден, чему я очень рада по многим соображениям. Мы же

с Леон/идом/ Мих/айловичем Слонимским/ ждем последнего этапа многострадальной эпопеи, которая должна закончиться к концу октября. Я очень бодро и оптимистично смотрю на это. <...> Доля я застала Мишу в хорошем состоянии. Его вызвал Фацев и дал ему большую редактуру романа литовского писателя. Одновременно был вызван М.М.Зоданко. Ему дали финский роман. По поручению обоих "Миш" даны указания Л/енингра/ду давать им рукописи на рецензии и репактирование. Правда, уважаемый Ал/ександр Григ/орьевич³⁹ и компания без энтузиазма относятся к этому. Но, думаю, что Александр в квадрате, осилит Ал-дра в ординаре. Первый вопрос, заданный Задеевым Мише, был обо мне. Спрашивал, что нужно сделать. Миша сказал: пока ничего. Письма К.А.⁴⁰, Каверина, Форш и Б.А.Лавренева (!!) произвели очень сильное впечатление⁴¹. Большое тебе спасибо, дорогой, Михаил Алексеевич за заботу обо мне. И Людмилушке также. И все знаю и помню, что благодарить, бить может, неуместно, но мне очень, очень радостно, что у меня есть такие друзья.

О Соколове-Шикитове. Конечно, я с большой радостью возьмусь за эту работу. Хотелось бы только приняться за нее всерьез в ноябре, т.е. после последнего этапа. Возможно ли это?⁴²

Есть один вопрос, который мучил меня все это время. Сейчас он подлежит благополучному разрешению. Думаю, что 15-20 я уже получу деньги и сообщите, послать ли их почтой в Корозовичи, или что сделать с ними.

Напишите мне, мои дорогие, когда Вы думаете приехать. меч-таю выпить с Вами по 100 грамм и бутылку шампанского.

лочу хорошей жизни и роскошных туалетов. Необходимо Вам спеть несколько очаровательных песенок, которым я обучилась.

Должна Вам сказать, что в январе-марте мне было хуже, чем в июле-сентябре, а сейчас неизмеримо лучше, чем в июле-сентябре.

Позвонив Вам на следующий день после моего возвращения и предупредив о последующем звонке, я не могла этого сделать, т.к. в утренние часы была уже на работе. Необходимо было появиться хотя бы за день до истечения 2-х м/есяце/в. А в другие часы ничего не получилось.

Мишу за молчание не очень ругайте, потому что он вообще очень неаккуратен в письмах, а тут у него нервы были совершенно раздрыганы.

Перечитала письмо и понимаю, что это какой-то сумбур мыслей и плохо выраженных чувств. Родные мои! Если бы Вы только знали, как я хочу с Вами поговорить, обнять и крепко расцеловать обоих.

Уви! пока примите горячие поцелуи и нежные объятия в письме. Горячо любящая Вас Ваша Зоя⁴³.

Этнографическая деятельность Сергеева получила признание не только среди ученых, но и среди писателей, в первую очередь тех, кто писал о Севере, Сибири, Дальнем Востоке. Они читали книги Михаила Алексеевича, пользовались его консультациями и целовое общение часто заканчивалось дружбой.

Е.А.Федоров, автор популярной в 1950-е гг. трилогии "Каменный пояс", писал 24 февраля 1953 г.: "Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич. Весьма признателен Вам за подарок. Книги получил и уже успел прочесть "Эвенкийские сказки"⁴⁴. Они открыли для меня новый мир. Правда, в связи с "Ермаком"⁴⁵, я занимаюсь народами северо-запада/ой/ Сибири, но многое было в тумане. Вы сделали большое и полезное дело. Спасибо Вам, дорогой! Вторую книжку я читал ранее, так и просится роман. Напишите! Вам и карты в руки.

В этом году возможно выйдет мой новый роман и я постараюсь не остаться в долгу.

Искренне желаю Вам доброго здоровья и творческих успехов в работе! С приветом Евгений Федоров⁴⁶.

Учитывая интересы писателя, Сергеев посылает ему новую книгу, на что Федоров отвечает открыткой от 1 октября 1953 г.: "Дорогой Михаил Алексеевич! Сердечно благодарю за весточку. Рад, что мой "Каштымский зверь"⁴⁷ понравился Вам. В свою очередь не в комплимент, скажу Вам по-свойски, Ваша книга "Народы обского озера" - очень толковая и дальняя книга. Многое для меня новое. И главное свежо написано, а для меня она просто клад, т.к. по новому роману я немного затрагиваю и обский север. Читая книгу С.В.Бахрушина "Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв.", я на последней странице нагожкнулся на объявление, в котором сообщается: Том I М.А.Сергеев "Корякский национальный округ" Монография". Вон куда восходят корни Вашего увлечения севером. Хорошее и большое дело!⁴⁸"

Переписка с Е.А.Федоровым продолжалась до самой смерти писателя в 1963 г.

Дружба, а в некоторых случаях и сотрудничество связывали Сергеева с дальневосточником П.Л.Далецким. В 1951 г. они совместно собирались подготовить сборник литературы народов Севера в Ленинградском отделении издательства "Советский писатель". 11 июля 1951 г. Далецкий писал: "Дорогой Михаил Алексеевич, получил Ваше письмо лавно, но не отвечал, дожидаясь конкретного материала. На редсовете "Советского писателя" наш сборник прошел, хотя со многими перекрестными вопросами насчет "кота в мешке". Тем не менее, постановили включить в план редакционной работы и дать мне договориться с Досковским о форме легализации инициативной или редакционной тройки.

Когда я пришел разговаривать по этому поводу с Досковским, он уперся, редсовет ему не указ и тем более не приказ, а "кота в мешке" он покупать не будет.

События на этом этапе не смогли полностью развернуться; потому что в Ленинград приехал Коренев (дир/ектор/) и Лесючевский (гл/авный/ ред/актор/). Было длинное совещание, на котором выяснились некоторые не очень украшающие руководство нашего отделения подробности с прохождением рукописей в инстанции. А затем я устроил маленькое совещание по нашему вопросу. Договорились следующего: сейчас по Вашему указанию должны начать работу рецензенты. Они должны читать произведения национальных писателей на национальных языках (если есть хорошие переводы на русский, то можно и на русском), представлять рецензии Вам на заключение, а Вы будете препровождать в издательство. Рецензии будут оплачиваться, Ваша консультация тоже. Таким образом постепенно будет установлен состав сборника. Когда в грубых чертах мы и издательство будем иметь о нем представление, издательство заключит с тем или другим (или с теми или другими) писателем составительский договор.

Так что, дорогой Михаил Алексеевич, Вам надо приступить к руководящей работе".

В этом же письме Далецкий передает отзыв о том, что вышедшем его романе о русско-японской войне: "По поводу известной Вам книжки "На сопках Маньчжурии" Коренев сказал, что прочел книгу с большим интересом, а некоторые страницы читал с напряженным вниманием. Затем сказал так: "Был у меня генерал Игнатьев ... по-

лемизирует с Вами. Высказывал свои возражения. Послушал я его, не согласился с ним ... графские у него возражения. Он свою книгу писал с других позиций, другое он видел в жизни, чем Вы ... Вы другое увидели, как коммунист".

Лесючевский говорит, что Игнатъев волнуется: Куропаткин был не такой! А я убежден, что он именно был такой, мой Куропаткин включает в себя и игнатъевского (Игнатъев знал его на основании личного знакомства, а в личном знакомстве открывается далеко не весь человек) и того, который открывается взору исследователя, когда поднимаются архивы".

Далецкий подписывает свое письмо 13 июня 1951 г., исполнив поручение Михаила Алексеевича: "Вчера и сегодня занимался Вашим делом. (В Ленгизе из-за "Звезды" грустная суматоха!) Вы будете завтра-послезавтра восстановлены в своих правах члена совета Дитгиз'а. По-видимому, произошло простое выпадение фамилии. Еще раз жму руку П. Далецкий"⁴⁹.

"Грустная суматоха" (надо признать это выражение слишком мягким) после известного постановления ВКП(б) 1946 г. была в литературной жизни страны явлением хроническим. Особенно писательская организация Ленинграда жила беспокойно. Даже в 1954 г., когда в общественной жизни страны наступила оттепель, страх и покорность власти, сформировавшиеся в годы культа личности, продолжали определять общественное поведение людей. В июне 1954 г. в Ленинграде состоялось общегородское собрание писателей. В центре внимания были два вопроса: беседа М. И. Зощенко со студентами Оксфордского университета и спор вокруг книги В. Л. Пановой "Времена года". В письме М. А. Сергееву Павел Далецкий по следам событий обстоятельно описывает происшедшее: "Дорогой Михаил Алексеевич, вот некоторые из наших литературных событий. Приезжали еще в твою бытность англичане, оксфордские студенты, молодчики, заявили: мы вам не друзья, в ваши идеи не верим, а посмотреть на вас хотим. И хотим посмотреть Зощенко и Анну Ахматову.

Горком комсомола пригласил на встречу с английскими молодчиками несколько писателей, в том числе Зощенко и Ахматову.

Ахматову спросили, как она относится к постановлению ЦК. Старушка ответила, что она принимает его и сделала из него все выводы.

Зощенко спросили, как он относится к докладу Хданова. Он ответил, что не согласен с ним и писал об этом в 46 году Сталину. Но что он все силы отдаст на служение советскому народу.

Постепенно этот его ответ стал постоянным: нашел общественности. На собраниях и в отчетах о собраниях заперестрели формулировки, что Зощенко скрив свои подлинные отношения к постановлению ЦК, что он до сих пор не сделал из него никаких выводов... Появились в развитие этих формулировок "апостол аполитичности" и прочее.

Стороной я узнал, что Зощенко вызвал к себе Кошегов, держал его два часа и обязал выступить на общегородском собрании писателей с критикой своих слов.

Вчера состоялось это общегородское собрание. В одной из гостиниц я увидел Зощенко, которого не сразу узнал: это согбенный старик, лет под девяносто, запавшие щеки, лихорадочно горящие глаза, взгляд неузнающий и направленный в пространство... Слово он получил уже близко к концу заседания.

Зощенко рассказал, что он сказал англичанам, "они спросили меня, согласен ли я с докладом Хданова... Как я могу быть с ним согласен, когда меня называют там "подонком, хулиганом, не советским человеком". Как я могу быть согласен с критикой моих работ... Там говорится, что я издевался и глумился над советским обществом, но ведь те рассказы, о которых идет речь, я писал в 20-х годах, когда советское общество еще только складывалось и не над ним я издевался, а над мешанами, которых множество осталось нам в наследство от старой России... Как же я мог согласиться с тем, что я глумился над советским человеком... Рассказ об обезьяне... Он был написан для детского журнала и напечатан в "Мурзилке"... Все его читали и в детском журнале он не пробуждал ни в ком подозрения... Но когда его без моего разрешения перепечатали в "Звезде", читатели задумались - а что же в самом деле хотел сказать автор... А я клянусь, что никакого подтекста я туда не вкладывал... Меня упрекают и обвиняют, что я плохо вел себя во время войны, меня называют трусом. Я дважды воевал. За войну с немцами я имею пять боевых орденов... Я был добровольцем в Красной Армии... Здесь вместе со Шварцем я написал пьесу "Под лбами Берлина" и весь город в 41 году был заклеен этими афишами. А потом меня заставили уехать из Ленинграда... Я думаю, в этом

вопросе англичан заключалась провокация... им по 20 лет, постановление было 8 лет назад, тогда они были еще детьми. Откуда они о нем знают, значит подсказали им взрослые... А зачем... Я только потом сообразил, что надо было не так им ответить... Этот несчастный день... Я думал, что всё уже забылось с тех пор... Нет, ничего не забылось... И старик, я должен быть чист. Как я могу протянуть руку к перу, если я подонок, хулиган и несоветский человек? Опять в газетах каждый день поминают меня... Значит опять затруднения в издательствах... Нет, я знаю, жизни у меня уже не будет... Не нужны мне ваши дружины и ваше снисхождение... Я знаю, у меня только один путь...

Он сошел с кафедры... Речь его продолжалась минут сорок, говорил он страшным задыхающимся истеричным голосом, смотрел вокруг и не видел никого. Впечатление он производил страшное... спрашиваю Кочетова: зачем вы его выпустили? Он пришел ко мне и просил, чтоб ему разрешили выступить. Говорил, что его страшно захвалила критика* и поэтому замечаний он не привык принимать, и вот хотел он рассказать о том, какой вред приносит захваливающая критика.

Глупо, что Зоценко выставили к англичанам и еще глупее, что его заставили каяться. Великолепно можно было сыграть за рубежом на том, что Зоценко не согласен с постановлением ЦК. Ведь там утверждают, что у нас застенки. А теперь что получится...

В конце выступил Симонов и сказал, что ему было противно слушать Зоценко... Никто его не обвинял в трусости на войне... Можно быть трусом на фронте и делать подлинное дело в Ташкенте. Обвиняли в том, что он писал и печатал в годы войны повесть "Перед восходом солнца".

Между прочим, когда я привез из Москвы в армию номер Октября с этой повестью, молодежь армейская сейчас же утащила у меня этот номер. А потом ко мне приходили и говорили: вот прочли... и выходит, что жить то не зачем... а уж воевать то к чему...

Выступила Катлинская... сначала она говорила о том о сем, а под конец сказала:

- У нас беспокойно в союзе, а еще большее беспокойство внес своей статьей Кочетов... Со многими положениями его статьи

* Около этой фразы М.А.Сергеев поставил знак восклицания.

я согласна, мой творческий метод совсем иной, нежели у Пановой. Но когда я прочла подпись "В. Кочетов. Ленинград", я ощутила беспокойство... Вель это ответственный секретарь нашего союза, человек, которому мы доверили руководство... Мы знаем, что он читал повесть перед тем, как её печатали в Альманахе. Разве он не должен был забить тревогу, пригласить автора, поставить вопрос на секретариате, спасти книгу... А Вы, Всеволод Анисимович, не сделали этого. Когда обсуждалась книга в Союзе, вы тоже не явились. Правда, Вы были в отпуску, в Комарово, но вель это час езды, обсуждалась книга одного из ведущих писателей нашей организации, трижды лауреате, неужели Вы не могли приехать? И вот теперь выступаете с этой статьёй... Не хорошо это... Не хорошо еще и тем, что везде чувствуется неуважение наше к автору, везде мелкие шпильки и уколы, разве так нужно было написать эту статью. Там, конечно, много верного, иначе её бы не напечатали в таком органе, как "Правда", но не так нужно было писать. А вам и вообще не нужно было писать, потому что все знают, что у вас нет дружбы с Пановой, что ваши худые отношения начались с того времени, как Панова выступила с критикой нашего романа... И потом еще один вопрос... Прошу корреспондентов опустить перья, чтоб не вышло такого же конфуза, как и со сказками Дара, неопубликованными, но молва о которых прокатилась по всем газетам. Говорят, что вы, Всеволод Анисимович, написали роман о некоем научном учреждении, в котором под видом ученых вывели в пасквильном виде всех своих друзей по союзу писателей. Разве так делают руководители организаций, разве так любят руководители свою организацию...

Друзин кричит с места: Это сплетня, это ложь.

Кетлинская говорит: Вот вы скажите об этом в заключительном слове, что это ложь, и все мы будем этому очень рады...

Капица, сидящий рядом со мной, сказал тихонько: "если он выступит с трибуны и открыто скажет, что это клевета, что такого романа нет, я поставлю вопрос на партийном собрании: не имеет права Друзин лгать даже и под видом соблюдения редакционной тайны".

В заключительном слове Друзин все же ничего не сказал про эту сплетню, должно быть, страшно стало лгать перед всем народом.

А в этом романе Кочетов вывел всех своих "друзей". И там в качестве подлеца и прохолимца, родившегося на неизвестных островах, Панова, Воеводин, Дар, Каторли со своим мужем, Луговцев, ряд членов редколлегии "Звезды", в чем-то несогласных с Кочетовым. Редколлегия откачалась печатать в таком обижённом виде роман. Отдали автору на доработку. А жаль. Надо было печатать". 20 июня Даленский, подписывая письмо, прибавил новые сведения: "Приехал с Сиверской, где продолжает строиться моя избушка и неизвестно когда достроится, и хочу написать тебе несколько слов. Эхо Зоценковского выступления прокатилось по всем газетам, ты, вероятно, читал эти отклики, они искажают самое существо вопроса. Зоценко, действительно, не согласен с критикой Бланова, и никто не может указать ему путей, по которым он мог бы с ней согласиться. Критика груба, поверхностна и мало исторична. Иначе нужно было бы критиковать Зоценко, писателя очень своеобразного. (Дело не в том, что он больше или меньше Аверченки) Зоценко не понимает существа обвинений, считая их лежащими в капризе докладчика. Зоценко не хочет через грубую оскорбительную форму доискиваться каких-то зерен истины в докладе. Чтоб он мог выйти на более широкую дорогу как сатирик, нужно было друзьям его о многом поговорить с ним. Но вот были ли у него друзья? Но может быть, он как Кочетов, слушает только одни безоговорочные похвалы?

Между прочим, по поводу друзей... В прошлом году при обсуждении романа Пановой на секции, я сказал, что роман мне нравится, а о недостатках его я не хочу говорить.

Но вот теперь на предсъездовских собраниях мне пришлось раскрыть скобки*. Я сказал, что при чтении роман вызывает большое удовольствие, но после прочтения не составляет полного удовлетворения. Я высказал ту мысль, что полное удовлетворение едва ли современники получают от чтения современного произведения, пример тому классицизм: сколько претензий имели к ним современники! Мы не имеем, потому что к недостаткам их привыкаем, как к лицу матери — родное, ничем не заменимое лицо матери!

Конкретно, что же вызывает неудовлетворение? Недописанность

---

* Эти два абзаца отмечены Сергеевым вертикальной чертой, а около второго поставлен знак восклицания.

романа. Нисколько не было бы скучно, если жизнь героев была бы дописана. Второе – малый мир, в котором живут герои старшего поколения (Дорофей, Леонид), что дало повод Друзину назвать роман "мелкотравчатим". Может ли Панова, оставаясь в своей манере, писать шире, полнее, обеднит ли это её? Возможно ли ей что-нибудь советовать? Товарищи обязаны высказать свое мнение и советовать...

Вера Федоровна и перестала со мной разговаривать. Она решила, что замечания я мог высказать только в том случае, если решил перебежать к Кочетову.

Одно из двух: или всю нашу общественную жизнь считать за ту или иную форму лицемерия (см. Эренбургскую "Оттапель") или же стараться максимально оздоровить ее. Ниши, дорогой мой отшельник. Павел"⁵⁰.

Последняя часть письма написана Далеким с явной целью оправдаться за свое выступление против Пановой. Пометы Сергеева на письме свидетельствуют, что мотивировка этого выступления вызвала по крайней мере недоумение адресата. Не приняли оправданий Далеккого и другие общие друзья. Это видно из писем писателей С.М.Бытового и М.Л.Слонимского. С.М.Бытовой писал 8 сентября 1954 г.: "Мой дорогой Михаил Алексеевич! Простите, что не написал сразу, как обещал. Еще отдыхался после С. Сталина. Материалу так много, и в таком беспорядке записки, что черт в них ногу сломает. В Союз почти не хожу – скушно. Много говорят про Далеккого. Он, после обработки, выступил на собрании против Пановой, затем ночью звонил ей, стараясь объяснить свою речь, но /Д./ Дар сообщил, что В/ера/ Ф/едоровна/ не желает с ним разговаривать.

И куда полез Павел наш! Ведь он раньше хвалил роман В/ери/ Ф/едоровны/, так лучше молчал бы. Кроме того, наш "Метр" выступил со статьей о молодых авторах, напутал, и на днях, слышал я, выступит против него "Л/енинградская/ Правда". Таким образом, философские выступления Павла Леонидовича не прошли. Писал бы лучше эпопею новую.

Итак, в Союзе тишь. Все ждут выборного собрания, видимо, там будет бурно. Других новостей нет. Были мы в Смольном, у т.Козлова читали нам два постановления ЦК. Очень интересно. И очень важно для всех литераторов. Вот и все новости.

Вышла моя книга в "Огоньке", посылаю её Вам⁵¹. Когда же Вы

Явившись на берегах Невы? Сообщите.

Обнимаю Вас, как всегда, крепко! Привет Людмиле Ивановне от меня и от всех наших. Ваш Сем. Мих.⁵²

М.Л.Слонимский в письме от 4 сент. 1954 г. упоминает: Ты знаешь, конечно, все о здешних писателях. Панова сильно больна (у нее инфаркт уже вот два месяца), сейчас ей лучше. Далецкий здоров, я, кстати, с ним сильно поругался (ты знаешь, как я его обожаю). А в общем жизнь движется и порядок есть⁵³.

С Михаилом Леонидовичем Слонимским Сергеева связывала такая же многолетняя дружба, как и с К.А.Фединим. Правда, живя в одном городе, они часто общались, поэтому письма Слонимского не носят такого углубленного характера как фединские. Но теплота и интимность отношений чувствуется и здесь. В письмах Михаила Леонидовича, как правило, много юмора. Вот, например, письмо от 19 июля 1956 г.: "Милый Миша, ты написал мне такое высокоинтеллектуальное письмо, что я прямо не знаю, как и ответить, ибо живу вне каких-либо проблем, кроме самых натуральных. Ты, насколько я понял, думавшь даже, что у меня есть радиоприемник. Нет. Есть трансляция, которую я не включаю, все равно ни черта не слышно. Электричества, конечно, нету. Живем втроем в комнате в 10-11 метров, отделенной от кухни, за перегородкой - хозяйева, все слышно, удобств никаких. Три койки, два окошка, стол, три стула, комод, шкаф. Про летуха я тебе писал. В конце концов его зарезали и съели. Затем было нападение пчел. Они покусили нас, подержали в осаде несколько часов, но, наконец, дождь их разогнал. А еще - пьяные, буйные и тихие. Картины, которые разворачиваются перед глазами, настолько не похожи на литературу, что не знаю, право, что и делать. Неслыханно прелестная природа - и путаные извилистые человеческие истории и нравы. Появились еще и цыгане - 15 подвод, 17 лошадей, собаки, всякая поросычья живность, людей - 60-70, для них нет ни истории, ничего. Кочуют и все тут. Один в Искове на суде заявил, что живет разбоем и воровством, ничего другого не признает, его расстреляли.

Книги у меня - три. "Скорпион" датчанина Шедрика⁵⁴ (многое мне в этой странной книге понравилось), "Новеллы" Т.Манна (есть общие черты с Фединим), рассказы Эльзы Триоле - представь себе-интересные. Насчет "объемности" ты, конечно, прав. Вот что Зегерс сказала о Манне: "Не только и не всегда изображение достижений

добуждает человека к новым достижениям... Читатель учится у Манны радоваться силе своего языка, описанию и форме выражений". Я думаю, что это можно вполне отнести также и к Федину. Зегерс — ужал. Как-то я неделю две подряд общался с ней, она мне понравилась. О словах Толстого я помню. Но будем, Миша, справедливы — помним же мы и "Войну и мир", на которую безусловно Костя и сошлется в споре с тобой. Стривок превосходно написан, высокие идеи у Пастухова кончатся весьма реальной мыслью о том, что хорошо бы покушать. Это очень искренняя мысль героя этого отрывка, только что случайно встретившегося с сыном фронтовиком, и в этом — холод Пастухова, которого автор, сам может быть того пока что не подозревал, ненавидит от всей души. Если Федин в своем Романе растопчет Пастухова окончательно, то это будет замечательно и сделает его опытным реалистом-романтиком. Не дай бог, Миша, если литература наша совсем утратит романтические черты (при всей самой реалистической правде). Тогда будет очень скучно. Только уранье и риторика, конечно, на романтизм. И говорю просто о надеждах. Впрочем, мои умственные способности здесь так ослабли, что даже жалкий остаток, который у меня едва тлел, я растерял. А к Федину я вообще пристрастен, как тебе известно. Пишет он языком великолепным, никто у нас так не владеет языком.

С горушки, где я живу (26 метров высота) видать на многие версты кругом. А если взобраться на самую верхотуру, то открываются совершенно волшебные красоты. Червы тут успокаиваются, чувствуешь себя одним из видов животного мира, этаким козявкой, а это полезно. Ты бы видел, как смешно металась кура, убегая от пчел и на ходу вдруг поднимая ножку. А петух, ужаленный под гробень, удивился и встревожился, как "маститый", вдруг получивший в рецензии по морде. Он просто поверить не мог, что его тоже осмелились укусить.

Целую тебя, Миша, не забывая меня. Предполагаем вернуться в Ленинград числа 10-го августа, если живы будем. Ида Исаак/овна/ и Сережа⁵⁵ приветствуют тебя и Людмилу Ивановну. От меня нежный привет Людм. Иван. Еще раз целую. Твой М.С.⁵⁶

Середина 1950-х гг. внеола перемены в жизнь страны. Был осужден культ личности Сталина, началась реабилитация его невинных жертв. В 1955 г. возвращается в Ленинград с поселения писатель А.Г.Лебедевко, с которым Саргеев был знаком еще с 1920-х гг. Вос-

становивается его членство в Союзе писателей и постепенно Лебе-
денко входит в жизнь, от которой был отлучен 20 лет. "Как Вам пра-
вятся "перемены"? - спрашивает он Сергеева в письме от 13 июля
1955 г., имея в виду перемены в общественной жизни. - И не разои-
раюсь еще в ситуации. Но время "бойков", и колесо истории не
спит. В общем сейчас три мира (не хочу слова "лагерь"). Мы, они и
большой, но рыхловатый пока буфер. Есть над чем подумать"⁵⁷.
В другом письме от 8 августа 1955 г. он пишет: "Сам я сит возду-
хом и провинцией и из Ленинграда уезжать не хочется. Уже не
устал любоваться городом, зорями над Невой, Исаакиевской площадью,
потоками людей и машин"⁵⁸.

В 1955 г. Лебедеико уже полностью в курсе происходящего и
информирует о всех литературных и культурных новостях живущего
на даче Сергеева. Наиболее ярким общественно-литературным собы-
тием этого времени стал роман В.Д. Дудинцева "Не хлебом единым".
Споры вокруг него вышли далеко за рамки литературы и стали явле-
нием общественной жизни. Не прошел мимо этого факта и Лебедеико в
своей переписке с Сергеевым. Рассказывает он также о подготовке
250-летнего юбилея Ленинграда, отмечавшегося с запозданием на
4 года. "Дорогой Михаил Алексеевич! - пишет Лебедеико 16 ноября
1956 г. (дата по почтовому штемпелю): - В последнем Вашем письме,
должно быть ошибочно, Вы сообщили, что будете Ю.ХИ. Я и решил,
что писать не буду, а увидаю Вас на набережной. Ю позвонил к Вам и
узнал, что в деревне до декабря...

И Египет и Венгрия⁵⁹, как это ни парадоксально, поблелдели
в каком-то плане перед романом Дудинцева, вернее, тем резонансом,
который, неожиданно для автора, получился в обеих столицах. В
Москве в вечер обсуждения романа потребовалась конная милиция,
а в Ленинграде просто его запретили. Кто запретил, не знаем.
Я говорю об обсуждении в Союзе. Прокофьев приехал из Обкома, ска-
зал, что ему нечего больше прибавить, а в ответ на шум, возгласн,
требования, возмущение предложил пересмотреть его.

Я присутствовал на этом правлении, как член Комиссии по
250-летию Ленинграда. Шума было достаточно, но обсуждения так
и не было. Читали ли Вы этот роман? Он в 8, 9 и 10 книгах "Ново-
го мира".

Наши все переборы отложены на декабрь, после 5 XII (пленум
ЦК).

Перенесен на декабрь и мой вечер. Будет два доклада Мих/аила/ Леон/идовича/ и Ольги Федор/овны/⁶¹ (по детской литературе).

Из Хабаровска ни ответа ни привета. Рассказ, который я послал Ол/ьге/ Адр/иановне/⁶², очень хотят взять в Альманах. Я написал ей, что не получая от издательства ничего официального, я подожду до середины декабря и отдам его ленинградцам.

Много шума также около юбилея. Предполагается выпуск газеты, журналов, сборников, организация музеев Достоевского, Блока. Заложено в разные времена до 20 "каменных" будущих памятников. Пытаемся окропить их живой водой. Поднят вопрос о "перепогребении" Некрасова и Тютчева.

А постановления Правительства все еще нет.

Получился скандал также с /Е.И./Серебровской, которую кто-то назначил временно на место Черненко в "Неве". Панова и др. заявили, что Сер/ебровск/ой они не дадут ни одной рукописи.

Словом, тихая фронпа.

Но если у нас она носит в общем безобидный характер, то так не везде.

Сейчас потеплело. Грязно, серо, Нева не вся во льду, набухла, наполнена дробным льдом <..>⁶³

В 1957 г. Михаил Алексеевич – на пороге 70-летия. Позади большая интересная жизнь. Есть о чем вспомнить. И порой какое-то пришедшее на память событие, зафиксированное в письме Сергеева, рождает ответное воспоминание адресата.

"Здравствуйте, дорогой Михаил Алексеевич! – обращался к нему писатель Л.И.Борисов 28 октября 1957 г. – Спасибо за память, – получил письмо Ваше и, несколько заикаясь, прочел его вслух моим птахам. Разобрал все, кроме двух-трех слов, которые я, вообразив себя на миг редактором, заменил другими, подходящими по смыслу к тому, что Вы намерены были сказать. А мое письмо о бабушке моей; о том, как она "понимала" и видела цифры – получили? Люблю вспоминать свое детство, простите за ради бога!

Вот, Вы написали о ресторане Чванова, и мне даже в нос воспоминания ударили: запахом этой рестарации поваяло, а сколько воспоминаний для уха и глаза связано с этим рестораном! Вель я родился на Съезжинской улице, совсем недалеко от угла Рыбацкой и Большого, где находился "Яр" Чванова, а в 1904 году был еще "Яр"

на углу Гребенской и Большого, в двухэтажном деревянном особнячке, — помните? Особнячок этот сломали в 1906 году, на месте его и ныне стоит безобразная шестиэтажная махина, в ней в годы войны 1914—1918 помещались первые пять рот Владимирского военного училища. Отец мой в дни получек заходил к Чванову (так и говорили: "Пойду к Чванову", "Был у Чванова", "Надо заглянуть к Чванову"), а мать, тревожась и за жизнь своего супруга и за кошелек с двухнедельным жалованьем, посылала меня посмотреть, "как и с кем папа". Я с большим удовольствием бегал и смотрел: папа почти всегда торчал в бильярдной, держа "мазу" за одного из игроков: маза была не денежной, а бутылочной, — расплачивались пивом, водкой, коньяком. Папу я не уводил домой, — никогда не удавалось, но — мама получала точную справку и, не успокаиваясь, бежала сама и домой! Возвращалась разгневанная и в слезах: портной Илья Васильевич Борисов вручал ей рублей двадцать и конфетку в придачу, — десять рублей оставались в кассе Чванова. Кстати: ресторан существует и по сих пор, но, само собой, все не то и не так. Летом этого года я обедал там вместе с Верочкой. Паршиво, грязно, всю помещение переделано, — не поймешь, где и что из того, что мне хорошо знакомо. Да и то сказать: прошло больше полувека... Господи, какой я старший!

В феврале 1912 года я, Пяст и Блок (отец мой шил ему сюртук), на пути в кинематограф "Молния" (жив и сегодня!) проходили мимо ресторана Чванова. Помню, словно это было вчера, Блок приостановился, снял мягкую, с прямым проломом посередине, шляпу, и, держа её в вытянутой руке, перешел дорогу и напел только тогда, когда мы зашагали по панели (в те годы ещё не бытовало слово "тротуар"). Я спросил Пяста, — с чего это Александр Александрович так поступает? Блок ответил, и — буквально вот так: "Это тебя, милый и светлый, не касается. Уже сам будешь голову обнажать!" Мне понравился эпитет "светлый" — уж очень лестно было в "светлые" попасть, да еще из уст Блока, а я в 15 лет понимал и даже наизусть знал многие из его стихов. А мой отец утверждал (и даже горячо спорил), что Блок не писатель. "Какой-же он писатель, — говорил, бывало, отец, — ведь он стихи сочиняет!" Простые люди того времени писателями называли только романистов, повествователей. Авторы рассказов также писателями не называли. Отец и

про Чехова говорил, что он писателем стал только тогда, когда роман "Дуэль" (!!!) написал. "До этого он рассказы сочинял" - горывал отец. Умилительно всё это, не правда ли?"

Далее Борисов отвечает на интересующие Сергеева вопросы относительно преподавателей филфака ЛГУ, где училась дочь писателя и об общих знакомых - старых книжниках: "А теперь о доченьке моей, Верочке. Университет она посещает очень и очень охотно, не обращая внимания на то скверное обстоятельство, что почти все подружки ее по первому курсу весьма и весьма ... как бы это сказать, - ну, "невелики по уровню", что-ли. Вижу я этих подруг, - грустно. Михаил Алексеевич. Мой Веруша в сравнении с ними каким-то гением кажется. А ведь все средняя школа виновата, ничего она ребятишкам не дала, ничего не внушила, никак не воспитала. В наше время было иначе, - я, например, глубоко благодарен всем преподавателям моим: да будет им земля пухом!

Вы спрашиваете об именах на фил/ологическом/ фак/ульете/. Ну, что Вы! Какие теперь могут быть имена! Десять-пятнадцать минут назад я попросил Верушку написать фамилии преподавателей на её, первом, курсе. Вот, кто и что преподаёт: Русская литература - профессор Накогоненко (муж О.Берггольц). Античная литература - профессор Казанский. Русский язык - доцент Вл/адимир/ Ал/ександ/рович Трофимов. Логика - преподаватель Плотников. Зарубежная литература - Плавский. История КПСС - Бурмиотрова. Латинский язык - Бобович.

Верушка забыла написать об основном предмете - французском языке. Но - доченька ушла в кинематограф. Помнится мне, что и по этому предмету ничего блестящего в имени: рядовой преподаватель (женщина). На 4 и 5 курсах преподают Гейзов и Шишмарев, Плоткин и Наумов (последний б/ывший/ гл/авный/ редактор изд/ательст/-ва "Сов. Писатель", - недавно его ушли и посадили Илью Авраменко-стихотворца).

У Котова иногда бываю, но очень редко. Котов - наименее интересный из старых книжников. Да и не осталось почти никого. Шолов уже не выходит на улицу, настолько опряхлел. И.С.Наумов работает заведующим магазином на Невском - не доходя до Надеждинской (кажется, пом № 100). Подругу Рахлина нельзя же считать "книжником" - этот даже и не фарисей, а много хуже.

Страшно жалею, что в дни блокады, а именно весной 42-го года (когда мы встречались и Вы выручали меня табачком)⁶⁴ я продал в Лавку Писателей (воючке Рахлину) не менее пятисот книг — старых, редких, — таких теперь уже не достанешь нигде! Имел я редчайшее собрание Ситинских книг (сказки, романы, песенники) — числом около трехсот названий — в свое время они достались мне от Шарлеманя — моего крестного отца. Было у меня ровно 1000 листов лубка русского, гл/авным/ образ/ ом/ раскрашенных "народных" картинок. Были "Братья Карамазовы" в издании Стелловского с автографом Федора Михайловича. Соблазнило то обстоятельство, что Рахлин заплатил за него 400 р., а деньги нужны были моим птицам, эвакуированным в Галич, Костромской области. Наверное знаю, что и эта книга, и Лесков, и Левитов, и Грин, и Брюсов (с автографами! — прости мне, боже, тяжкий грех...) ушли за пределы Советского Союза. Вст, кому следовало-бы ещё побыть за кольчей проволокой (читайте: Рахлину). Нечистый, злой человек. Нало бы было мне приложения — классиков пропавать, а я — я не то делал. Но — что сделано, того не вернешь. Всё же, и сам и птицы мои живы и не-вредимы.

Не скучайте, не болейте. Дорогой Михаил Алексеевич, — Ваши друзья наверное помнят Вас и о Вас. Что касается нижеподписавшегося, то он любит и уважает Вас и всеми помыслами своими тянется к Вам. Птицы клзняются.

Истинно и не лицемерно — Л.Борисов⁶⁵.

По-прежнему, самые сокровенные мысли и чувства Михаил Алексеевич поверяет Фелину. Делится с ним своими планами и сомнениями. Столь же искренни письма Фелина. В них и желание поддерживать друга и та же, что и у Сергеева, потребность высказать свои мысли и чувства по поводу различных проблем, от философии Л.Н.Толстого до запуска первого искусственного спутника Земли. Ведь 1950-е гг. ознаменовались не только подъемом общественной жизни, но и ошеломляющими успехами нашей страны в космосе, рождавшими естественное чувство гордости и сопричастности великим событиям у советских людей. "Сейчас ночь, второй час — писал Фелин 19-20 октября 1957 г. — Но, дорогой друг Миша, я решил написать хотя бы несколько слов в ответ на большое, доброе и очень важное для тебя и меня твое письмо от 18.IX, хотелось, как всегда, сразу сделать это — написать немедленно, но непрестанно мешали обстоятель-

ства, люди по своим делам и заботам и мои собственные неотложные дела, и вот — смотрю — пролетел месяц!

Толкнуло сейчас к письму то, что читал только-что вышедший том 88—89 полн. собр. соч. Л.Толстого. Этот двойной том (целиком) обнимает переписку с Чертковым за гг. 1897—1910 (вся переписка с ним велась 27 лет). Преправь, в нем, в этом томе содержится 462 (295+167) доселе н е о п у б л и к о в а н н ы х писем! Имей в виду появление книги: тут неисчерпаемое множество всех оттенков главной темы Толстого-философа, проповедника, искателя истины. Он весь тут со своей верой и душераздирающим противоречием внутренней и внешней жизни.

Страшно выписывать отдельные строки из неисчерпаемой массы изумляющих размышлений его, но две-три строки выпишу.

"Надо хорошенько усомниться в божестве, чтобы наверно узнать его и повернуть" (1897 г.). "Ведь жизнь есть умирание. Так что хорошо умирать значит очень хорошо жить" (1905 г.).

Но многое такими цитатами не скажешь, а в переписке, чуть не на всякой второй и третьей странице, мысль останавливает изречения тончайшей и глубочайшей верности. Самое главное вот в чем: существо предмета всегда — вера, но утверждение веры воспринимается очень часто как потребность опровергнуть неверие, — свое неверие. Это только по виду — благо достижения. На самом деле — это непрерывная борьба*. Подтекст писем скорее драматический, а лишь словарь подчеркнуто благостен, смирен. "Толстовство" (кажется мне) было ему не свойственно. Он — драчун по роду и племени своему в мире мыслителей. Но ему была п о д у ш е (хотя и тяготившая иногда) роль вожака, пророка. И он смирял себя в Толстовстве, поскольку хотел оставаться учителем о у ч е н и к а м и, с последователями. Кстати (и по этому именно поводу): он так много, часто, не переставая говорит Черткову о своей любви к нему, что начинаешь в ней очень сомневаться. Чертков был ему необходим, как главарь учеников и первый проповедник. Не думаю, чтоб я тут о ч е н ь заблуждался. Какие удивительные

---

* Впрочем, в борьбе — то благо и достигается... Я хотел сказать, что по вилу Д.Т. вполне достиг своей гармонии, но в действительности борьба длилась до конца дней.

"бунты" и прорывы встречаются в его письмах против самого себя и своего ученика! И прежде всего - в философской части.

Я невольно вспоминал за чтением этой переписки о твоём письме - о том, что ты написал по поводу нового отношения своего к Толстому. Тебе будет не безинтересно узнать, что сейчас закончены все 90 томов собрания/ сочинений Л/ва/ Т/олстого/ ("Юбилейное издание") и сданы в производство три из четырех последних (т.е. пока непоставших на полке) томов. Заканчивается и четвертый к слаче в производство, - это будет 90-й том. А задержал его сдачу в производство - представь! - я. Я сделал ничтожно мало, работал, или проще - числясь в Гос. редакц/ионной/ комиссии этого издания, но одно дело мне удалось; я добился в ЦК, чтобы разрешили включить в издание ранее исключенную (из этого "полного собрания/ сочинений/") статью "Патриотизм и правительство". Она была "отведена" еще давно, когда печатались двадцатые тома, и с того времени все попытки снять запрещение оставались бесплодными. И вдруг мне удалось получить разрешение, и теперь она будет включена в 90-й том в виде "приложения" или "добавления". Из-за этого том запержался. А в общем собрание кончено. Вот-вот выйдут последние тома. Делается дополнительный 91-й том: справочный, - общих указателей ко всему собранию. Толстой будет в е с ь! Текстологи, редакторы, корректоры; типографы, осилившие создание уникального памятника этого - настоящие рыцари культуры. Это, конечно, одно из чудес мира, этот памятник*.

Я мажу и зачеркиваю. Значит очень устал. И надо отложить писание, как это ни жалко. Извини". Продолжение письма последовало только через неделю, 27/X 1957 г.: "Вот и еще нет целой недели! Где она в том смысле, что она пролетела б е с с л е д н о для настоящего труда, - нет и нет ответа... Если т ы пишешь, что "разбрасываешься, теряешь ... обичную деловитость", то что сказать обо мне, которому деловитость никогда не была обычна? Сколько разбросано сил - не счесть. А что сделано? Хочу возразить тебе решительно: мне никак не может быть ни "скудно", ни "неинтересно" чтение твоих литературных планов, твоих мечтаний

---

* Конечно в нем, в этом чуде, встречаются ошибки, естественно, если принять в расчет текстологические трудности, иногда крайнюю спешку выпуска тома, иногда их замораживание на годы...

и вообще — чего бы то ни было т в о е г о. И я с огромным интересом отнесся к понятному мне замыслу окончить громадный труд изучения народов Севера теоретической или обобщающей работой. Не только широтой познаний и универсальностью подхода к теме, но и особенно своим собственным углом зрения на нее ты призван, конечно, более чем просто "крупный ученый!", рассказать русскому читателю о чуде, совершившемся на нашем Севере за эту новую эпоху — от "дикаря" к сочлену социалистического общества. То, что ты набросал в письме о народных богатствах в области права, религии, морали, воспитания, искусства, — богатствах, видимо, еще сожителствующим с зачатками новой, привитой в наши дни культуры — в высокой степени примечательно. Если бы ты понемногу писал эту итоговую книгу — было бы чудесно.

Я уже прежде писал тебе о твоём плане воспоминаний: он просится, чтобы ты его не забрасывал. Если увлечешься — ради него можно отложить все. Если будешь пописывать понемногу, от одной заметки к другой, книга образуется как цепь — из звеньев. О славянофилах. Не покажется ли тебе нетрудной предварительная, либо попутная с прочими замыслами работа над (своего рода) "путеводителем" по славянофильству в разрезе историко-культурных характеристик? Канвой могла бы послужить задача научно-библиографическая. Мысль пришла мне на ум в связи с твоей оговоркой в письме, что ... 9/10 того, во что выльется эта моя работа (о слав/янофи/лах) будет абсолютно еретическими, а, право, жаль. Конечно, жаль! Но если не замаскироваться сразу на исчерпывающую связь, на соединение в целое в с е г о накопленного материала, а идти от одной задачи к другой, то — глядишь — и две, и три, четыре десятка плана окажутся несколько не "еретическими". Научная библиография, в таком смысле, даёт некоторые решения. Например/, аннотирование данных литературы характеристиками биографии авторов книг, статей, очерками кружков, обществ и т.д. А ведь, в конечном счёте, подобная работа, будучи для тебя как бы прологом к будущей книге, была бы очень нужна и науке, и читателю.

Словом, я хочу сказать: не пугай себя грандиозностью затей и замыслов, а делай в о е понемногу. Увлечение работой само определит — к а к о й книге дать предпочтение, что делать сегодня, а что завтра.

У нас, русских, есть национальный недостаток: гигантомания. Из-за нее многие писатели наши оставили нам в наследие целые библиотеки незавершенных работ. Интересно, что Л.Толстой всю свою религиозно-философскую задачу решал шаг за шагом и сделал, в сущности, больше многих деятелей этого плана, старавшихся создать всеобъемлющие трактаты и сочинения. Универсализм учений, доктрин, столь соблазнительный для каждой "мыслящей личности" и коварный на практике, редко достижим именно в силу своего соблазна, своего коварства. Я говорю по аналогии с опытом писателя: мы часто хотим сказать "обо всем" и потому не можем сказать ничего.

Тебе, наверно, смешно, что я выступаю советчиком. И правда, это не мой жанр. Получается — чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу... Не сердись за непрошенные разглагольствования.

Шлю тебе (почти к слову) программу с именами комиссаров Петрогр/адского/ военно-револ/юционного/ комитета — участников Окт/ябрьской/ революции. Мож/ет/ быть найдется, вспомнятся какие-нибудь старики и напомнят о былом? (Я не слушал их выступлений).

Что сказать о твоем особенно интимном признании в письме (по поводу моих сборов в Саратов, которых помешали гриппы: у нас в доме переохворали пятеро, я в их числе), я должен, в свою очередь, признаться о своем "ослеплении дерзким челоначеством", давно поставившим "высокомерный разум" на место веры. Искусственный спутник Земли с его равнопоском, который я дважды слушал, взбудоражил все мои чувства, как уже давно ничто их не будоражило. Недели полторы я должен был возвращаться все время к мысли об этом пискуне-новорожденном, первые дня три ходил сам не свой, пока не разрядил свое возмущение статейкой (быть может и глупой, как всякая непосредственность в журналистике). Не суди меня, но я искренно говорю тебе, что когда я вычитал о событии в газете, мне было бесконечно странно и восхитительно, что пришлось дожить до такого дня*.

---

* При этом тебе известно мое равнодушие к технике и моя неграмотность... Здесь пело было в изумлении перед правотой дерзости челоначеской.

Да, ты прав: "пора подумать о себе", — и во всех отношениях. Ос избе я не так уж редко думаю. Но не странно ли, друг мой, имея два дома, мечтать о третьем? И, однако, что так. Только не придется ли вдобавок заводить еще п а р у т р а к т о р о в, чтобы они возили меня в избу по нашим русским проселкам?

***

После гриппа моего, протекавшего двумя турами, замечаю столь частые сердцевинны, которых не знал прежде. Болезнь и началась с сердечных перебоев. И они пока не проходят. Самочувствие вообще неровное, но угнетают меня не столько болезни, сколько вмешательство внешней жизни (из-за пределов моих частокolon) в личные планы и разрушение ею этих благонамаренных планов. Уже сама оборона от нападений требует огромного расхода нервного топлива. Уже на носу середина ноября (не говорю о празднике!), когда должен отчитываться на паревыборном собрании москвичей-писателей, и многое придется сказать на потребу дня. Мечта моя сильнейшая — отказать от председательской ноши, которая так дорого стоила мне прошедший год...⁶⁰ Не гожусь я для этих боев и перекорков, и не хочу быть прикритнем, вывеской и козлом отпущения. Устал. Да глупо на 66-м году жизни носить короткие штанишки и подставляться под сечение при всякой смене погоды. Но отказаться от "чести" не так-то легко. Крест, взваленный на меня, сам же я и вытасал!

А ты, друг мой, пишешь, что я "построил" "по-настоящему хорошую, достойную, разумную жизнь"... Разума-то в ней как раз и недостает...

Я четыре месяца не бывал в Союзе. Воронков был в отпуске, когда пришло твое письмо. Сейчас он вернулся. На этой неделе я с ним увижусь и постараюсь толкнуть дело о пенсиях Тютчевым⁶⁷. Не брани меня. Не с кем было говорить по саго дня. Лично я не владею ключами "аппарата", который только и может добиваться результата обращений в высокие сферн.

Обнимаю тебя крепко. Поклон Людмиле Ивановне. Твой К.
P.S. Куда послать письмо? В Морозовичи? в Питер? Гадаю, жалко будет, если затеряется⁶⁸.

Сверху письма приписка: Миша, когда тебе исполнится 70? Черкня".

70 лет Михаилу Алексеевичу исполнилось 31 марта (12 апреля) 1958 г. Все чаще случаются болезни и уже тяжело стало ездить на дачу в Морозовичи Новгородской области. Подвоятся и некоторые жизненные итоги. Прожиты бурные 1950-е гг. Что принесет новый десятилетие? На пороге 1960 г., 3 декабря 1959 г. К.А.Фелин пишет М.Сергееву: "Милый, милый друг Миша! Как хорошо, что к письму своему ты приложил фотографию! По моему неточному счету не выдалось ми с тобой пять лет (последний/ий/ раз в Ленинграде я был в начале, кажется, 1955 года). Для наших лет - срок колоссальный! И хотя я хорошо сохраняю образ твой в памяти зрительной и душевной, но видеть тебя также и в "светотени" очень приятно и дорого. У меня до сих пор была и сохраняется только одна крошечная твоя фотография - снимок с рисунка, не знаю теперь - чьей работы, - ты дал мне её еще в 20-х годах, на Литейном.

Твоя арифметика словно-бы вполне точна: общению, дружбе нашей 37 лет. Почти наверно познакомил нас И.И.Ионов в своем кабинете, году в 21-22 м. Во всяком случае, до выхода "Городов и годов", т.е. до 1924-го. Но почему-то памятен мне наш сердечный разговор и твой душевный отзыв о "Городах" именно по о л е выхода романа и в том же самом кабинете Ионора.

Так или иначе - счет велик и... пусть он будет еще больше! Как бы велик он ни был, чувство наше друг к другу не избудется никогда. За себя говорю это уверенно, а в тебе ни разу в жизни не усомнился.

Да, прошло и сплыло много за это время. Вступаем в 60-е годы великого и страшного века. Как это звучит - 60-е годы - для века прошлого! Перелом эпохи, приход жизни, оплаченной горькими жертвами столетий, пламя надежды и жгучий пепел разочарования, и все-таки, все-таким каков коренястое наследие получили все мы, русские, от той драматической поры, как она нас обогатила!... Что дадут нам новые 60-е годы и что в силах дать им мы?...

Ну, извини этот попутный комментаторский вздох к русской истории.

Хочу сказать совсем о другом: о том, что взволнован твоим письмом, болезнью Людмилы Ивановны, твоей горестью о ней, твоим новым трудным недугом в одиночестве Кутузовской набережной.

Передай Людмиле Ивановне самые живые, горячие пожелания выздоровления. Хотелось бы, скажи ей, чтоб она обошлась без хирургии, а перемогла бы болезнь настойчивостью воли жить и бить с тобой, как прежде, на протяжении долгих лет. Тебе шлю овою уверенность в том, что и эти напасти, как бы ни были они сплочены у ворот не толпились округ судьбы твоей, минут и зарубцуются. Вспоминая пословицу о "скрипучем" дереве (применительно к себе тоже), надеюсь твердо и не один еще раз по-идать с тобой и уютно, и не "сухо", а согреваясь теплотой застойной утешительницы, к которой прибегают все веры, все религии.

Я чувствовал, что ты нездоров, п.ч. не получал долго ответа на письмо. Впрочем, допускал, что оно не получено тобой, что ты уехал из Морозовичей (так и вышло, но только наполовину: тамошние почтовые труженники соблюдают, вероятно, привержанность к тебе на веки вечные). То, что ты расстался со своей хатой, конечно, жалко, обидно, грустно. Но ведь, согласишься, в морозовичском бытовании было слишком много неудобств, а не одни радости*. Переезды становились все мучительнее. А описанная тобой перевозка больной Людмилы Ивановны — это античный эпос, и слава богу, что Одиссея закончилась благополучно. Если бы не эти трудности, я наверно соблазнился бы уединенностью твоей тачки и был бы из первых претендентов на покупку её у тебя. Многие причины толкают меня подумывать о приобретении "собственности", — до сих пор не владел, как ты знаешь, никакой недвижимостью, и устал находиться на выходных ролях арендатора (тоже, ведь живу в Переделькине 25-й годик!).

Прошедшее лето уже приобрел оседлость в Карачарове: там, по смежеству с дачей Ив/ана/ Серг/еевича/ Сок/олова/—Микитова, мне отведен участок под строительство домика — на самом берегу Волги. Однако, там тоже не все приспособлено к тихому житию, хотя с прокормлением пока удобно, ибо в неподалеке находящемся доме отдыха можно покупать кое-что из продуктов. Какова связь Карачарова с Москвой, тебе известно от Ив/ана/ Серг/еевича/ — она, разумеется, легче, нежели у тебя с Морозовичами, но тоже не из

---

* В середине этой фразы обведен кружком след от папиросы со словами: "как вл. льш! Покуриваю".

самых легких. Впрочем, нынешним летом, я, вероятно, приму окончательное решение — строиться или нет.

На-днях тебе должны занести пакет с моими книгами — давно обещанные томики немецкого собрания (вышли уже шесть; в конце X-го ты найдешь весь план издания). Увы, девятый* том пока еще далек от того, чтобы быть объявленным в составе собрания, но я "рискнул", — он объявлен и в русском издании (восьмым томом). И сделал я это, чтобы подстегнуть себя в работе. Как я писал тебе, решился я послать тебе немецкие переводы только ради демонстрации печатной и художественно-оформительской техники лейпцигской полиграфии, а не ради своей похвальбы: хвалиться-то нечем, все старые вещи — старые и для немцев. Зато на полочке книги очень декоративны. Не захочешь яркости, пестроты суперобложек — можешь снять их и удовольствоваться корешками переплетов, также по-своему приятными. Из состава же томов большую радость доставляет мне только п о л н ы й перевод воспоминаний "Горький среди нас". Это — первая полная публикация после нашего издания 1943-44 гг. — в советских перепечатках появились до сего дня лишь отрывки из этой вещи, — она все еще ходит в "полузапрещенных" что-ли... Не дивись переводу названия романа "Костер". Слово это непереводимо в нашем общем смысле, а переводится либо как костер-эшафот, либо костер — "пионерский". Я помучился с этим делом, подбирая название и с переводчиками германскими в Берлине, и с нашими в Москве. В конце концов общепризнано, что "Пламя" ("Die Flamme") ближе всего к моему замыслу**.

Разумеется, барбюсовское "Пламя" причинило мне неприятные колебания, но надо было решиться, и делу венец... Венца нет только роману!...

Пакет занесет тебе наша домработница Вера, поехавшая в Питер к родным, гулять на свадьбе, к книгам я приложил свою фотографию, как-бы ответную на твою или "объенную", но прежде всего в знак любви к тебе и запечатление мной тебе преданности

---

* Под этим словом снова обведен след от папиросы.

** А смысл "Костра", как названия и темы романа, раскрывается в эпиграфе к нему. Это старое изречение: "Ветер задувает свечу и раздувает костер..."

<...> . Целую тебя Твоей Конст. Ф."

Приписано на полях: "Ив/ан/ Серг/еевич/⁷⁰, к несчастью, болен, жалуется. Если все будет ладно, соберусь к нему в Карачарово опя з зимой. И все старалась высвободиться от "нагрузок": удалось (с трудом) отвёртеться от поездки в США - должен был возглавить писат/ельскую/ делегацию, но сейчас переложили эту миссию на Твардовского. За истекший год я отказался от поездок в Италию, Грецию, Швецию и теперь США. И счастлив. А ведь прежде пешком пошел бы в эти страны! Кроме США, впрочем"⁷⁰.

1940-е гг. для Михаила Алексеевича хоть и осложнились разными недугами, но тем не менее были плодотворными. Он по-прежнему много работает по северной тематике, пишет воспоминания, и общение с ним по-прежнему доставляет радость людям. Приносит огорчения уход из жизни старых друзей, но есть и приобретения. В 1963 г. он знакомится с Федором Абрамовым. Их отношения не суждено было долго продолжаться. 12 мая 1965 г. Михаил Алексеевич скончался. В архиве сохранилось всего 5 открыточек от семьи Абрамовых, но они полны теплы и сердечности. Вот самая первая от 31 декабря 1963 г.: "Дорогой Михаил Алексеевич! Старый уходящий год оларил меня большой радостью - встречей и знакомством с Вами. Хочется думать, что новый год будет еще щедрее - подарит мне Вашу дружбу.

Желаю Вам крепкого-крепкого здоровья и всяческого счастья. Ф.Абрамов. Новогодний привет и лучшие пожелания Людмила Ив."⁷¹

В чем заключалась притягательная сила Михаила Алексеевича? Почему столь многие люди чувствовали необходимость общения с ним? На эти вопросы лучше всего ответил К.А. Гедин, приветствуя друга в год его шестидесятилетия: "<...> с радостью сердцем поздравляю тебя и крепко целую! Есть в этом услада и даже гордость, что вот вопреки всяким жизненным незадачам, наперекор самым коварным болезням, составляющим недурную коллекцию, прожить так много лет, наполненных действительно богатым и большим содержанием! Говорю тебе совсем не "юбилейно": если бы, скажем, я не встретил тебя в жизни, самое понятие мое о Человеке (и особенно о Русском) намного укоротилось бы и обеднело. То, что ты вложил своим бытием в мое представление о человеке р у с с к о й мысли, о нашем интеллигенте в прямом, а не пресловуто-ироническом понимании, я е з а м е н и ю для меня. И я тебя за это твое бытие благодарю. Пусть это и будет моим поклоном приветва к твоему 60-летию!"⁷²

Постраничные комментарии и примечания

1 Ф.1109, ед. хр. № 1235. Л.1 (В дальнейшем будут указываться только номера единиц хранения и листов, так как все публикуемые материалы из одного фонда). Наум Михайлович Рензин (ум. 1936), зав. типографией.

2 № 1189. Л.4-4об.

3 Там же. Л.6.

4 Имеется в виду писатель Михаил Леонидович Слонимский (1897-1972).

5 Речь идет о работе над романом "Братья".

6 № 1189. Л.12-13об.

7 "Наталья Тарпова" - роман С.А.Семенова, вышедший в "Прибое" в 1927 г. Сергеев вряд ли любил это произведение, так как был обижен на Семенова: один из персонажей романа был, по выражению Сергеева, "пасквилем" на него.

8 Имеется в виду статья А.М.Горького "О возвеличенных" и "начинающих" в "Известиях" за 1 мая 1928 г., где Горький критиковал выступление А.Безыменского, В.Маяковского и др. по поводу стихотворения И.Н.Молчанова "Свидание".

9 Возможно, имеются в виду литографии ее портрета работы Г.С.Верейского.

10 № 1235. Л.8-10об.

11 Речь идет об издании двухтомника А.А.Ахматовой в Издательстве писателей в Ленинграде. Издание не состоялось.

12 № 1189. Л.32-33об.

13 Поездка по Украине с 6 по 30 мая 1928 г. была организована Госиздатом совместно с Литфондом. Кроме Фелина, участвовали ленинградские писатели Б.А.Лавренев, Ю.Н.Либединский, М.Э.Козаков и И.И.Садофьев.

14 № 1189. Л.35-39об.

15 Имеется в виду Издательство писателей в Ленинграде.

16 № 1127. Л.3.

17 К.А.Федину в связи с работой над романом "Похищение Европы" понадобились специальные сведения о лесной промышленности и он искал компетентное в этой области лицо. Сергеев познакомил его с одним из руководителей "Экспортлеса" Иваном Генриховичем Лютером, который и оказал ему помощь.

18 № II89. Л.52-53об.

19 № II34. Л.1.

20 Там же. Л.2.

21 Пояснение Сергеева: "в письме о книге для II т. Петра не вернул". № II74. Л.5, 8.

22 В.И.Мордвикина.

23 Иван Михайлович Москвин (1874-1946), актер МХАТ а, в 1937-1946 гг. депутат Верховного Совета СССР.

24 № II91. Л.15-19об.

25 Мать жены К.А.Федина.

26 № II91. Л.43.

27 Узон - собака Сергеева.

28 Зоя Александровна Никитина (урожд. . девич), литературно-издательский работник, жена М.Э.Козакова; Михаил Эммануилович Козаков (1897-1954), писатель.

29 Очевидно, здесь ответ на суждение М.А.Сергеева о позициях писателей Александра Андреевича Прокофьева (1900-1971) и Виссариона Михайловича Саянова (1903-1959) в период августовского постановления ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград" и выступлений в Ленинграде Хданова.

30 Варя - внучка Федина.

31 № II91. Л.77-80об.

32 Там же. Л.83-83об.

33 Козаков М.М. Записки на песке. М., 1986. С.6.

34 По-видимому, описка в отчестве: речь о Симоне Михайловиче Рыссе (1896-1968), враче, чл.-кор. АН СССР.

- 35 Агаша — домработница Сергеевых.
- 36 № 988. Л.2-2об.
- 37 Речь идет о тюрьме, куда была заключена Э.А.Никитина из-за финансовых нарушений в системе Литфонда.
- 38 Площадь Урицкого (Дворцовая площадь). Там помещалось Ленинградское управление НКВД.
- 39 Александр Григорьевич Дементьев (1904-1986), критик, литературовед.
- 40 Имеется в виду К.А.Федин.
- 41 Названы писатели, ходатайствовавшие в защиту Э.А.Никитиной; восклицательные и вопросительные знаки около фамилии Б.А.Лавренева, возможно, означают, что он не входил в число близких людей и его письмо было неожиданностью.
- 42 Речь идет, по-видимому, о двухтомнике М.С.Соколова-Никитова, вышедшем в 1950 г. в Госиздате. Сергеев по просьбе автора должен был написать вводную статью. В издании статьи нет. Об участии Никитиной в этом издании сведений также не найдено.
- 43 № 988. Л. II-12об.
- 44 Эвенкийские сказки /Собр. и обраб. М.Пинегиной и др.; Ред. и вступ. ст. М.А.Сердеева. Чита, 1952.
- 45 "Ермак" — роман Е.А.Федорова.
- 46 № II94. Л. I.
- 47 "Каштымский зверь" — историческая повесть Е.А.Федорова.
- 48 № II94. Л. 5.
- 49 № 742. Л.4-4об.
- 50 Там же. Л. I3-14об.
- 51 Имеется в виду книга С.М.Бытового "Быль о жень-шене", вышедшая в библиотеке "Огонька" (№ 35. М., 1954).
- 52 № 641. Л. I5.
- 53 № II27. Л.29об.

- 54 По-видимому, Шарфиг Ханс.
- 55 Ида Исаковна - жена М.Л.Слонимского; Сережа - сын, ныне композитор С.М.Слонимский.
- 56 № II27. Л.47-18об.
- 57 № 924. Л.2.
- 58 Там же. Л.5.
- 59 Имеются ввиду события, связанные с "Суэцким кризисом" и известными событиями в Венгрии.
- 60 М.Л.Слонимский.
- 61 Э.Ф.Берггольц.
- 62 О.А.Журавина.
- 68 № 924. Л.9-10об.
- 64 Подробно блокадные встречи с М.А.Сергеевым Л.И.Борисов описал в книге о своей жизни: Родители, наставники, поэты... 3. изд. М., 1972. С.113-115.
- 65 Леонид Ильич Борисов (1897-1972), прозаик.
- 66 К.А.Федин в 1957 г. занимал пост председателя правления Московской писательской организации. Как раз в это время разразился скандал с публикацией за границей романа Б.Пастернака "Доктор Живаго". Несмотря на выраженные в письме сетования на тяготы своего положения, Федин остается на председательской должности, а в 1959 г. становится первым секретарем СП СССР.
- 67 Тютчеры, потомки поэта Ф.И.Тютчева. Хлопотали об увеличении пенсии.
- 68 № II92. Л.26-29об.
- 69 И.С.Соколов-Микитов.
- 70 № II92. Л.63-64об.
- 71 № 589. Л.1.
- 72 № II91. Л.85.

"СОЗДАТЕЛЬ РУССКОЙ НАУКИ О СИМВОЛИЗМЕ"

(материалы из архива Д. Е. Максимова)

Архив Д. Е. Максимова (1904–1987) по праву хранится в Публичной библиотеке рядом с рукописями любимых им поэтов и писателей. Особым даром Максимова – ученого–литературоведа было умение соединить "жар души" и "хлад ума" – строгие научные штудии о любви и человеческой заинтересованностью теми людьми, о которых он писал. "Русским символизмом" он стал заниматься в начале 1920-х гг. не случайно – в стихах А. Блока и В. Брюсова, повестях и романах А. Белого и А. Ремизова Дмитрий Евгеньевич улыбался ту музыке, которая была созвучна его душе.

А. Ахматова назвала опнажды Максимова "последним царскоселом", для младшего же поколения он был и одним из последних настоящих "старых петербуржцев", человеком старой культуры, еще помнящим дореволюционную Россию и похороны А. Блока, встречи с А. Белым, А. Ахматовой, Б. Пастернаком, Н. Заболоцким, К. Вагиновым, К. И. Чуковским.

Материалы, хранящиеся в архиве Максимова (ф. II36), отражают весь его жизненный путь. Детство в Царском селе и в Петербурге с отцом Е. Д. Максимовым – профессором–экономистом и автором литературных очерков (псевдоним "Слободанин") и братьями: старший из них – впоследствии известный некрасовед В. Е. Максимов. (Мать умерла, когда Дмитрию Евгеньевичу было шесть лет.) "Совершенно особенный, набоковский дух детства", – говорил об этой поро Дмитрий Евгеньевич. 1920-е гг. – это Петроградский – Ленинградский университет и первая большая опубликованная работа о символистской журналистике: Журнал "Северный Вестник" и "Новый путь" (раздел в книге В. Е. Евгеньева–Максимова "Из прошлого русской журналистики". Л., 1930).

В 1930-е – начале 1940-х гг. – это работа корректором в издательстве Академии наук, ссылка в Туруханский край, работа в Петрозаводском университете, и первые статьи о Блоке и Брюсове, о которых сам Максимов писал: "Какъсь, я не уберег себя и свои писания от некоторого вполне чистосердечного социологического перекося", но "в сущности моя тема была полулегальной"¹.

И сейчас мы можем сказать, что даже то, что в то время Максимо-
ву удалось отстаивать сами имена символистов – его исследова-
тельский подвиг. Об этом 20 октября 1986 г. писал ему Ю.М. Лотман:
"... Вы создатель русской науки о символизме. В это. Ваша истори-
ческая заслуга. Когда Вы начинали изучение, это были еще область
критики или случайных высказываний, и Вы сделали из нее раздел
науки с богатой традицией, школой, учениками и учениками учеников.
И это вводит в историю символизма. <...> Вы стояли рубез тогда,
когда он был почти всеми покинут, и именно благодаря Вам возможно
сегодняшнее бурное всемирное изучение русского символизма..."²

В 1940 г. на кафедре русской литературы филологического фа-
культета Ленинградского университета Максимов защищает диссерта-
цию по теме "Поэзия Брюсова", которая в этом же году вышла в
издательстве "Советский писатель" отдельной книгой. В это время
он был преподавателем одного из самых демократичных (недолго про-
существовавшего) учебных заведений Ленинграда – Института им.
М.И. Покровского. В Ученых записках института напечатаны многие
его работы.

Во время войны, в эвакуации, Максимов преподает в Ивановс-
ком и Казанском университетах. В 1945 г. он становится сотрудни-
ком Института русской литературы (Пушкинский дом) и начинает
работу в Ленинградском университете, с которым будет связано
40 лет его жизни. Здесь под руководством Максимова защищено мно-
жество дипломов и диссертаций, и что гораздо важнее, из "блоков-
ского семинара" вышло несколько поколений ученых, школьных и ву-
зовских преподавателей, поэтов, критиков, библиотекарей, музейных
работников, которые с гордостью называют себя "учениками Максимо-
ва".

Хотя сам Дмитрий Евгеньевич настойчиво утверждал, что никакой
школы он не создал, так или иначе, его работы, отмеченные особым
научным и писательским стилем, основанным на отказе от "дурного
и слепого академического безразличия" и всегда обращенные к ду-
ховным вопросам, – образец литературоведческого исследования не
только для его прямых университетских учеников, но и для всех,
кто вслед за Максимовым пишет о Блоке, Лермонтове, Брюсове,
А. Белом.

Публикуемые нами письма к Максимо­ву отражают все сказанное о его творческом и человеческом пути. Письма К.И.Чуковского – сви­детельство постоянного внимания к работам Дмитрия Евгеньевича: в каждом из них содержится оценка той или иной его новой статьи или книги на фоне советского литературоведения в целом на протяжении тридцати лет (первое письмо написано в 1937 г., последнее – в 1968 г.). Чуковский так же, как и П.А.Павлович и К.И.Бугаева (жена А.Белого) были людьми, к которым Максимов обратился в са­мом начале своих занятий русским символизмом для того, чтобы через общение с ними воссоздать для себя живой облик писателей, творчеством которых он занимался. Письма Павлови – ответы на вопросы о Блоке. Из девяноста мы выбрали три письма, в которых она пишет о последних днях жизни поэта. И привелит слова послед­него старца Оптиной пустыни Нектария (у которого она подолгу гостила), сказанные им в 1921 г.: "Напиши его матери, чтобы она была вполне благонадежна – Александр в раю".

Письма Б.Л.Пастернака – отклик на стихи Максимова, которые он писал всю жизнь, но нигде не публиковал. В 1982 г. в Швейцарии в издательстве "L'Œge" под псевдонимом Игнатий Карамов вышел без ведома автора единственный небольшой сборник "Стихи". Для Пас­тернака так же, как и для Ахматовой, стихи Максимова были "иного склада и направления", в них не было, по словам самого Дмитрия Евгеньевича, "золотой меры гармонии и жестокой правды" и "пафоса лю­бования жизненной стихией" – они были рассказом о жизни "в ее бо­лезни, угловатости, в ее угрозах, порчах, в ее неразрешенности, в ее ущемлении...". Поэтому, исходя из своего "склада и направления", Пастернак советует не делать "из этой склонности вопрос судьбы или решающего выбора" и с восторгом и похвалой пишет о литературовед­ческих работах Максимова.

Все публикуемые материалы можно назвать "творческой лабора­торией ученого", потому что все, что писал Максимов, рождалось не только из одиноких раздумий в тишине кабинета, но и из напря­женного (собеседником Дмитрий Евгеньевич был очень неординарным) общения с людьми.

Письма П.А.Павлович публикуются с купюрами тех строк, кото­рые имеют только бытовой характер, из переписки с К.И.Чуковским мы исключили 2 открытки (делового, практического характера) и

последнее письмо от 6/УП 1968 г., повторяющее содержание предыдущего письма (отзыв А.Блока об Ахматовой). Три письма Б.Л.Пастернака публикуются полностью.

В конце публикаций приводятся постраничные комментарии и примечания автора статьи. Примечания авторов писем или Д.Е.Максимова к адресованным ему письмам даются в подстрочных примечаниях с указанием их авторской принадлежности. В качестве знака сноски для этих примечаний применяется звездочка (*).

I. Письма К.И.Чуковского

I.

/1933 или 1934 гг.?

Пожалуйста, многоуважаемый Дмитрий Евгеньевич, пользуйтесь этими цитатами как Вам угодно. Очень жаль, что не могу Вам сейчас служить письмами секретаря редакции "Весов" Ликиардопуло, который сообщал мне из недели в неделю бытовую историю тогдашних символистских кругов⁴.

Привет Владиславу Евгеньевичу.

Преданный Вам К.Чуковский.

2.

24.УП.1937.

Дорогой Д.Е.!

Спасибо за книжку "Литературной учебн"⁵. Очень рад, что Вы продолжаете работать над этим трудным писателем. Многие Ваши отдельные замечания (разбросанные здесь и там) верны и свежи, но не покажется ли Вашему читателю, что литературная критика заключается исключительно в выяснении политич/еских/ убеждений данного автора? Мало - о поэзии, о творчестве. Мало - о самой личности автора. Но, конечно, все это придирки, а в общем... это ведь начало большой книги?

Ваш Чуковский.

3.

9. IY. 1947.

Дорогой Дмитрий Евгеньевич!

Отвечаю Вам с большим опозданием, т.к. затерял было Ваш адрес. "Холодность" моего письма объясняется отнюдь не моим отношением к Вам, которое всегда было дружеским, а моей болезнью. Я чувствовал себя очень плохо, когда писал Вам, и через силу держал перо.

Желаю Вам доброй удачи. Мне и сейчас не очень-то здоровится. Простите.

Ваш Чуковский.

4.

17. П. 1955.

Многоуважаемый Дмитрий Евгеньевич.

Сейчас у меня большое горе: опасно заболела жена, и я не отхожу от ее постели уже несколько дней. Поэтому я, к сожалению, не имею возможности прочитать Ваш этюд о Лермонтове⁶, тема которого живо интересует меня. Перелистывая присланную Вами брошюру, я вижу, что привлекли очень большой материал, который до сих пор не привлекался никем — но оценить Вашу работу и сейчас я не в силах. Простите.

Спасибо за память.

Крепко жму Вашу руку.

Искренне преданный К. Чуковский.

5.

1956 г.

Дорогой Д. Е.

Целый день читал Вашу книгу о Брюсове⁷ и вновь убедился, что это отличная книга. Если бы лит. критика была у нас на высоте, эта книга вышла бы тоже пятым или шестым изданием — после десятка журнальных похвал.

На Ваши вопросы я, к сожалению, сейчас не могу ответить пространно — очень сейчас поглощен одной работой — скажу только, что Любовь Дмитриевна читала "12" отчаянно, с какой-то "погибельной удалью", словно она сопричастна их страстям и безумиям.

В ней (когда она выступала с чтением этих стихов) было что-то

от Катюхи - это привлекло Ал/ександра/ Александровича. Однажды, когда она - в Доме Искусств - закончила чтение и ушла в артистическую - Блок (не заметив, что в артистической нахожусь я) вошел туда и направился к "Любе" с такими влюбленными, восторженными глазами, каких я никогда у него не видел. Сам он не читал "Двенадцати" - "у меня не выходит" - но "отчаянное" чтение Люб/ови/ Дм/итриевни/ считал превосходным.

Впоследствии (особенно после смерти Ал.Ал.) Любовь Дм. сильно деградировала, была сбита с толку другими влияниями и конечно позднейшая её интерпретация "12"-ти сильно отличалась от ранней. У меня сохранилось изд/ание/ "12" с такой авторской надписью:

Корнею Чуковскому

А.Блок

Ю.Анненков

Это не было бы, если бы Блок не считал рисунки Анненкова вполне адекватными содержанию "12-ти".

Но, увы, у меня нет больше ни минуты.

Ваш К.Чуковский.

6.

17.УП.56 г.

Итак, дорогой Д.Е., Вы окончательно вгрызлись в символист-тов. Очень любопытны Ваши публикации и о Брюсове в - тем паче! - о Блоке⁸. Насчет Брюсова: даже в пору своей близости с Бальмонтом он поощрял меня писать о погрешностях переводов Бальмонта (из Шелли) и привез мне из Москвы эти переводы^{*}, дабы я изругал их в "Весех".

Относительно Блока - все в Ваших публикациях ново и (для меня) захватывающе интересно, и письмо Л/юбови/ Д-ни, и книга "Дневника" с пометами Горького. О Кольцове⁹ тоже интересно. Но это для Вас случайный материал, а те две статьи в самом центре Ваших исследований. Вообще Ученые записки Ленинградского педагогического института кажутся мне очень ценными. Лучше многих жур-

---

^{*} В изд. "Знание". - К.Ч.

налов, научите, как организовать их получение.

Я сейчас работаю над Слепцовым. Нет ли у Вас каких-нибудь материалов о нем?

Ваш К. Чуковский.

7.

30.7.56.

Спасибо, дорогой Д.Е., что не забыли меня. Не знаю, как для "широкого читателя", но для меня статья Ваша сенсационно жгуче интересна. Не понравилось мне только заглавие, слишком скромное и завуалированное¹⁰. Больше всего полюбились последние страницы.

Итак, мы вместе (если я останусь в живых) будем работать над Блоком. Готовитесь ли Вы к изготовлению тома прозы?¹¹

Ваш К.Ч.

Итак, Вы еще не в Союзе¹².

8.

25. I. 1957.

Дорогой Д.Е.

У Бориса Крутецкого* было несомненное дарование. Стих у него легкий и меткий. Первая страница - не детская: она вся посвящена описанию. Дети же ненавидят описательство. Им интересно, что делает предмет, а каталог его качеств ("розовый и влажный нос", "важный /?/ хвост") не может быть для них привлекателен. Так что первую страницу придется похерить и начать прямо со второй. Вторая страница хороша: все эти единоначатия "Таня и Вася", "Таня и Ваня" - и прекрасные по своей четкости строчки:

А у Бычишки

Ня мяча нет, ни киятки...

Очень жаль Бычишку. Все мы сочувствуем детям, отвызавшим Бычишку, отпустившим пленника на волю. Но вот оказывается, что воля вредна, что отпускать Б-ку на волю не следовало, нужно было держатъ его на веревке - "да здравствует веревка!"

* Борис Александрович Крутецкий - ленинградский учитель, поэт, погиб на войне в 1941 г., автор поэмы для детей "Бычишка". - Д.М.

И все это так убедительно, словно автор задался специально целью доказать опасность, "гибельность" свободы.

Итак: стих очень хорош, но идея произведения противоречива и сбивчива. Сначала нам внушают жалось к бычку, ненависть к его веревке, а потом говорят: так ему и надо.

К чему рабам дары свободы? Так взглянул на это дело и Деггиз. Если бы автор был жив, он легко бы переделал свой рассказ, но теперь, к сожалению, эта талантливая вещь останется под спудом. Мне кажется, что если начать со стиха:

Солнце жарко светит днем

(то есть дать только одни проказы Бычишки) стихи могут быть приняты. Не ручаюсь за успех, но попробую дать их в Календарь на 1958 г. Спросите у родных Кр-ого, огласны ли они на такую хирургию. Спасибо за отклик о Блоке¹³. Очень, очень интересно. Я хоть и знаю почти весь материал, но в совокупности фактов получилось у Вас нечто новое, никому неизвестное. Я пытаюсь кропать воспоминания об Ал. Ал., но как будто ничего не выходит. Написали ли Вы воспоминания о Владиславе Евгеньевиче?

Ваш К. Чуковский

9.

23.I.1957.

Дорогой Д.Е. Я был бы счастлив исполнить Ваше желание, но сейчас исчерпан мой кредит: я сразу подряд (в одну неделю) отрекомендовал 4-х товарищей, - и создалось такое впечатление, что мои рекомендации очень дешевы или вернее ни черта не стоят. Поэтому я прошу Вас либо повременить, когда мой престиж (в этом отношении) подымется (через месяца два), либо отказаться от меня. Мне жаль писать это именно Вам, но ничего не поделаешь*.

10.

9.IX.57.

Дорогой Д.Е.! Спасибо за прелестного Лермонтова! За статью о нем¹⁴. За комментарии! Но я никогда не соглашусь о тем принци-

* Подписи нет. Речь идет о рекомендации в С/юз/ П/исателей/
- Д.М.

дом, по требованию которого худшие стихи печатаются в первом томе, а лучшие во втором. Мне кажется, нужно было выполнить волю Л-ва: напечатать раньше всего отобранные им оамим стихи, а уж потом в виде дополнения все остальное. Уверен, что Вы согласны со мною.

Ваш.

II.

1958(?)

Дорогой Д.Е.

От души поздравляю. Я с радостью послал бы Вам книжку "Воспоминаний"¹⁵, но, во-первых, ее почему-то расхватили в один день, и мне не удалось прикупить несколько книг для друзей, а во-вторых, она црянная и жидкая. Это, так сказать, черновик будущей книжки, куда должны войти и "Короленко", и "Луначарский", и "Кропоткин", и "Блок".

Возлагаю большие надежды на Вашего "Лермонтова". Судя по прелисловию к малой серии, это будет свежо и талантливо.

Сердечный привет.

Ваш К.Ч.

12.

март 1960 г.

Дорогой Дмитрий Евгеньевич. Поздравляю с книгой "Поэзия Лермонтова"¹⁶. Теперь литературоведческие книги не в чести - их печатают очень мало, тем более радуется Ваша победа. Я прочитал страшно интересную "Тему простого человека", математически доказывающую демократизацию мировоззрения Лермонтова. Замечательный разбор "Завещания" - моего любимого шедевра - который до настоящего времени я понимал иначе.

Спасибо за Лермонтова и Блока и за то, что подтверждаете своими документами мои воспоминания о Блоке. Мне было бы горько, если бы в моих воспоминаниях о нем сказалась абберрация памяти.

Простите, что пишу открытку: нездоровится, привязан к постели. Крепко жму руку.

Ваш К.Ч.

8. IX. 61 г.

Дорогой Дмитрий Евгеньевич!

Спасибо за откровенность. Конечно, содержание Вашего письма сохранится в тайне для всех. Признаюсь, я подозревал нечто подобное. Жаль, что не повидались в августе. Вы знаете, как высоко я ценю Ваши работы - и о Лермонтове и о Блоке.

По поводу "диктата" я все же должен по совести сказать, что Владимир/ Цик/олаевич/¹⁷ горячо возражал против того требования, которое предъявили ему Владикин, Сурков и другие участники совещания. Нам было объявлено, что бумаги нет ни клочка, что все статьи, даже самые лучшие, в данном случае печатать невозможно и что тут ничего не поделаешь.

Я с Вами совершенно согласен насчет "злого дши". И только потому и мог работать, что никогда не верил в его существование. Разве мог бы я написать хоть одну свою сказку, если бы не считал его мифом.

Поддерживаю Ваше предложение о включении "Сказки" в 5-й том* и о перечне произведений Блока, не входящих в наше издание. Ведь Блоком сейчас занимаются и впредь будут заниматься сотни исследователей - и у нас, и на Западе. Для них Блок - тема научных работ, диссертаций и пр. Им нужны точные сведения обо всем его литер. наследии.

Спасибо за Тартуский сборник¹⁸. Ваше выступление к мемуарам Волоховой и Веригиной - безупречно: глубокая эрудиция сочетается в нем с пониманием (проникновение в эпоху и т. д.) Жаль, что я не знал о Вашей работе. У меня есть открытка Блока от 1907 г., где он просит меня дать заметку о Волоховой в газете.

Я был у Вяч. Иванова, когда "одесский депутат" произносил речь, о которой пишет Веригина, и хорошо помню эту речь.

Ваш К. Чуковский.

---

* Гл. ред. Собр. соч. Блока В. П. Орлов возражал против включения в том 5 "Сказки о той, которая не поймет ее", считая ее декадентской и, вопреки моим настояниям, поддержанным К. И., настоял на своем. - Д. М.

14.

1962 г.

Дорогой Дмитрий Евгеньевич. — Спасибо за драгоценный подарок¹⁹. Вы знаете, как я люблю (и с каждым годом все больше) Ваш голос в литературе — живой, правдивый, богатый оттенками, и сдвигами интонациями. Такой голос и нужен современному литературоведу. О Брюсове, например, можно говорить только таким голосом. Особенно дорога мне в Вашей статье третья глава, где Вы говорите о "недовоплощенных" образах Брюсова, о "рационалистически конструированной образной схеме", которая видна в его стихах. Мне вспомнилась моя молодая статья, где я (неумело и неуклюже!) выразил ту же мысль, отмечая, что Брюсов "поэт прилагательных", которые он выдает за глаголы.

О политических позициях Брюсова Вы сказали опять-таки правду и тонко. Меня радует, что каждая новая Ваша статья обладает все большими достоинствами. Огромный путь Вы проделали после юношеской статьи о "Современнике" Пушкина. И язык стал у Вас прозрачным, определительным, четким. Из опечаток я заметил всего лишь одну — на стр. 12 вместо "о искусстве" — "об искусстве". Помню Валерий Яковлевич настаивал на первой форме.

Я хотел написать Вам много, но опять захворал и поэтому пишу через силу. Проклятый грипп мучит и мотает меня.

Крепко жму Вашу руку. Еще раз благодарю за книгу и за дружескую надпись на ней.

Ваш К. Чуковский.

15.

4. III. 62.

Дорогой Д. Е.

Спасибо за "Прозу" Блока²⁰. Понимаю, что кое-что сказано "с учетом" — например об ущербности Сологуба и Брюсова — но в целом статья превосходная, очень насыщенная. А надпись на ней — загадочная.

Вы упрекаете меня в том, что я "промолчал о Блоке". Где промолчал? Чего я не сказал из того, что я должен был сказать? Сейчас я читаю 5 и 6 тома — и скажу о них все, что сочту справедливым.

Мне кажется, что я в 1921—1924 гг. первый сказал о Блоке максимум того, что я был обязан сказать, и обвинять меня в мол-

чании о Блоке никак не возможно²¹. А если кое-кто из позднейших блоквелов, повторяя меня, молчат о том, что это было сказано мною, здесь, право, не моя вина. К Вам это конечно не относится, но существуют такие молчалники^{*}.

Ваш Чуковский

16.

1963 г. (?)

Дорогой Д.Е.

Пожалуйста, задавайте мне побольше вопросов по поводу моих воспоминаний о Блоке. Я готов ответить Вам хоть на десяти страницах. Что же касается нападков Блока на меня, они были вполне закономерны. Часто я писал отвратительно, вульгарно, безвкусно. И Блок естественно возмущался моими писаниями²². Но когда он, например, писал, что Бальмонт лучше перевел Уитмена, чем я, здесь он глубоко ошибался, о чем говорил мне впоследствии. Впрочем, те мои переводы, о которых он говорил в 1907 г., были и вправду плохи, по уже к 1911 году я сильно исправил их, а в 1919 г. это были новые переводы...

Ваш К. Чуковский

17.

31.XI.67 г.

Дорогой Дмитрий Евгеньевич.

Очень гибкий и тонкий выработали Вы язык для определения разных нюансов в отношениях Блока и Ахматовой^{**}. Я не знаю другого литературоведа, который мог бы с таким пониманием и с таким мастерством развить эту сложную тему. Отношения у А-ой и Б-ка сложились неладные. В 1921 г. Блок в присутствии Алянского сказал мне в вагоне, когда мы сопровождали его при поездке в Москву, что он не любит "дамских ужимок" А-ой. Мне кажется, здесь оказалось его враждебное отношение к Гумилеву, к акмеистам. "И что за дамская загла-

* Речь о моей статье, приложенной к т.5 Собр. Соч. Блока. О своей подписи не помню, во всяком случае никакого порицания она содержать не могла. - Д.М.

** По поводу моей публикации к заметке об Ахматовой и Блоке - "Звезда", 1967, № 12. - Д.М.

вие "У самого моря"? (Это было несправедливая придирка, т.к. сказано же у Пушкина: "У самого синего моря"). Я напомнил ему его стихи "Анне Ахматовой". Он сказал: "Да, приходила, хотелось новую шаль показать". До Ахматовой/ должно быть, дошли эти недобрые суждения Блока, поэтому она изменила строку в своем стихотворении о Блоке: вместо "что влюбиться должен каждый", написала "что вспомнить"...

Вообще мне казалось, что в ее отношениях к Блоку всегда чувствовалась застарелая обида.

Ваш Корней Чуковский

П. Письма Н.Л.Павлович²³

I.

Август 1976

Дорогой Дмитрий Евгеньевич!

Снова обрадовалась Вашему письму <...>

Думаю, что /нрзб/ ошибся относит/ельно/ исповеди Ал.Ал.

Мать об этом не знала, она бы мне сказала, могла знать только Люб/овь/ Дм/итриевна/. Со мной она близка не была, сама не верила ("Люба-язвчица" по словам мужа).

За - только 2 факта: 1) когда Шагиния предложила ей /Любовь Дмитриевне/ читать над мертвым Евангелие, она сказала: "Уж если читать, то по правилам церкви - "Псалтирь", и та читала.

2) Дельмас видела сквозь неплотно закрытую дверь, как Ал.Ал. молчился и крестился, и не вошла. Это А.Андр. мне рассказывала! Не вошла, чтобы не помешать.

Может быть Люба позвала священника, но во 1) могла думать, что это просьба от безумия, но во всяком случае это следует скрыть. Матери она не рассказала, если б и было.

А бат/юшка/ Нектарий после молитвы за упокоение Ал.Ал. сказал мне: "Напиши его матери, чтоб она была вполне благонадежна - Александр в Гам". (Та его не спрашивала и я не спрашивала о загробном пребывании Ал.Ал. В моих записях случай исключительный - не знаю ни от кого. Вот я и "благонадежна" ...²⁴

Ваша Н.А.

2.

I. IX. 1976 г.

Дорогой Дмитрий Евгеньевич! <...>

Думала о его предсмертной исповеди. Она не исключена. В последнем письме к Коган "Слышу зов церкви, но не могу дотянуться".

Все погребение было строго христианским и православным: 2 панихиды у гроба в день, утром и вечером, через час после смерти, когда я вошла ... он еще был теплым /нрз/, только сейчас положенным на стол, горела лампада, икона Богоматери на груди, побольше - потом - небольшая, Св. Софья (Премудрость Госия) Новгородская, т.е. ангел на престоле (дар сестры). Ее Л.Д. хотела у могилы оставить в гробу. Священник не позволил ей. Она теперь в Пущ/инском/ Доме.

Моя иконка медная (Воскресение Христово), которую Л.Д. не позволила положить в гроб, была на его I белом деревянном кресте. Ее прибил по своей инициативе могильщик (при мне, но без моей просьбы. Я положила ее на могилу - под цветы. Он нашел и прибил). Отпевали в церкви на Смоленском. Священник провожал до могилы. <...>

Лельмас в последнюю неделю видела сквозь щель двери, как он молился: "Прости меня, Боже" и крестился <...> Л.Д. ее впустила, даже вызвала, предлагая ехать с ним в Финляндию в санаторий (она не желала брать ответственность на себя) и предложила Л.А. войти к нему, но та, увидев молитву, отказалась. Я спросила: Почему? "Не хотела мешать". Вот все, что я знаю об этом. И слова оптинского старца Нектария, иеросхимонаха <...> Я только просила его молиться за него, и старец при мне записал на кусочках картона - "об упокоения р. Б. Александра" и положил на угольник с иконами.

Я верю, что Александр в раю.

(б.п.)

3.

19-20. II. 1977.

Дорогой Дмитрий Евгеньевич! <...>

<...> все более убеждаюсь в правильности сообщения об его причастии. Если б этого не было, едва ли Люба-"язычница", как определил ее мне Ал. Ал., сказала бы Мариэтте Ш/агиня/, когда та предложила читать над ним Евангелие - "если уж делать по-церковному, то

Псалтырь". Этого не пришло бы Л.Д. в голову, без предыдущего. Надо выяснить и я попробую, кто был священник прихода, куда входила Офицерская ул., м.б. остались следы. Какая церковь их прихода? Ближайшая? Близкого духовно священника не было, с Евг. Павловичем на эту тему Люба не советовалась. Отпевали на Смоленском, панихиды были ежедневно дома.

Упоминание мое о Патр/иархе/ Алексии в 1918 г. еще епископе Тихвинском (Новгородском) хоронившем и любившем Ангелину - у меня с его согласия²⁵. <...> "Добролюбия" я написала лишь 1/2 <...>
Обнимаю Вас и Лину Яковлевну.

Ваша Н.А.

Ш. Письма Б.Л.Пастернака²⁶

I.

I окт. 1956 г.

Не сердитесь на меня, Дмитрий Евгеньевич. Очень трудно самому стремиться к строгой ясности, разбирать свидетельства иного склада или направления.

Мне больше других понравились три военных стихотворения и "На реке"²⁷.

Ни в коем случае не превращайте этой склонности в вопрос судьбы или решающего выбора. Берегите сложившуюся форму заработка и призвания, а стихи должны оставаться для Вас делом досуга.

Желаю Вам здоровья и счастья.

Ваш Б.Пастернак

2.

14 окт. 1956 г.

Дорогой Дмитрий Евгеньевич!

Опыт пишу Вам очень второпях. Кроме сказанного в письме о стихах, у меня не было никакой задней мысли и не ловите в моих словах побочного смысла. Благодарю Вас за отклик из журнала. Как это все хорошо разобрано и написано!²⁸ Как чудесно и правильно, как чисто охарактеризована роль Л.Д. Очень, очень высоко и тонко. (Существует же эта мерзкая тема - в Толстовском Бессонове из "Хожения по мукам", например, и совсем младенчески слышно в "иссле-

дованиях" Андрея Белого о губительной роли "Щ" в вопросе его собственного здоровья²⁹. И как меня всегда возни на эту тему возмущала: — покойного Вячеслава Иванова, напр/имер/ удивляло, как меня, человека естественного, и как он думал, сильного, мог привлекать Андрей Белый (соответственными намеками на тему о слабосилии). Нечего было людям делать.

В декабрьском ном/ере/ Нового мира, кажется, будет напечатано большое прозаическое мое вступление к готовящейся в Гослитиздате книге моих избранных стихотворений. Там о Блоке Вы прочтете больше чем пол фразы. Там же среди нескольких новых моих стихов будут напечатаны строки мои о Блоке. Но я ошибочно произносил Шахматово, с ударением на втором слоге, а говорит, надо Шахматово. А в стихах оно упоминалось. Придется выбросить это собственное имя и заменить его чем-нибудь нарицательным³⁰.

Видели ли Вы в 9-м номере "Знамени" несколько новых моих стихотворений?

Мне очень близко все, что Вы напечатали в статье и пишете в письме.

Желаю Вам здоровья и счастья.

Баш Б. Пастернак.

Но главная моя работа: роман в прозе "Доктор Живаго" в 40 пач. листов, самое лучшее и важное из всего, что я сделал. Но для нынешней печати он не предназначен.

3.

25 октября 1957 г.

дорогой Дмитрий Евгеньевич, сердечное Вам спасибо! Не обижайтесь на меня. Я долго болел. Потом начались у меня неприятности, которые будут продолжаться, развиваться, осложниться.

Я Вас хочу поздравить с большими успехом и выказать Вам удивление и благодарность по поводу Вашего Лермонтова³¹, по поводу первых страниц статьи Вашей, где так метко и с такой силой, не в бровь, а в глаз, в самый нерв, Вы определяете сущность магической лермонтовской притягательности (как у Баратынского — в поэтического мира огромный почерк я узрел и т.д.), особенность, особое качество в этой оригинальности, силу и жар ее.

Когда в 1917 году я нахужу, не долго думая, назвал на титуле "Сестры моей жизни" не "памяти Лермонтова" или что-нибудь/

подобное, но "посвящается Лермонтову", точно он был еще тогда не то что в живых, но в рядах случайных прохожих, еще неизвестных или еще недостаточно увековеченных абстрактностью признания, точно его там летом еще можно было встретить, и я не только имел в виду выразить это чувство чего-то совсем недавнего, непросохших следов ночного поля или этихающих, неотзвучавших отголосков только что прокатившегося звука, - я долго, всю жизнь льстил себе надеждой раскрыть в статье, в прозе то таинственное могущество Лермонтовской сущности, эту драму свежести, что ли, и ее секрет и загадку. Я мечтал это сделать так, как по случайности, без наперед составленного умысла, мне не удалось в отношении себя, то есть всех моих поэтических книг и их духа в романе "Доктор Мываго". Газуемется, это была ложная иллюзия, никогда бы я не привел своего намерения в исполнение, не было у меня для того ни знаний, ни требующих/теоретических средств. Как же я должен был поразиться и содрогнуться, заставши Вас за таким внутренне изученным и заветно-знакомым движением души, но, в Вашем случае, таким удавшимся, таким сверкающим, и до конца завершенным!

Обнимаю Вас и завидую Вам. Благодарю Вас за все, что Вы мне посылали. Не пишите мне, я не буду иметь возможности Вам ответить (так я занят), и это будет больно мне.

Ваш Б.Пастернак.

а

Постраничные комментарии и примечания

¹ Максимов Д.Е. О том, как я видел и слышал Андрея Белого // Русские поэты начала XX века. Л., 1986. С.364.

² Это письмо Максимов хранил и показывал близким друзьям как исторический документ.

³ Ф.П.36, № 43.

⁴ См.: Максимов Д.Е. Валерий Брюсов и "Новый путь" // Лит. наследство. 1937. № 27/28. С.276-298; а также: Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и "Весы" // Там же. 1976. Т.85. С.257-324.

⁵ Максимов Д.Е. Творческий путь А.Блока // Лит. учеба. 1935. № 6. С.41-78.

- 6 Максимов Д.Е. Образ простого человека в лирике Лермонтова // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. 1954. Т.9. С.143-209; а также: Его же. "Ицпри", поэма Лермонтова // Рус. лит. 1958. № 4. С.71-97.
- 7 Его же. Повесть Валерия Брюсова. Л., 1940. 300 с.
- 8 Его же. Александр Блок // Нева. 1953. № 8. С.177-179; а также: Его же. Из архивных материалов об А.Блоке // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1956. Т.18. С.242-251.
- 9 Его же. А.В.Кольцов и цензура // Там же. С.225-229.
- 10 Его же. Александр Блок и революция 1905 года // Революция 1905 года в русской литературе: Сб. ст. М.; Л., 1956. С.246-279.
- 11 Д.Е.Максимов готовил тексты и комментарии к тому прозы (т.5) в Собрании сочинений А.Блока, вышедшему в 1963 г.
- 12 Имеется в виду Союз писателей РСФСР.
- 13 См. сноску № 8.
- 14 Максимов Д.Е. Повесть Лермонтова: /Вступ. ст. / //Лермонтов М.П. Стихотворения: Т.1-2. Л., 1957. Т.1.
- 15 Чуковский К.И. Из воспоминаний. М., 1958. 364 с.
- 16 Максимов Д.Е. Повесть Лермонтова. Л., 1959. 326с.; "Тема простого человека" и "Блок и Лермонтов" - отдельные главы этой книги.
- 17 Имеется в виду В.Н.Орлов (1909-1985) - редактор Собрания сочинений А.Блока (Л., 1961-1965. Т.1-8).
- 18 Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1961. Т.4. С.304-376 (Учен. зап. Тарт. ун-та; Вып.104).
- 19 Имеется в виду вступительная статья Д.Е.Максимова к книге: Брюсов В. Стихотворения. Л., 1961. (Б-на поэта, большая сер.).
- 20 Максимов Д.Е. Проза Александра Блока // Вестн. ЛГУ. 1962. № 2. Впоследствии в отредактированном и расширенном виде статья переиздавалась трижды: Блоковский сборник: Тр. науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А.А.Блока, май 1962 г. Тарту, 1964. 557 с.; Максимов Д.Е. Повесть и проза Ал.Блока. Л., 1975. 526 с.; То же. 2. изд. 1980. 552 с.

21 К.И.Чуковский имеет в виду свои книги об А.Блоке: Книга об Александре Блоке. Пб.: Эпоха, 1922. 125 с.; Александр Блок как человек и поэт. Пг.: Изд-во Т-ва А.Маркс, 1924. 144 с.

22 Отрицательные отзывы А.Блока о К.И.Чуковском см.: Блок А. Записные книжки: 1901-1920. М., 1965. С.85, 124.

23 Ф.1136, № 32.

24 В 1974 г. Н.А.Павлович послала Д.Е.Максимову в качестве пасхального подарка стихотворение о Блоке (на тему слов ст. Нектария), в ее сборниках оно опубликовано не было. Приводим его целиком:

Сон на Пасху

Ушедший друг с разбойником в рай,
Я к ним иду тропой небесной сада,
И прежние деревья узнаю,
И луг, где веет вечная прохлада.
Мне лев подставил золотой хребет:
«- Погладь меня! Я тоже тварь земная,
И травы мне годятся на обед»,
А рядом с ним пасется лань ручная.
Такой мне сон приснился в этот день
Всемирного восстания из гроба,
Пускай лежит вчерашней ночи тень,
Пускай в сердцах отчаяние и злоба.
Иди, дыши! И вспоминай свой сад,
Где ни одна тропинка не забыта,
Где звери и деревья говорят,
Где все с тобой в одно дыханье слито,
Где все поет Осанну и Хвалу
Воскрешшему, Восставшему, Родному!
И плачу я в своем земном углу
В томленьи по утраченному дому.

25 Об отпевании сестры А.Блока - Ангелины Блок, совершенном епископом Новгородским (впоследствии патриархом) Алексеем (1877-1970) Н.А.Павлович говорит в своих "Воспоминаниях об Александре Блоке" (Проклетье. М., 1977. Об. II. С.246).

26 Ф.1136, № 33.

На реке
Ветер относит уток
И фиолетовый блик
В этот речной промежуток
До самого дна проник.
Там пузыри и блески,
Подводного солнца шар,
Подводные перелески,
Летнего дня угар.
И в небо речное ныряя,
Тот желтоногий тил
Пропорцию соблюдает
Прохлады и теплоты.
... А мы с тобой без меры
Сердимся и мучимся...
Давай-ка веры
Утиной поучимся.

(с. 71-72)

I

Война

Она разводит паучков,
Они висят над головой,
Головки виснут над землей,
И странен очерк синевы
В сетях паучьей голови.
Она бездонные глаза
Моих померкнувших домов
Заткала белыми крестами.
И от полей со всех концов
Тянулись шеи пришлецов.
Она пожрала нашу кашу,
И опустели души наши,
И наши бабушки и дочка
Свернулись в белые комочки.

Она надела полубубки
На нас. И мы от этой снежной рубки
Летим по ветру, как скорлупки,
И плачут девушки-голубки.

Знай! Не свернув себе слязки,
Она еще расскажет сказки.

2

Не хватило тете каши,
И под шубой чуть дыша,
Мы увидели с Натасей,
Как рвалась ее душа.
Как полезли воры, тати,
Сели к тете на кровати,
Как явились палачи,
Отобрали калачи.

Так на зов из тьмы безмерной
Друг пришел нелицемерный.

И она смежила вежды.
Не взглянула тетя зря
как несли ее к надежде
На щите богатыря.
Не взглянула, не хотела,
Не слыхала, как орлы
В невозбранные пределы
Разносили ей хвалы.
Как три брата — океана
Лили слезы у дядяна,
Там, где я теперь стою,
Иде в потемках вспоминаю
Тетю милую мою.

Ковенский пер. Квартира.
Темно.

Полуоткрыли
 Хватило сил.
 За бури были
 Перевалил.
 С таких недугов,
 С таких потерь
 Ты в сердце друга
 И в рай поверь.
 С такого бледия,
 С таких обид
 Уже решенье
 Судьбы гремит.
 И наши души
 С таких утрат
 Какие суши
 Не озарят?
 И без тревоги
 Бредя домой,
 Дотянешь ноги
 Уже живой.

Чердак. Противовоздушная оборона,
 1942. (с. 9-11)

28 См. сноску № 8.

29 Белый А. Между двух революций. Л., 1934. 503 с.

30 См.: Пастернак Б. Ветер: (четыре отрывка о Блоке) // Пастернак Б. Избр.: В 2 т. М., 1985. Т. I. С. 439-441.

31 См. сноску № 14.

ПСИХОЛОГИЗМ, АЛОГИЗМ И АБСУРДИЗМ В ПРОЗЕ

ДАНИИЛА ХАРМСА

(о перспективных направлениях изучения
архивного фонда Я.С.Друскина)

Судьба Д.И.Хармса сложилась драматично, но не менее драматичной была судьба его архива. Впервые Хармса арестовали в самом конце 1931 г. по делу издательства "Детская литература". Некоторое время он провел в тюрьме, а затем был сослан в Курск. По свидетельству И.Бахтерева, единственного ныне здравствующего члена ОБЭРИУ (Объединения реального искусства), из комнаты Хармса сотрудники НКВД в большом количестве выносили рукописи — самого Хармса, а также А.И.Введенского, Д.Левина, Н.м.Олейникова, И.В.Бахтерева. Эти рукописи хранились в НКВД до начала войны.

Уже осенью 1932 г. Хармс возвращается в Ленинград. (Здесь невольно вспоминаются слова А.Ахматовой о "сравнительно вегетарианских временах".) Он продолжает писать вплоть до августа 1941 г., когда его снова арестовали, на этот раз по обвинению в "пораженческих высказываниях". Состоялся один допрос, после чего Хармс был направлен в психиатрическую больницу на экспертизу. Там его признали невменяемым, дело было прекращено¹. В этой больнице Хармс и умер в первую блокадную зиму — в феврале 1942 г.

По какой-то случайности рукописи, хранившиеся у Хармса, на этот раз не оказались в НКВД. И вот осенью 1941 г., когда стало ясно, что Даниил Иванович уже домой не вернется (жене его — Марине Владимировне Малич — сообщили, что он якобы вывезен в Новосибирск), его друг, Яков Семенович Друскин с М.В.Малич, которая к тому времени переехала на канал Грибоедова², отправляется в квартиру № 8 дома II по ул. Маяковского, чтобы спасти из комнаты Хармса находившиеся там рукописи — его и Введенского. Обесилевшие от голода, уже страдающие дистрофией, Друскин и Малич прошли путь по ул. Маяковского (Я.С.Друскин жил на Петроградской стороне), собрали рукописи в чемоданчик, который Друскин отнес к себе домой³.

Яков Семенович Друскин был очень талантливым, незаурядным человеком. Достаточно сказать, что он получил прекрасное образование сразу по трем различным направлениям: философии, музыке и математике. Он перевел знаменитую книгу А. Швейцера о Бахе и сам написал работу о великом немецком композиторе, вышедшую на украинском языке. Но самым главным делом Друскина была философия. Он оставил несколько логико-философских исследований, еще не опубликованных на его родине. Философия Друскина оказала заметное влияние на прозу Д. Хармса⁴. После возвращения Хармса и Введенского из Курска, последние вместе с Н.С. Друскиным, Н.М. Олейниковым, Н.А. Заболоцким и Л.С. Липавским составили пружеский круг, регулярно собирались и вели беседы на философские, эстетические, литературные и иные темы⁵.

Часть рукописей Хармса (в основном, детские и самые ранние стихотворные произведения) Друскин в 1970-х гг. передал в рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинского Дома)⁶. Основной массив рукописного наследия Хармса а также рукописи А.И. Введенского Друскин передавал в 1976-1979 гг. в ЦБ, где был образован архивный фонд № 1232. После смерти Якова Семеновича, его сестра Лидия Семеновна Друскина передала весь остальной архив брата в рукописный отдел ЦБ, где он сейчас и находится. Образовавшийся фонд 1232 стал самым крупным собранием произведений Д.И. Хармса. Кроме рукописей Хармса, в фонд входят все произведения А.И. Введенского (кроме "Мянина и Пожарского" - ИРЛИ), работы Липавского, самого Друскина, материалы Олейникова, Вигилянского, Тувелева и еще некоторые другие.

Творчество Хармса вполне отчетливо делится на несколько периодов: 1926-1927 гг. - "чинарский период"⁷, конец 1927 - 1931 гг. - "обэриутский период", затем выделяем "постобэриутский период" с 1932 по 1939 г., и, наконец, особого разговора заслуживают произведения, написанные в два последних года жизни писателя: 1940-1941. Такое членение подтверждается и жанровой эволюцией творчества Хармса. В "чинарский период" Хармс пишет заумные стихи, на начало 1927 г. приходится "Комедия города Петербурга" (окончательный ее вариант утрачен), В "обэриутский период" - поэзия "столкновения смыслов"⁸, отрицание зауми⁹. Здесь же появляется пьеса "Елизавета Бам" (1928 г. - первая и единственная постановка) и первые опыты в прозе. Трид-

цатне годы характеризуются постепенным увеличением "удельного веса" прозы в творчестве Хармса, а к концу этого периода - абсолютным ее преобладанием. В это же время создается цикл "Случаи" (1933-1939), состоящий из 30 миниатюр и функционально близкий прозе. Завершается период повестью "Старуха" (1939) - единственно крупным прозаическим произведением Хармса. Период 1940-1941 гг. уже совершенно лишен поэтических произведений, писатель создает только рассказы.

Мы останавливаем внимание в данной статье на некоторых особенностях прозы Хармса, ибо ее анализ может помочь решить как проблему постановки писателя в контекст мировой литературы и философии, так и проблему творческого метода Хармса.

I. "Психологическая проза"

Мы не случайно заключили этот термин в кавычки, для Хармса он во многом условен. К данному жанру мы относим прежде всего рассказ 1931 г. "Утро"¹⁰ и повесть 1939 г. "Старуха"¹¹.

"Старуха" во многом вытекает из раннего рассказа Хармса (напомним, что 1931 г. - время лишь первых прозаических опытов писателя), и, несмотря на 8 лет, разделяющие эти произведения, они оказываются настолько близкими в отношении поэтики, что становится возможным их одновременный анализ с опорой на возникающий метатекст.

В обоих произведениях повествование ведется от лица рассказчика, "я" которого, безусловно, почти совпадает с "я" авторским. Это сближение (но не отождествление) дает возможность вычленить и изучить некоторые особенности включения "посторонних", "чужих" сознаний в сознание героя-рассказчика и определить характер их взаимодействия, а также помогает выявить соотношение "в-мире-бытие" существования героя (Хайдеггер) с его же "для-себя-бытием" (Сартр). Экзистенциальная проблематика вообще чрезвычайно актуальна для Хармса, именно поэтому нами взяты и соответствующие термины.

М.М.Бахтин, говоря о полифонической структуре романа Достоевского, замечает: "Но чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, - с ними можно только л и а л о г и ч е с к и о б щ а т ь с я.¹² Думать о них - значит г о в о р и т ь о н и м и ..."¹² И еще:

"Волки": настоящий читатель Достоевского, который воспринимает его романы не на монологический лад... чувствует это...

ак т и в н о е   р а с ш и р е н и е   с в о е г о   с о з н а н и я... в смысле особого, никогда ранее не испытанного диалогического общения с полноправными чужими сознаниями и активного диалогического проникновения в незавершимые глубины человека"¹³.

Сблизив механически приложить к исследуемому материалу какую-либо из важнейших разработок Бахтина велик (об этом писал Ю.М. Лотман: глубокие идеи Бахтина получают в работах его эпигонов неоправданно-расширительное толкование)¹⁴. Однако у Хармса происходит нечто иное, чем то, о чем пишет Бахтин, и тем не менее сопоставление оказывается очень плодотворным. В произведениях Хармса полифония берется как бы в "зарожденном" состоянии, обладая определенной спецификой. Этой спецификой становится и в п о с р е д с т в е н н ы й внутренний диалог.

В рассказе "Утро" происходит вербальный внутренний диалог:

"И закурил вторую папиросу и стал думать, как бы мне сегодня пообедать.

... Тома в семь часов обедает в Доме Печати. Если прийти в Дом Печати ровно в семь часов, встретить там Тома и сказать ему: "Слушай, Тома Антонныч, я хотел бы, чтобы ты покормил меня сегодня обедом. Я должен был получить сегодня деньги, но в сберегательной кассе нет денег". Можно занять десятку у профессора. Но профессор, пожалуй, скажет: "Помилуйте, я вам должен, а вы занимаете. Но сейчас у меня нет десяти. Я могу дать вам только три". Или нет, профессор скажет: "У меня сейчас нет ни копейки". Или нет, профессор скажет не так, а так: "Вот вам рубль и больше я вам ничего не дам. Ступайте и купите себе спичек".

Герой-рассказчик мысленно моделирует различные ситуации, причем, любопытно заметить, что его мысленный собеседник каждый раз предстает в новом облике: в первом варианте профессор говорит смущенно, во втором его ответ сдержанно-нейтральный, в третьем тон профессора становится агрессивным. Таким образом, здесь сознание героя включает чужое сознание не как объект, а именно "на равных правах", причем одновременно в трех возможных "ипостасях".

А вот что происходит в "Старухе": герой, удюжив мертвую старуху в чемодан, едет на вокзал. Однако уже на следующей остано-

новке ему приходится выйти из трамвая, так как у кондукторши не находится сдачи с 30 р.

"И сел на чемодан и, вынув носовой платок, вытер им шею в лицо. Двое мальчишек остановились передо мной и стали меня рассматривать. И сделал спокойное лицо и пристально смотрел на ближайшую попутную, как бы поджидая кого-то. Мальчишки шептались и показывали на меня пальцами. Дикая злоба душила меня. Ах, напустить бы на них столбняк!

И вот из-за этих паршивых мальчишек я встаю, поднимаю чемодан, подхожу к повороту и заглядываю туда. И делаю удивленное лицо, достаю часы и пожимаю плечами. Мальчишки издали наблюдают за мной. И еще раз пожимаю плечами и заглядываю в поворотню.

- Странно, - говорю я вслух, беру чемодан и тащу его к трамвайной остановке"¹⁵.

Налицо мысленный диалог, причем этот диалог уже невербализован. Более того, если в приведенном примере из рассказа "Утро" процесс коммуникации, расчленившись на три мысленно моделируемых автономных коммуникативных акта, не выходит за пределы собственно лишь сознания героя, то в "Старухе" семиосфера (Ю.И. Лотман) значительно расширяется. Углубляется и процесс рефлексии, если в первом примере герой моделирует свое сообщение и реакцию на него со стороны собеседника, то во втором примере исходная информация (странное поведение героя) существует объективно. Поэтому герой прогнозирует реакцию наблюдателей (мальчишек), а затем совершает определенные семиотически значимые действия, моделируя новую реакцию наблюдателей.

Аналогичный внутренний диалог происходит у героя с соседями по квартире. Мария Васильевна слышит крик, вырвавшийся у рассказчика и появляется в коридоре.

" - Вы меня жвали? - спросила она.

Меня так трясло, что я ничего не мог ответить и только отрицательно замотал головой. Мария Васильевна подошла поближе.

- Вы с кем-то разговаривали, - сказала она.

Я опять отрицательно замотал головой.

- Шумашеши?, - сказала Мария Васильевна и опять ушла на кухню, несколько раз, по дороге, оглянувшись на меня"¹⁶.

Через некоторое время возвращается еще один сосед — машинист. И герой думает: "Если Марья Васильевна расскажет ему о моем сумасшествии, это будет нехорошо. Чертовщина какая! Надо и мне пройти на кухню и своим видом успокоить их"¹⁷.

Простой акт человеческого этикета (герой входит в кухню и здоровается с машинистом) приобретает совершенно иное значение: он должен развеять мысли о сумасшествии героя. Поэтому продумывается каждый шаг, каждое слово.

Все это, разумеется, не является полифонией в бахтинском понимании этого слова, так как диалог происходит не на идейном уровне. "Утро" и "Старуха" — произведения, в центре которых отнюдь не идеи. Но мысленные диалоги как вербализованные, так и невербализованные, выражают максимальную степень обостренности восприятия мира героем-рассказчиком, чуткости к чужому сознанию.

Эпиграф "Старухи" отсылает нас к Гамсуну. Это не случайно: Гамсун всегда был одним из любимых писателей Хармса, а больше всего Даниилу Ивановичу нравился (по его собственным словам) роман "Мистерия" и его главный герой Нагаль. Но если анализировать особенности поэтики Хармса в связи с творчеством Гамсуна, то нельзя не заметить, что все-таки наибольшее влияние на автора "Утра" и "Старухи" оказал первый гамсуновский роман — "Голод".

Прежде всего обращает на себя внимание общность в отношении автобиографизма повествования. Близость автора к герою-рассказчику оказывается и биографической, и психологической. Так, в "Голоде" отражен определенный период жизни Гамсуна, когда он, живя в Христиании (Осло), жестоко страдал от бедности. Кратковременные журналистские успехи (изредка ему удавалось поместить одну-две статьи в газетах Христиании) не приносили достаточных средств, и борьба будущего писателя с голодом была постоянной и тяжелой. ("Голодание" определяет всего точнее целый период в его жизни", — в своей работе о Гамсуне приводит свидетельство самого писателя М.П.Благовещенская и А.А.Измайлов¹⁸.) Еще больше биографических реалий в упомянутых произведениях Хармса;

прежде всего это петербургские названия* — улицы, набережные, проспекты, по которым движется герой и по которым ходил сам Хармс. Герой "Старуха", как и автор, живет на улице Маяковского; в повести он трижды выходит из дома. Первый раз он доходит до угла Садовой, встречает Сакердона Михайловича, спускается с ним в подвалчик и возвращается домой, вспомнив, что забыл выключить электрическую печку. Во второй раз он заходит в магазин, затем в булочную, там знакомится с "милой дамочкой", но вынужден покинуть ее. Герой вскакивает в трамвай, вылезает на Михайловской улице (ныне ул. Бродского) и идет к Сакердону Михайловичу, прототип которого — поэт Николай Олейников — жил в уже упомянутом нами доме на канале Грибоедова. Возвращение героя домой отмечено такими топонимами: Невский проспект, Фонтанка, угол Литейного (по этому маршруту Хармс обычно возвращался от Олейникова). Наконец, в третий раз герой-рассказчик, выйдя из дома, садится в трамвай, проезжает одну остановку, выходит, ждет следующего трамвая и на нем приезжает на вокзал. (В повести он не назван, но это, разумеется, Финляндский вокзал). С момента выхода из дома до приезда на вокзал проходит примерно полтора часа. На вокзале герой садится в поезд, и начинают мелькать названия местностей, тогда еще не входивших в черту города: Ланская, Новая Деревня, затем пригороды: Дахта, Ольгино и, наконец, Лисий нос, где и кончается действие повести.

Автор монографии о Хармсе и Введенском А. Стоун-Махимовская в своей статье о "Старухе"¹⁹ указала на такую характерную деталь: Сакердон Михайлович, когда герой уходит от него, "убрал со стола, закинул на шкаф пустую водочную бутылку, надел опять на голову свою меховую с наушниками шапку и сел под окном на пол. Руки Сакердона Михайлович заложил за спину (разрядка наша. — А.К.) и их не было видно"²⁰. (Любопытно, кстати, что это единственный случай, когда автор в процессе повествования подменяет своего героя: последний никак

---

* "Старуха", как, впрочем, и "Утро", относится к категории "петербургских текстов". Отметим, что и сам писатель относится к городу именно как к Петербургу: ставя под произведениями, помимо даты, слово "Петербург", он включал себя вместе со всем своим творчеством в определенный диахронический культурный ряд, связанный с Петербургом. В частных же письмах Хармса может встречаться и "Ленинград".

не может знать, что делал Сакердон Михайлович после его ухода.) Через несколько страниц рассказчик, сидя в вагоне электрички, в ожидании отправления видит, как два милиционера ведут задержанного. И в этот момент "всплывает" та же деталь: "Он идет, в а - л о ж и в р у к и з а с п и н у (разрядка наша. - А.К.) и опустив голову"²¹.

Повесть была написана Хармсом в 1939 г. А год назад был арестован и погиб прототип Сакердона Михайловича - Николай Олейников. Эта деталь (заложенные за спину руки) подчеркивает трагическую судьбу Олейникова.

Еще один автобиографический психологический мотив: просьбы героя о чуде. В рассказе "Утро": "Вчера я просил о чуде. Да-да, вот если бы сейчас произошло чудо"²². (Ср. в дневниковых записях Хармса: "Есть ли чудо? Вот вопрос, на который я хотел бы услышать ответ"²³.) Аналогичная параллель: герой говорит Сакердону Михайловичу: "... по-моему, нет верующих или неверующих людей. Есть только желающие верить и желающие не верить"²⁴. В дневниковых записях Хармса читаем: "Человек не "верит" или "не верит", а "хочет верить" или "хочет не верить"²⁵. Стоун-Нахимовская проводит параллель и со словами Кириллова в романе Ф.М. Достоевского "Бесы": "Нет, я сам угадал: Ставрогин если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует"²⁶.

Однако, помимо глубокого автобиографизма, существуют и непосредственные следы влияния "Голода" на прозу Хармса, почти текстуального характера. Вот как реализуется мотив внезапного эмоционального "взрыва", уходящий корнями в иррационализм героев Хармса и Гамсуна, который, в свою очередь, генетически восходит к героям Достоевского:

"Голод"

"Звериная ярость овладела мной. Я схватил свое одеяло в подворотне, стянул зубы, толкал мирных людей на улице и не извинялся. Когда какой-то господин остановился и сделал мне строгое замечание, я повернул к нему голову и выкрик-

"Старуха"

"На углу Литейной какой-то пьяный, пошатнувшись, толкнул меня. Хорошо, что у меня нет револьвера: я убил бы его тут же на месте. До самого дома я шел, должен быть, с искаженным от злости

нул ему прямо в ухо какую-то бессмыслицу, потряс кулаками перед самым его носом и пошел дальше, ослепленный бещенством, с которым не в силах был совладать²⁷.

Недаром, и герою "Старухи", и герою "Голода" приходится слышать адресованное каждому из них: "Сумасшедший!"²⁹

Общим является и механизм моделирования героями необходимой семиотической ситуации. Связано это с определенной маской "респектабельности", которая позволяет поддерживать в себе чувство собственного достоинства на должном уровне:

"Я лезу в карман за папиросами, но вспоминаю, что у меня их больше нет.

Я делаю наплевательное лицо и быстро иду по Невскому, постукивая тросточкой" ("Утро")³⁰.

"Потом мне вдруг пришло в голову пойти на рынок и раздобыть кусок сырого мяса. <..> Немного не доходя до мясных рядов, я обернулся назад и сердито прикрикнул на воображаемую собаку, словно приказывая ей оставаться на месте, а потом смело обратился к первому попавшемуся мяснику:

- Не откажите в любезности, дайте кость для моей ообаки! - сказал я. - Только кость, без мяса: просто собаке нужно держать что-нибудь в зубах" ("Голод")³¹.

Герой "Голода" пытается предложить своему старому сослуживцу в залог галстук, завернув его в бумагу. Но когда у того не оказывается денег и он хочет вернуть сверток, герой отказывается его взять, хотя и находится в совершенно безвыходной ситуации:

" - Оставьте, оставьте его у себя! - откликнулся я. - Следуйте мне удовольствию!.." ³²

Боязнь унизить себя, показаться в невыгодном свете побеждает, и ради того, чтобы создать впечатление человека, у которого возникли случайные затруднения с деньгами, он отказывается от галстука - последней надежды на ссуду. Позже, оказавшись в полицейском участке, не имея денег и ночлега, он предпочитает называться журналистом и тем самым лишает себя бесплатного талона

на обед, только ради поддержания своего реноме. ("Високо подняв голову и сунув руки в карманы, я вышел из ратуши гордо, с л о в н о м и л л и о н е р (разрядка наша. - А.К.)³³.)

Точно таким же предстает перед нами и герой "Старухи". Мы помним, что от задуманного рассказа о чудотворце у него существует пока только одна фраза: "Чудотворец был высокого роста". Тем не менее в разговоре с Сакердоном Михайловичем он утверждает:

" - Я все время писал <...>

- Много попи навалали? - спросил Сакердон Михайлович.

- Да, - сказал я, - исписал пропасть бумаги"³⁴.

Одна из главных тем у Гамсуна и Хармса - тема диссонанса между самоощущением личности и возможностями его выражения. Диссонанс возникает из-за того, что эти возможности ограничены общественным положением героя. Таким образом, противоречия души оказываются во многом следствием противоречий общества.

В прозе Хармса в контексте "петербургской повести" возникает оппозиция: "город - деревня" (имеется в виду город исторический). Вот проявление этой оппозиции в рассказе "Утро":

"Меня толкают встречные люди. О н и в с е н е д а в н о п р и е х а л и и з д е р е в е н ь (разрядка наша. - А.К.) и не умеют еще ходить по улицам. Очень трудно отличить их грязные костюмы и лица.

Они топчутся во все стороны, ричат и толкаются.

Толкнув нечаянно друг друга, они не говорят "простите", а кричат друг другу браниные слова. <...>

Трамваи ходят переполненные. Люди висят на подножках. В трамвае всегда стоит ругань. Все говорит друг другу "ты". Когда открывается дверца, то из вагона на площадку веет теплый и вонючий воздух. Люди вскакивают и соскакивают в трамвай на ходу. Но этого делать еще не умеют и скачут задом наперед. Часто кто-нибудь срывается и с ревом и руганью летит под трамвайные колеса"³⁵.

Манера повествования очень напоминает "симфонию" "Начало очень хорошего летнего дня" из цикла "Случай". Любопытно, что в "симфонии", в городской "зарисовке", особый колорит создают именно деревенские детали: "Чуть только прокричал петух..."; "крестьянин Харитон"...

"Город как сложный семиотический механизм, генератор культуры, — пишет Лотман, — может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов, разноустroенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням. Именно принципиальный семиотический полиглотизм любого города делает его полем разнообразных и в других условиях невозможных семиотических коллизий. (...) Источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение различных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошлых эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие текст исторического прошлого. Город — механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность соположаться с настоящим как бы синхронно. В этом отношении город, как и культура, — механизм, противостоящий времени"³⁶.

Деревня становится для Хармса косной, грязной, разрушительной силой, противостоящей историческому Петербургу и превращающей его в заштатный обывательский городок. В этом смысле, деревня — своеобразный "вирус", наподобие тех современных компьютерных "вирусов", которые, внедряясь в программу, заставляют ее уничтожать саму себя.

Отношение же Хармса к реальному Петербургу может быть охарактеризовано словами А.И. Герцена: "В Петербурге все люди вообще и каждый в особенности прескверные. Петербург любить нельзя, а я чувствую, что не стал бы жить ни в каком другом городе России"³⁷. В семиотическом котле Петербурга воедино сплетаются его культурные, литературные коды с диссонирующим мотивом жестокости людей. Знаки этой жестокости в "Старухе" — сценны с инвалидом на механической ноге, которые вроде бы никак сюжетно не связаны с текстом повести. Инвалид появляется трижды. Первый раз он просто приходит, во второй раз уже "шесть мальчишек бежало за инвалидом, передразнивая его походку"³⁸. Наконец, в третий раз "двое рабочих и с ними старуха, держась за бока, хохотали над смешной походкой инвалида"³⁹. Этот мотив также имеет почти текстуальную параллель в "Юлоде" К. Ламсуна: две хозяйские девочки издеваются над лежащим в параличе стариком, щекоча его соломинками. При этом хозяин — отец девочек — ве-

село смеется, глядя на мучения беззащитного и беспомощного человека. И у Хармса, и у Гамсуна мотив жестокости, издевательства становится непосредственным атрибутом городской жизни.

С горохом связаны у Хармса и традиционные для русской литературы мотивы сна и безумия.

Мотивы эти имеют непосредственное выражение в рассказах из цикла "Случай" ("Случай с Петраковыч.", "Сон", "Сон празник человека"), но наиболее рельефно предстает в рассказе 1930 г. "Судьба жены профессора". Сон профессорши структурно расслаивается на два алогических пласта: первый — обстоятельства сна, второй — его содержание.

"Идет она по улице, а ей спать хочется. Вокруг люди бегут, какие-то синие да зеленые, — а ей все спать хочется.

Идет она и спит. И видит сон, будто идет к ней навстречу Лев Толстой и в руках ночной горшок держит. Она его спрашивает: "Что же это такое?" А он показывает ей пальцем на горшок и говорит: "Вот, — говорит, — тут я кое-что наделал и теперь несу всему свету показывать. Пусть, — говорит, все смотрят".

Стала профессорша тоже смотреть и видит, будто это уже не Толстой, а сарай, а в сарае сидит курица.

Ползла профессорша курицу ловить, а куда забилась под диван и оттуда уже кроликом выглядывает.

Ползла профессорша за кроликом под диван и проснулась⁴⁰.

Для нас здесь самое важное — то, что алогический сон имеет непосредственный выход в действительность. Более того, можно говорить, что сон почти сливается с действительностью по степени реальности:

"Проснулась, смотрит: действительно, лежит она под диваном".

Сплетение сна с действительностью оказывается таким тесным, что разделить их становится почти невозможно. А следовательно, безумие профессорши, о котором говорится в конце рассказа, наводит на мысль о безумии "здорового смысла", о том, что реальная жизнь абсурдна и равнозначна этому безумию.

В "Старухе" героя посещает видение: открыв дверь в свою комнату, он "видит", как мертвая старуха на четвереньках медленно ползет к нему навстречу. Здесь неясно, что это такое: кратковременное умопомрачение, галлюцинация или сон, наподобие сна

профессорши. Важно только одно: когда герой, набравшись смелости, с крохотным молотком наготове, решает вторично распахнуть дверь, старуха лежит, не шевелясь, как и полагается труп. Казалось бы, видение есть видение, оно возникло в напряженном, беспокойном сознании героя и через некоторое время исчезло без следа. Но ... не без следа! Ибо мертвая старуха, которую герой оставил, выходя из пола, "лежащую на поду за столом, возле кровати"⁴¹ (как видим, Хармсу важно точно определить местоположение старухи в комнате), теперь "лежала у порога, уткнувшись лицом в пол"⁴². Говоря более точно, реальное и ирреальное оказывается столь же непосредственно сплетено. Ирреалон и сам факт появления старухи в комнате героя, ее смерть, но примечательно, что надеждам на столь же таинственное ее исчезновение не суждено сбыться, и дальнейшее пребывание старухи в этом мире вполне подчиняется его законам.

Проблема соотношения сна и яви стоит и в рассказе "Утро". Сон о собаке становится вдруг чрезвычайно важным для героя; ему кажется, что обдумать сон до конца — необходимо. Кроме этого, обращает на себя внимание такая композиционная особенность рассказа: он начинается с воспоминания о сне и заканчивается сном. При этом бессонница, напавшая на героя, — тема сквозная для хармсовской прозы*: она, в частности, реализуется в цикле "Случай" (к примеру, в рассказе "Сон празник человека"). И, наконец, именно в связи со сном получает свое завершение тема чуда: чудо, о котором герой просит Бога, совершается лишь теперь:

" — Заснул, — слышу я голос"⁴³.

Чей это голос? Голос Бога? Или герой слышит во сне собственные мысли (ср.: "диалог" героя со своими мыслями в "Старухе")? Неизвестно. Но явная трансцендентная природа этого голоса все

---

* Мотив бессонницы, связанный с внезапным умопомрачением, присутствует в "Голоде". Мучаясь от невозможности заснуть, герой вдруг оказывается пораженным мыслью, что он сошел с ума: "Охваченный страхом, я соскочил с койки. Шатаюсь, пошел к двери, попытался ее открыть, несколько раз ударился в нее всем телом, чтобы ее высадить, потом уперся лбом в стену, громко стонал, кусая себе пальцы, плакал, бормотал проклятия..."⁴⁴ Еще в одном гамсуновском романе — в "историях" — для Нагеля сон, болезнь и явь сливаются воедино. Ему снится, что он пытается найти в море свое кольцо и, не найдя, хочет покончить с собой. Проснувшись, он, как и во сне, бежит к морю, и на этот раз самоубийство ему удается.

же, видимо, неоспорима.

Говоря о "Старухе", конечно, трудно обойти стороной и проблему генезиса образа, давшего название самой повести. Существуют работы, которые ставят и пытаются решить эту проблему в контексте русской классической литературы⁴⁵. Мы укажем на еще один вероятный источник этого образа – повесть Андрея Белого "Котик Летаев".

Интерес Хармса к Белому несомненен. В фонде Л.С.Друокина сохранилась небольшая статья Хармса о поэтике прозы А.Белого, датированная 18 июля 1927 г.⁴⁶, в которой, в частности, Хармс пишет: "То далеко залетает каждый звук, то останавливается прямо в упор – неожиданно. Можно вздрогнуть. Вышел А.Белый из-под тумана, прояснился и тут же отжил".

В "Котике Летаеве" А.Белый не просто вспоминает собственное детство. Повествование захватывает сам момент появления человека на свет, самые первые звуки, цвета, запахи, которые его окружают с первой же минуты. Самые странные образы, ассоциации выливаются на бумагу, воссоздавая неповторимый душевный мир младенца. Это подчеркивается и характерным ритмом повести.

Одним из самых страшных образов для маленького Котика и была старуха: "Думаю, что "старуха", – какое-либо из внетелесных моих состояний, не желающих принять "Я" и живущих: глухую, особую, стародавнюю жизнь; эта жизнь прорастает порою: у впадающих в детство старух, сумасшедших; и – носится по июльским ночам грозовыми зарницами; плевелы ее шелестят в пыли жизни:

Парки бабье лепетанье...

Дзени мышья беготня...

Сплетница мне и теперь напоминает "старуху", – продолжает А.Белый, – в ней есть что-то "мистическое" ...⁴⁷

В повести Хармса все это есть: и ощущение старухи как "внетелесного состояния, не желающего принять "Я" (а откуда иначе такое колоссальное по силе воздействие старухи как живой, так и мертвой, на волю героя, влияние на его поступки и действия?), и безотчетный страх перед старухой, и мистический характер ее появления. С образом старухи, безусловно, связано и появление некоего старца, который, по сообщению Марьи Васильевны, зачем-то

спрашивал героя. Старик больше уже так и не появится в повести, создав ассоциацию с Черным человеком из "Моцарта и Сальери". Кстати, не с образом ли Марьи Васильевны (в которой, по мнению А. Стоун-Нахимовской, отражается старуха) связана символика сплетниш, возможно позаимствованная Хармсом у А. Белого?

2. Проблема человека в прозе Д. Хармса

Как справедливо заметила А. Г. Герасимова, Хармс, перейдя в тридцатых годах к прозе, создал для себя и новый объект художественного исследования. Если в поэзии объектом служило слово (и, добавим мы, — звук, слог, ритм), то в прозе таким объектом стал человек⁴⁸.

Одним из основных типов человека, созданных Хармсом в 1930-е гг., стал человек, тесно связанный с алогической структурой рассказа. Алогизм деформировал сознание этого человека, привел к тому, что у него изменились представления о причинах и следствиях, о цели и средствах, возникла алогическая система ценностей, которая непонятна сознанию читателя. Это — своеобразный знак, символ человека:

"Скасска"⁴⁹

Мил-был один человек, звали его Семенов. Пошел однажды Семенов гулять и потерял носовой платок. Семенов начал искать носовой платок и потерял шапку. Начал шапку искать и потерял куртку. Начал куртку искать и потерял сапоги.

— Ну, — сказал Семенов, — этак все растеряешь. Пойду лучше домой. Пошел Семенов домой и заблудился.

Сел Семенов на камушек и заснул⁵⁰.

Д.-Ф. Жаккар отмечает, что происходит "расчленение, сначала физическое, затем психологическое — лучше будет не шевелиться..."⁵¹ Скорее, важна здесь монофункциональность персонажа: человек существует исключительно для того, чтобы персонафицировать илею потери. (Аналогично, заметим, и в рассказе "Потери".) Не существует ни прищипок героя, ни внешнего вида, ни характера, — все подчинено теме потери, которая полностью исчерпывает человека. Поэтому нам трудно согласиться с отнесением этого героя к типу "rueuse naïf" ("наивный растерянный"), как это делает Жаккар⁵².

Монофункциональные, плоские образы людей возникают и с помощью использования известных имен:

"Ольга Форш подошла к Алексею Толстому и что-то сделала. Алексей Толстой тоже что-то сделал."

Тут Константин Федин и Валентин Стенич выскочили на двор и принялись разгребать подходящий камень. Камня они не нашли, но нашли лопату. Этой лопатой Константин Федин съездил Ольгу Форш по морде.

Тогда Алексей Толстой разделся голым и, ввёл на Фонтанку, стал ржать по-лошадиному. Все говорили: "Вот ржет крупный совре-
временный писатель". И никто Алексея Толстого не тронул"⁵³.

В своей работе "Эпос и лирика" М.М.Бахтин отмечал, что сме-
ховая фамильяризация образа человека впервые разрушила эпичес-
кую дистанцию⁵⁴. Эпическая же дистанция предполагает ценност-
ную завершенность и недоступность. В приведенном примере из
творчества Хармса, а также и в других его произведениях ("Пуш-
кин и Гоголь", "Анекдоты из жизни Пушкина", "О Пушкине", "Судь-
ба жены профессора") разбирается определенная н о р м а т и в -
н а я п и е т е т, связанный не столько с творчеством упомяну-
тых писателей, сколько с конкретной исторической ситуацией
1930-х гг. (Стоит вспомнить хотя бы "канонизирование" Пушкина,
происходившее в 1937 г., когда отмечалось 100-летие его гиб-
ли⁵⁵.) Хармс разрушает насаждаемое сверху слепое преклонение
именно с помощью создания монофункционального героя, носящего
всем известное имя, которое, разумеется, превращается в знак,
в эмблему⁵⁶. Средством создания этой монофункциональности ста-
новится алогическая цепочка действий, вызывающая "смеховую фа-
мильяризацию", о которой писал М.Бахтин.

В непосредственной связи с проблемой человека в рассказах
Хармса находится проблема соотношения абсурда и алогизма. Без-
оговорочное отнесение Хармса (и, заметим, А.И.Введенского) к ро-
дона начальникам европейской литературы абсурда нам кажется непри-
емлемым, по двум, по крайней мере, причинам.

Во-первых, применение термина "абсурд" влечет за собой
признание содержания произведения как "бессмысленного" ("бес-
смысленное" - русский синоним "абсурдного"). Но стоит присмо-
треться - и мы увидим в рассказах Хармса строгую логику - яную,
по сравнению с привычной, деформированную, но все же логику.

Возьмем для примера рассказ 1936 г. "Кассирша"⁵⁷. Заданный изначально алогизм — полное обесценивание человеческой жизни — рождает п о с л е д о в а т е л ь н у ю деформацию сознания людей. Милиция, явившаяся в кооператив после смерти Маша, признает заведующего виновным в убийстве, но наказанием за "убийство" становится штраф — 15 р. (!). Затем милиция уносит вместо покойницы живую кассиршу в качестве "трупа", несмотря на ее сопротивление. И это также является л о г и ч н ы м в созданном Хармсом мире, так как с потерей ценности человеческой жизни, вопрос, жива кассирша или мертва, становится для милиционеров абсолютно не важным, они лишь выполняют полученный приказ: "Нам все равно. Сказано унести кассиршу, мы ее и унесем".

Знаменательно (и в полном соответствии с логикой хармсовского мира) то, что заведующий прежде всего обеспокоен тем, кто теперь будет с и д е т ь за кассой (подчеркиваем: сидеть, а не работать). Он отдает следующее распоряжение:

" — Хе-хе! Не так-то легко меня в тупик поставить! Посадим покойницу за кассу, может, публика и не разберет, кто за кассой сидит.

Посадили покойницу за кассу, в зубы ей папироску вставили, а в руки для правополобия дали ей гриб держать. Сидит покойница за кассой, как живая, только цвет лица очень зеленый, а один глаз открыт, а другой совершенно закрыт.

— Ничего, — говорит заведующий, — сойдет".

Ставя знак равенства между жизнью и смертью, заведующий не сомневается в том, что и покупатели не заинтересуются, живой или мертвый человек сидит за кассой. Таким образом, кооператив оказывается замкнутой и самодостаточной логической моделью. Действия героев, как мы видим, вовсе не бессмысленны. В конце же рассказа происходит разрушение деформированной логики при столкновении с логикой реальной (достаточно редкий для хармсовской прозы случай).

В рассказе "Отец и дочь" (1936)⁵⁸ алогизм рождается из заданного изначально равенства "человек-бумага". Происходит реализация метонимического переноса по функции, приводящая к отождествлению знака с означаемым:

"Пришел Наташин папа, взял Наташу и отнес ее к управдому, "Вот, — говорит Наташин папа, — засвидетельствуйте смерть". Управдом подул на печать и приложил ее к Наташиному лбу".

Печать, которую надо приклапывать к документу, прикладывают ко лбу самого умершего. Дальше происходит нарастание алогизма в рамках этой же системы:

"Папа... упал и умер. Позвала Наташа управдома и говорит: "Засвидетельствуйте смерть". Управдом подул на печать и приложил ее к листику бумаги, а потом на этом же листике бумаги написал: "Сим удостоверяется, что такой-то действительно умер".

Взяла Наташа бумажку и понесла ее на кладбище хоронить".

Теперь уже достаточно вместо человека похоронить бумажку. И здесь — явный алогизм, но об абсурде говорить не приходится.

Во-вторых, если подходить к проблеме с точки зрения аксиологии, то мы увидим: абсурд в прозе Хармса существует, но он является отрицательно маркированным, тогда как алогизм может быть и нейтральным, и даже положительным. Так, алогизм, выражающийся в явлении чуда, явно противостоит абсурду бытия ("Макаров и Петерсон", "Молодой человек, улививший сторожа"). Вера в чудо становится одной из главных особенностей, помогающих дифференцировать хармсовскую поэтику от, к примеру, поэтики Беккета. И у того, и у другого существует почти безысходное ощущение абсурдности человеческого существования (и в этом отношении Владимир и Эстрегон, герои "В ожидании Годо", немногим отличаются от персонажей цикла "Случай"). Но для Беккета "нет ничего более реального, чем ничто"⁵⁹, а для Хармса в этом мире есть нечто, от этого мира не зависящее.

Абсурд выступает в связи с этим в рассказах Хармса как категориальная сущность, характерная для экзистенциальной философии. ("... Абсурд — это одновременно и сам порядок вещей, и его ясное осознание некоторыми людьми", — пишет Э.-П. Сартр⁶⁰.)

Надо сказать, что уже в 1938 г. (почти в одно время с Хармсом) Сартр в своем романе "Тошнота" подошел к художественному выражению этой абсурдности. Герой романа, Рокантен, чувствует чисто физическое отвращение, тошноту от соприкосновения со всеми проявлениями внешнего мира, лежащими вне его. Анализируя свое состояние, Рокантен пишет: "Слово Абсурдность рождается под моим пером... Я понял, что нашел ключ к Существованию, к моей Тошноте,

к моей собственной жизни. Действительно, то что я мог затем постигнуть, сводится к этой фундаментальной абсурдности"⁶¹. Всего четырем годами раньше, в 1934 г., тошноту испытали герои "Неудачного спектакля" Хармса. Тошнота становится здесь выражением онтологической неполноценности бытия, которое принципиально невозможно воссоздать средствами искусства, физическим выражением отращения к жизни. В отличие от Сартра, в понятие "неполноценности бытия" здесь включается и бытие самих героев.

Позже, в 1944 г., в романе "За закрытыми дверями" прозвучит знаменитое: "Ал - это другой", утверждающее принципиальную невозможность полноценной коммуникации. "По Сартру отношения людей дискретны, - объясняет М.К. Мамарлашвили, - являются инертной множественностью, поскольку люди не связаны мажоритарными контактами (взаимопроникновением их сознания и "понимания", любви, ненависти, желаний и т.д.) или не разделяют одно и то же эмоциональное состояние"⁶². Разве не аналогичны этому полное разрушение процесса коммуникации, полная невозможность и нежелание понять и исполнить желание другого человека, выраженные Хармсом в сценке "Тюк"?

В 1960-х гг. Сартр бросит марксизму обвинение в "обесчеловечении человека"⁶³ - термин, прямо относящийся к абсурдному бытию в прозе Хармса. (Обвинение, прямо скажем, имело под собой почву в контексте реализации марксистских идей в 1930-е г. и позже в СССР и в некоторых других странах.)

Реализация свободы человека у экзистенциалистов происходит за счет осознания абсурда и отказа от пребывания в нем. ("Каждый из нас, - заключает Сартр, - всегда играет какую-то роль, выступает как некий персонаж, не являясь им в действительности, потому что если бы он был им на самом деле, то перестал бы быть "для себя" и стал бы "в себе"⁶⁴.) Чрезвычайно трудно обнаружить в творчестве Хармса истинно экзистенциальную личность. (С большой натяжкой можно назвать лишь Макарова из сценки "Макаров и Петерсен".) Поэтому читателя Хармса не покидает ощущение, что в экзистенциальной оппозиции абсурду противостоит *вморг*⁶⁵, а также иррациональные начала (Бог, чудо), и все это соединяется в образе автора, который незримо стоит за своими произведениями.

Возможности достоверного изучения литературного наследия

Д. Хармса, открывающиеся в связи с наличием и доступностью архивного фонда Я.С. Друскина, позволяют, на наш взгляд, двигаться от первоначальных поверхностных представлений о писателе – "шутнике" и "балагуре" к новому этапу постижения сущности его творчества.

Постраничные комментарии и примечания

1 Об обстоятельствах ареста и признания Хармса неуклонным в 1941 г. см. интервью с начальником Управления КДБ СССР по Ленинградской области В.М. Прилуковым: Ленингр. правда. 1988. № 229, 4 окт; а также статью М. Мейлаха (в печати).

2 "Я Вам уже писала, если Вы получили мое письмо, что я переехала в писательскую надстройку, т.к. моя квартира непригодна временно для жилья. Все вещи свои я бросила и живу здесь среди всего чуждого и далекого моему сердцу у..." (Из письма М.В. Малич Н.Б. Шанько, жене известного чтеца А.И. Шварца // ЦГАЛИ. Ф.2982, оп. I, ед. хр. 61). "Писательская надстройка" – дом, в который переехала М.В. Малич (№ 9 по каналу Грибоедова), так называемый "писательский дом". Малич жила в нем в кв. 124. Квартира на ул. Маяковского была повреждена взрывной волной от бомбы.

3 К сожалению, к приходу Я.С. Друскина и М.В. Малич небольшая часть рукописей не сохранилась.

4 О влиянии философских работ Я.С. Друскина на Хармса (в частности, теории "равновесия с небольшой погрешностью") см.: Jaccard J.-Ph. De la réalité au texte l'absurde chez Daniil Harms // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1985. Т. 26 (3 - 4), juil.-déc. P. 269-312.

5 Содержание этих бесед отражено в "Разговорах" (в печати) – записях, которые делал Д.С. Липавский – философ, друг Хармса.

6 См.: Александров А. Материалы Д.И. Хармса в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 г. Л., 1980. С. 64-79.

7 "Чинарями" именовали себя молодые поэты – Хармс, Введенский, а также Друскин, которому и принадлежит это название. От-

метим бесплодность попыток некоторых исследователей "расшифровать" знание данного слова, не обладающего, на самом деле, мотивированной внутренней формой.

8 "Нужно бить побольше любопытным и не поленился рассмотреть столкновение словесных смыслов. Поэзия не манная каша, которую глотают не жуя и о которой тотчас забывают" (из ст.: ОБЭРИУ // Афиши Дома печати. 1928. № 2. С.12).

9 "Нет школы более враждебной нам, чем заумь. Люди реальные и конкретные до мозга костей, мы - первые враги тех, кто хлостит слово и превращает его в бессильного и бессмысленного убожца. В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его" (Там же. С.11).

10 Ф.1232, Друскин Я.С., № 222.

11 Рукопись повести находится в частном собрании.

12 Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4. изд. М., 1979. С.80.

13 Там же. С.80.

14 Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городская культура: Петербург: Тр. по знаковым системам. Тарту, 1984. Т.18. С.34. (Учен. зап. ТГУ; Вып.604).

15 Хармс Д. Полет в небеса: Стихи. Проза. Драммы. Письма. Л., 1988 С.427.

16 Там же. С.418-419.

17 Там же. С.422.

18 Благовещенская М.П., Измайлов А.А. Кнут Тамсун. Спб., 1910. С.80.

19 Stone-Nekhimovsky A. The Ordinary, the Sacred and the Grotesque in Daniil Kharms's "The Old Woman" // Slevic Rev. 1978. Vol. 37, N 2. P. 210.

20 Хармс Д. Указ. соч. С.416.

21 Там же. С.428.

22 Там же. С.411.

- 23 Ф.1232, Друскин Н.С., № 74.
- 24 Хармс Д. Указ. соч. С.416
- 25 Ф.1232, Друскин Н.С., № 74.
- 26 Stone-Nakhimovsky A. Указ. соч. P.214.
- 27 Гамсун К. Избр. произведения в двух томах. М., 1970. Т.1. С.77.
- 28 Хармс Д. Указ. соч. С.416-417.
- 29 "А знаете, мне кажется, что вы сумасшедший", - говорит герой "Голола" его любимая (Гамсун К. Указ. соч. С.158), "Накажи меня бог, па этот мальчик сошел с ума!" - кричит ему хозяйка квартира (Там же. С.178). Ср. с уже приведенными словами Марьи Васильевны: "Шумашедший".
- 30 Хармс Д. Указ. соч. С.441.
- 31 Гамсун К. Указ. соч. С.145-146.
- 32 Там же. С.81.
- 33 Там же. С.95.
- 34 Хармс Д. Указ. соч. С.412.
- 35 Там же. С.441-442.
- 36 Лотман Ю.М. Указ. соч. С.35-36.
- 37 Верцен А.И. Москва и Петербург. Цит. по: Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры... С.8.
- 38 Хармс Д. Указ. соч. С.417.
- 39 Там же. С.425.
- 40 Ф.1232, Друскин Н.С., № 268.
- 41 Д.Хармс. Указ. соч. С.405.
- 42 Там же. С.421.
- 43 Там же. С.414.
- 44 Гамсун К. Указ. соч. С.94.

45 См., например: Stone-Nakhimovsky A. Laughter in the void: An intzod. to the writings of Daniil Kharmas and Alexander Vvedenski. Wien, 1982. 191 p. (Wiener Slawistischer Almanach; N 5); Иванович М. Ситуация Раскольников и ее отголоски в русской советской прозе: (парод. аспект) // 3б. за славистику. Нови Сад, 1981. С. 46-48.

46 Ф.1232, Друкиня Я.С., № 370.

47 Бадый А. Котик Лежаев. Chicago, 1966. С.7.

48 См.: Герасимова А. ОБЗРИУ: (Пробл. смешного) // Вопр. лит. 1988. № 4. С.48-79.

49 Характерная для Хармса сознательная "небольшая погрешность" в орфография (См.: J.-Ph. Jaccard. Указ. соч.).

50 Ф.1232, Друскин Я.С., № 232.

51 J.-Ph. Jaccard. Указ. соч. P.289.

52 Там же. P.277.

53 Хармс Д. Собр. произведений. Т.5. Времен (В печати).

54 См.: Бахтин М.М. Эпос и лирика // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исслед. разных лет. М., 1975. 502 с.

55 Характерная черта времени: конвоиры НКВД с Пушкиным в руках. "Трамoteет в шинелях с наганами племя пушкиноведов" (О.Мандельштам).

56 Об амблематизации имени в творчестве Хармса и Платонова - см. нашу статью "Человек и смерть в прозе Даниила Хармса и Андрея Платонова" (В печати).

57 Ф.1232, Друкиня Я.С., № 270.

58 Там же. № 271.

59 Цит. по: Андреев Л.Г., Козлов Н.П., Косиков Г.К. История французской литературы. М., 1987. С.524.

60 Сартр Ж.-П. Объяснение "Постороннего" // Называть вещи своими именами. М., 1986. С.82.

61 Цит. по: Кузнецов В.Н. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М., 1969. С.50.

62 Мамардашвили И.К. Категория социального бытия и метод его анализа в экзистенциализме Сартра // Современный экзистенциализм. М., 1966. С.184.

63 Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. Paris, 1960. V. 1. P. 58.

64 Сахарова Т.А. Проблема человека в концепциях французских экзистенциалистов // Современный экзистенциализм. М., 1966. С.288.

65 "Есть в жизни две высокие вещи, - записывает Хармс в дневник, - это юмор и святость". И еще одна хармсовская запись: "Скоты не должны смеяться" (Ф. 1232, Друскин Я.С., № 74).

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРИОДИКИ А. А. АХМАТОВОЙ

"Поэты говорят стихами..." Несмотря на очевидный трюизм этих слов, мы начинаем именно с них наше сообщение, поскольку для него они являются ключевыми.

Анна Андреевна Ахматова на протяжении всей жизни собирала и хранила посвященные ей стихотворные произведения разных авторов. Если по какой-либо причине тексты утрачивались, она сама восстанавливала и записывала их. Эта тема была для нее актуальной до последних месяцев жизни: по свидетельству очевидца, получив в декабре 1965 г. во время пребывания в больнице посвященное ей стихотворение начинающего тогда поэта Евгения Рейна, Анна Андреевна сказала, "Это - соное", т.е. соное стихотворение в созданном ею сборнике посвященных ей стихов, который она назвала "В ста зеркалах" или "Полосатая тетрадь" (по внешнему виду папки - голубая в белую полоску, - в которую она собирала такие произведения).

Сборник хранится ныне в архиве А. А. Ахматовой в ОР ИРБ^I. В нем находится 121 стихотворение, 56 из них имеют ахматовскую помету: "В ста зеркалах". "Полосатая тетрадь" включает в себя стихотворения виднейших поэтов XX в.: А. Блока, Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Пастернака, М. Цветаевой, а также произведения непрофессиональных литераторов - учителей, инженеров, ученых, рабочих, учащихся, которых на создание собственных произведений вдохновили стихи А. А. Ахматовой. По способу исполнения - это и автографы самих авторов стихотворений, и автографы А. А. Ахматовой и машинописные копии с авторской или ахматовской правкой. Открывает сборник "В ста зеркалах" стихотворение Н. С. Гумилева "Русалка" 1904 г., самое первое из произведений, посвященных Ахматовой, тогда 10-летней гимназистке. Хронологически эту книгу должны были бы, вероятно, завершать уже упомянутое стихотворение Е. Рейна ("У зимней тьмы печалей полон рот..." - 8 декабря 1965 г.), или стихотворение Г. Ле-

^I Сохранился также альбом со стихотворениями разных авторов, посвященными Ахматовой (1911-1933 гг.) и рисунками, выполненными самими художниками (1914-1923 гг.). Он находится в фонде Ахматовой в ЦАЛИ СССР.

вина ("Анна Ахматовой" – 17 декабря 1965 г.). Однако Анна Андреевна не придерживалась в "Полосатой тетради" строгого хронологического расположения текстов стихотворений. У нее был свой "особый" замысел, следуя которому она и раскладывала посвященные ей стихи. Ахматовский замысел, ее "особый" порядок расположения после ее смерти был нарушен и восстановить его удалось только применительно к 36 стихотворениям².

Название книги "В ста зеркалах" в качестве заглавия сборника, посвященных А.А. Ахматовой стихотворений, надо, разумеется, понимать условно: и в самом сборнике стихотворений гораздо больше, а в фонде имеется еще более 60 стихотворений, не включенных Анной Андреевной в "Полосатую тетрадь". Вообще же Ахматову как адресата стихотворных произведений можно сравнить только с Блоком (по подсчетам Ю.М. Гельперина А. Блоку посвящено свыше 380 текстов более чем 180 авторов³; А. Ахматовой посвящено при жизни и посмертно более 530 стихотворений⁴).

Возвращаясь к началу нашего сообщения должны отметить, что Анна Андреевна собирала посвященные ей поэтические произведения, разумеется, не с целью рассматривать свое отражение в "Ста зеркалах". Главное – это воссоздание того диалога, который она, как поэт, вела со своими собратьями по перу, со своими современниками. В творческом наследии Ахматовой не менее 70 стихотворений, посвященных ее друзьям и "коллегам".

Такие взаимные поэтические послания, когда они по той или иной причине при публикациях теряют адресата, подобны письмам без адреса, и вследствие этого многое утрачивают из своего содержания, когда попадают в руки читателя. Вот конкретный тому пример.

---

² См. запись В.Л. Виленкина к реконструкции состава и структуры сборника "В ста зеркалах" (ОР ИФБ. Ф.1073, № 215).

³ Александр Блок: Новые материалы и исслед. // Лит. наследство. М., 1982. Т.92, кн.3. С.541.

⁴ Виноградова Е.Е. Образ А.А. Ахматовой в русской советской литературе: Диплом. работа /ЛГУ. Филол. фак. Л., 1980. Машинопись. Благодарим С.В. Дедюлина за предоставленную возможность воспользоваться его библиографическими трудами.

Наиболее близкими Ахматовой в конце 1950-х - начале 1960-х гг. поэтами молодого поколения, дарование которых она высоко ценила, были четверо ленинградцев: А.Найман, Е.Рейн, Д.Бобышев и И.Бродский.

И.Бродский познакомился с Анной Андреевной в 1962 г. В архиве Ахматовой хранится цикл из двух, посвященных ей Бродским стихотворений, датированных автором 24 июня 1962 г.⁵ и сопровождаемых следующей припиской: "Дорогая Анна Андреевна! Простите, бога ради, поспешность этих стихов. Я напишу Вам гораздо лучше. Просто хотел успеть к дню Вашего рождения. Поздравляю Вас. Хочу, чтобы все вокруг возле Вас было так, как Вы хотите. Ваш И.Бродский"⁶. Приводим тексты обоих стихотворений⁷.

Анне Андреевне Ахматовой

I

Закричат и захлопочут петухи.
По проспекту загрохочут сапоги.
Засверкает лошадиный изумруд
В одночасье современники умрут.

Запоет над переулком флажолет.
Загрохочет над каналом пистолет.
Загремит на подоконнике стекло.
Станет в комнате особенно светло.

---

⁵ Самым первым в творчестве Бродского стихотворением, косвенно посвященным Ахматовой, является "Инструкция опечаленным" (6 июня 1962 г.). Впервые наличие в архиве Ахматовой текстов стихотворений Бродского отмечено в печати первой исследовательницей этого архива, сотрудницей ОР ИБ Л.А.Мандрыкиной. См.: Тез. междуз. науч.-теорет. конф. "Проблемы русской критики и поэзии XX века" (17-19 апр. 1973 г.). Ереван, 1973. С.45. О письмах А.А.Ахматовой к И.А.Бродскому см.: Горди Я. Диалог поэтов: (Три письма Ахматовой к Бродскому) // Ахматовский сборник. Ин-т ольвиноведения, Париж, 1989. С. 221-224.

⁶ ОР ИБ. Ф.1073, № 557. Л.1-3.

⁷ Это первоначальная редакция, существенно отличающаяся от последующих публикаций и не ученная составителями четырехтомного Собрания сочинений И.А.Бродского, подготовленного в 1972-1974 гг. по другим рукописям поэта и печатным источникам (машинопись хранится в ОР ИБ. Ф.1153, № 610-613).

И помчатся, заевая за кусты,
неврадимые солдаты духоты
вплоть подстриженных по-новому аллея,
словно тени яйцевидных кораблей.

Так начнется двадцать первый, золотой,
на тропинке, красным светом залитой,
на вопросы и проклятие в ответ
обволакивая паром этот свет!

Но на Мероовое поле дотемна
в синем платье одинешенька-опна
Вы появитесь, как было уж не раз,
лишь навачно без поклонников, без нас.

Только трубочка бумажная в руке.
Лишь такси за Вами едет вдалеке.
Ряком плещется блестящая вода.
До асфальта провисают провода.

Вы поднимите прекрасное лицо.
Грохкий смех иль пошнимальное словцо
- звук неясный на нагревшемся мосту
на мгновенье взбудоражит пустоту.

Я не видел, не увижу Ваших слез.
Не услышу я шуршания колес,
уносящих Вас к заливу, к деревьям,
по Отечеству без памятника Вам.

Умирания, смертей и бытия
соучастник, никогда не судия,
опирая на ладонь свою висок,
Вы напишите о нас наискосок -

в теплой комнате, как помнится, без книг,
без поклонников, но также не для них,
без читателей, без критиков и без
всех людей - стихотворенье для небес.

Там, быть может, Вы промолвите: Господь,
этот воздух загустевший только плоть
душ, оставивших призвание свое,
а не чьево творение твоё.

За церквями, садами, театрами,
 за кустами в холодных дворах,
 в темноте за дверями парадными,
 за бездомными в этих дверях.
 За пустыми ночными кварталами,
 За дворцами над светлой Певой,
 за подъездами их, за подвалами,
 за шумщей над ними листвою.

За бульварами с тусклыми урнами,
 за балконами, полными сна,
 за кирпичными красными тюрьмами,
 где больных будоражит весна,
 за вокзальными страшными люстрами,
 что толкаются, тени гоня,
 за тремя запоздалыми чувствами
 Вы живете теперь от меня.

За любовью, за долгом, за мужеством,
 Или больше — за Вашим лицом,
 за рекой, осененной замужеством
 за таким одиноким пловцом
 — за своим Ленинградом, за дальними
 островами в мелькнувшем раю,
 за своими страданиями давними
 от меня за замками семью.

Разделение не жизнью, не временем,
 за пространством с кричащей толпой,
 разделение не болью, не бременем
 и хоть странно, но всё ж не судьбой.
 Не пером, не бумагой, не голосом —
 — разделение печалью, к тому ж
 правдой, больше неловкой, чем горестной:
 вековой одинокостью душ.

На окраинах, там, за заборами,
за крестами у цинковых звезд,
за семью — семьюстами запорами
и не только за тысячу верст,
а за всею землею неполютой,
за салютом ее журавлей,
за Россией, как будто неполютой
ни слезами, ни кровью моею.

Там, где впрямь у дороги непройденной
на ветру моя вьюность дрожит,
где-то близко холодная родина
за Финляндским вокзалом лежит,
и смотрю я в пространства окрестные
напряженно, до боли уже,
словно эти весы неизвестные
у кого-то не только в душе.

Вот иду я, парадные светятся,
за оградой кусты шелестят,
во дворе Петропавловской крепости
тихие белые ночи сидят.
Развевается бледное облако,
под мостами плывут корабли,
ни гудка, ни свистка и ни окрика
до последнего края земли.

Не прошу ни любви, ни признания,
ни волнения, рукав теребя.
Долгой жизни тебе, расстояние.
Но я снова прошу для себя
безразличную ласковость добрую
и — при встрече — все то же житье.

Приношу Вам любовь свою долгую,
сознавая ненужность ее.

24. VI. 62.

Действительно, как было обещано в письме от 24 июня, почти через три недели Бродский адресовал Ахматовой еще два стихотворения, датированных 11 июля 1962 г.⁸

Анне Андреевне Ахматовой

1.

Когда подойдет к изголовью
смотритель преспущенных век,
я вспомню запачканный кровью,
укатанный лыжником снег,
платформу в снегу под часами,
вагоны - зеленым пятном -
и длинные финские сани
в сугробах под Вашим окном,
заборы, кустарники, стены
и оспинки гипсовых ваз,
и сосны
- для Вас уже тени
но долго деревья для нас.

2.

Не жаждал являться до срока,
он медленно шел по земле.
Он просто пришел издалика
И молча лежит на столе.
Потом он звучит безучастно
и тает потом на лету.

И вот, как тропинка с участка,
выводит меня в темноту⁹.

На эти поэтические послания А.А.Ахматова ответила стихотворением "Последняя роза", датированным 9 августа 1962 г. Впервые оно опубликовано в "Новом мире" (1963. № 1. С. 64) и снабжено

---

⁸ Обращаем внимание на имеющиеся и здесь разночтения с последующими публикациями.

⁹ ОР ПБ. Ф.1073, № 657. Л.4.

точным указанием адресата. К нему отсылал эпиграф: "Вы напишите о нас наискосок" – строчка из первого икньского стихотворения Бродского, адресованного Ахматовой, и инициалы автора – И.Б.

Мне с Морозовой класть поклонь,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дилонь,
Чтобы с Жанной на костер опять.

Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

В дальнейших, вплоть до самых последних, перепечатках стихотворения эпиграф исчез. На то, что это было сделано вопреки воле Ахматовой, указывает следующее: в 1967 г. в Болгарии вышел в серии "Библиотека советских поэтов" том стихотворений Ахматовой, где эпиграф был восстановлен с полной подписью автора (И.Бродский), а в предисловии, написанном Ахматовой, сказано: "Эта книга – единственная из моих многочисленных переводов на иностранные языки, которую я сама составила и к которой пишу предисловие <..>"¹⁰. Уничтоженный эпиграф не то что бы делает стихотворение Ахматовой неясным, но лишает его читателя понимания, что оно является конкретным, вплоть до варьирования некоторых строк, ответом на чаемое в стихотворении Бродского будущее воскрешение Ахматовой.

Самое начало стихотворения Ахматовой есть как бы продолжение, развитие вот этих строк Бродского:

Умиранья, смертей, и бытия
соучастник ...

В ответ у Ахматовой следует:

---

¹⁰ Ахматова А.А. Избр. стихотворения. София: Нар. культура, 1967. С.3. В архиве А.А.Ахматовой в ИФБ имеются три автографа стихотворения "Мне с Морозовой класть поклонь..." и всем им предпослан эпиграф И.А.Бродского. В подтверждение наших слов сошлемся также на устное свидетельство И.Н.Пуляной, знакомой с перипетиями снятия эпиграфа.

Мне с Морозовой класть поклоны,
С палчерицей Ирода плясать...

Подобно композитору, интерпретирующему по-своему тему другого сочинения, Ахматова дает парафраз темы обращенного к ней стихотворения Бродского, ведя речь о том, что в любом измерении своего существования - прошлом, настоящем или будущем - ее долей было, есть и будет вечное соучастие, сопричастие судьбам своих современников, как бы тяжелы они не были. Это именно диалог двух поэтов, и, не слыша одного из участников разговора, мы, разумеется, не вполне адекватно понимаем смысл речи другого.

В марте 1963 г. Ахматова сделала дарственную надпись Бродскому на, видимо, недавнем, 1961 г., издании своих стихотворений (автокопия надписи имеется в архиве Ахматовой). В ней использованы две строки из второго из приланных ей Бродским 24 июня 1962 г. стихотворения. Вот текст надписи Ахматовой:

Иосифу Бродскому
от третьего петербургского сфинкса

на память

24 марта

1963

Комарово

, И.Б.

Разделение не болью не бременем
и хоть странно, но все ж не судьбой.

А.

24 марта

1963

Комарово II.

Вводя в текст своей дарственной надписи Бродскому строки его стихотворения, Ахматова тем самым как бы подтверждала справедливость его мысли о сходстве их судеб. Всего через 8 месяцев правоту такого заключения подтвердила сама жизнь: в ноябре этого года в "Вечернем Ленинграде" появилась первая из статей о

Бродском, послужившая началом клеветнической кампании против него.

Помимо уже названных, в архиве Ахматовой сохранилось еще три стихотворения Бродского, адресованные ей.

24 июня 1933 г., ко дню рождения Ахматовой, Бродским было прислано стихотворение с обозначением места его создания¹².

А.А.А.

Блестит залив и ветер несет
через ограды воздух влажный.
Ночь белая глядит с высот,
как в зеркало, в квадрат бумажный.
Вдвойне темней, чем он, рука.
Незрима при поспешном взгляде.
Но вот слова, как облака,
несутся по зеркальной глади.

24 июня 33.

Финляндский вокзал.

Через год из Норинской (Архангельской обл., места ссылки) Бродский прислал Ахматовой еще одно стихотворное послание. Приложенное к нему письмо позволяет точно датировать стихотворение: "Я написал его 21 мая..."¹³

А.А.А.

В деревне, затерявшейся в лесах,
Таращусь на просветы в небесах
Когда же загорятся окна Ваши
в небесных "москворецких корпусах".

А южный ветер, что облака несет
с холодных; нетемнеющих высот,
того гляди, далекой Вашей Музы
аукающий голос донесет.

¹² ОР ГПБ. Ф.1073, № 557. Л.3. Указание на место написания в Собрании стихотворений отсутствует. Имеется также разночтение в одном слове: ограду вместо ограды, как в автографе.

¹³ Там же. Л.4об.; Стихотворение // Там же. Л.3.

И здесь, в лесу, на явном рубеже
минувшего с грядущим, на меже
меж голосом и эхом - все же внятно
Я отзовусь - как никогда уже,
не слыша очевидных голосов
откликнулся я все ж на чей-то зов,
и вот теперь - за ним бреду безмолвно
среди болот, среди одних лесов...

Наконец, приведем последнее из стихотворений Бродского, имеющих в архиве Ахматовой, датированное 1-2 января 1965 г., с эпиграфом из стихотворения Ахматовой "Какая есть. Желаю вам другую..." (1942)¹⁴.

Седой венец достался мне
недаром
Анна Ахматова

Выбрасывая на берег словарь,
Злоречьем торжествуя над удушьем,
пусть море осаждает календарь
со всех сторон: минувшим и грядущим.

Швыряя в стекла пригоршней январь
осенним днем, за стеклами ревушим,
и гребнем, ослепительно цветущим,
когда гремит за окнами январь,
захлестывая их - пускай гудит,
сжимает сердце и в глаза глядит.

Но, подступая к самому лицу,
оно уступит в блеске своенравном
седому, серебристому венцу,
внесенному над тернием в лавром.

1-2 января 65 г.

Мы намеренно не касаемся в нашем сообщении вопроса о прозаической части переписки И.А.Бродского с А.А.Ахматовой, прежде все-

¹⁴ ОР ГИБ. Д. 1073, № 557. Л.7.

го по той самой причине, о которой сказано в начале: поэты говорят друг с другом языком поэзии и это самая значимая часть их общения, достовернее всего отражающая их взаимоотношения.

Приведенная нами стихотворная переписка Бродского и Ахматовой, сохранившаяся в ее архиве, гораздо более прозаической свидетельствует о глубоких связях поэтов, сознании общности судеб, уникальности поэтического дара Ахматовой, высшей мерой которого поверял свой собственный дар и судьбу Бродский. Впрочем, здесь мы, кажется, начинаем противоречить собственным принципам, пытаюсь излагать прозой то, что вполне отразилось в поэзии, и потому завершаем наше сообщение.

Коротко об авторах

- БОГДАНОВА Татьяна Александровна - мл. науч. сотр. ОР ГПБ
- БУЧИНА Людмила Игоревна - гл. б-рь ОР ГПБ
- ВОРОНОВА Тамара Павловна - ст. науч. сотр. ОР ГПБ, канд.
ист. наук
- ЗУБКОВА Нина Антоновна - ст. науч. сотр. ОР ГПБ, канд.
ист. наук
- ИЛЬЮНИНА Людмила Александровна - науч. сотр. Музея истории Ле-
нинграда
- КОБРИНСКИЙ Александр Аркадьевич - ассистент кафедры сов. лит. ДИПИ
им. А.И. Герцена
- КОУГИЯ Ольга Игоревна - мл. науч. сотр. ОР ГПБ
- КРАЙНЕВА Наталья Ивановна - мл. науч. сотр. ОР ГПБ
- САЖИН Валерий Николаевич - ст. науч. сотр. ОР ГПБ, канд.
филос. наук
- Редактор - ЕФИМОВА Нина Александровна, канд. пед. наук, ст. науч.
сотр.